

МУНИЦИПАЛЬНОЕ КАЗЁННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «КАЧКАНАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ АРХИВ»

ОКАЗЫВАЕТ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ:

- выдача копий архивных документов, подтверждающих право на владение землей;
- предоставление архивных справок, архивных копий, архивных выписок, информационных писем, связанных с реализацией законных прав и свобод граждан.

АДРЕС 624357 Свердловская область, г. Качканар,

8 микрорайон, д. 18,

11 микрорайон, д.13 (архивохранилище)

ДИРЕКТОР Титовец Михаил Иванович

ГЛАВНЫЙ АРХИВИСТ Макарова Наталья Григорьевна

ВЕДУЩИЙ АРХИВИСТ Железнова Ольга Александровна

ТЕЛЕФОН (8-343-41) 3-52-72, 6-08-17

ФАКС (8-343-41) 3-52-72

E-MAIL archiv@kgo66.ru

WEB-CAЙТ archive.admkgo.ru

мы рады вам помочь!

Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№9 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

~~~

Защитникам Родины – с благодарностью!
СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА
Михаил ТИТОВЕЦ. Доблесть исовчан
Владимир КАПЛЮКОВ. Исовской район в годы Великой Отечественной войны (Неопубликованные документы из фондов ЦДООСО)
Илья ДЕМАКОВ. Исовчане в годы Великой Отечественной войны (По документам Государственного архива административных органов Свердловской области)
Николай СЕМЕНОВ. От Кавказа и Кубани до Кенигсберга44
Николай ПЕТРОВ. Автобиографический дневник
Иван АГУРЕЕВ. У нас и мысли не было сдаваться
Михаил ТИТОВЕЦ. Песенник василия лучины
Александр УЛЬЯНОВ. Фронтовая муза78
Ада КОКШАРОВА. Я помню, я горжусь
Галина КРАСНОПЕВЦЕВА. Приглашаю в страну моего детства91
в горячих точках
Северная Корея (1950-1953)
Николай СЕМЁНОВ. И снова война: Китай, Северная Корея

Венгрия (1956)	
Владимир МАЛЫШЕВ. Повоевали – и домой	L17
Анатолий ЛАПТЕВ. Принимал участие в выполнении спецзадания 3	L19
Вьетнам	
Валентин ЗАНИН	122
Николай ИВАНОВ	
TINKOJAN VIDALIOD	.23
Советско-китайская граница	
Лариса ПЛЕСНИКОВА. Парень с Даманского	L25
Тихий океан	
Михаил ТИТОВЕЦ. Первый в скорбном списке	L30
· · · · · · · · · · · · · · · · · · ·	
Чечня	
Михаил ТИТОВЕЦ. Чечня воцерковила армию	
Чеченская командировка иерея Георгия	L35
Сирия	
Максим ЗЯЗЕВ. В армии все маски обнуляются	L82
СОЛДАТСКИЕ МАДОННЫ	
Василий ВЕРХОТУРОВ	
Слёзы на погонах	L90
Фамильная честь Нуриевых1	
РАКЕТНЫЙ ЩИТ	
ŕ	
Дмитрий ИВАНОВ Переподготовка	207
переподготовка	107
посыя	
RNEEON	
Людмила АНДРЕЕВА	
Завтра была война	
Победное танго	
Память 2	1 11

Алексей БАШКИРОВ	
Дети войны	212
Сосновый бор	214
Дорога солдата	215
Татьяна ЖЕЛТЫШЕВА	
Жить в мире	216
Ада КОКШАРОВА	
Похоронка	217
Нельзя забыть	
Дети войны	
 Анатолий КУЗНЕЦОВ-МАЯНСКИЙ	
анатолий кузпецов-імалітокий Военная баллада	21.9
Песня о пуле	
Борис КУСОВ	220
Знамя победы	
Устинья МОТУЗОВА	
О себе	220
Вячеслав ОГИБЕНИН	
Перед атакой	222
Галина ПИНАЕВА	
Дед вернулся с войны	223
Степан ПИТАТЕЛЕВ	
Служу пехоте	224
Я знаю бой	
Солдаты победы	
Людмила РЕЙЗЕ	
людмила гейзе Безымянный солдат	226
Клавдия РУБЛЁВА —	
Помнить	
Бессмертный полк	
Одумаитесь!	∠∠č

	Нина САВЕЛЬЕВА	
Пуля		229
Нет конца у войны		230
22 июня 2014 года		230
	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	
Между строк	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	232
	Татьяна СЕМАКИНА	
-		
Военный госпиталь		235
	Надежда ТРУШКОВА	
Два дома		236
Тишина		236
Небо плачет		237
Ветераны		237
Городской фонтан		238
	Евгения ТУМАНОВА	
Спящие солдаты		239
	Наталья ЧИКИНОВА	
Uo пано мно знати		240
роина		
	Галина ШАМИНА	
Эхо войны		241
	Анатолий ШАРЕНКО	
Этот день		243
Победитель		244
	Николай ШЕПЕЛЕВ	
Неизвестный соллат	·····	245
солдаты поосды		
_ ~	Константин ЯРОСЛАВЦЕВ	
ьессмертный полк		246

ЗАЩИТНИКАМ РОДИНЫ – С БЛАГОДАРНОСТЬЮ!

Календарные годы, кратные пяти, для нашего альманаха однозначно определяют тему: защита Отечества. Иначе и быть не может. Камертоном здесь служит священная для нас, граждан многонациональной России, дата – 1945 год. Очень много эта дата значит – и для страны, и для каждого из нас. А в нынешних условиях, когда живых участников и очевидцев Великой Отечественной войны остались считанные единицы, важность и значимость сохранения памяти о великих тех годах возрастает. Потому что всё наглее и циничнее становятся попытки «переосмысления» истории Великой Отечественной войны, стремление принизить значение нашей Великой Победы, поменять плюс на минус в этом значении. Поэтому каждое свидетельство – бесценно, будь то воспоминания фронтовика, труженика тыла, детей войны или документы. Вот и мы постарались в нашем альманахе такие свидетельства опубликовать.

В альманахе несколько публикаций о вкладе в достижение Победы Исовского района, что вполне закономерно: в то время наша территория входила в состав этого района, а у многих качканарцев – исовские корни.

В этом выпуске также материалы о качканарцах, защищавших Родину в послевоенное время как на ближних, так и на дальних рубежах. И здесь ведь не всё просто. Долгое время оставалось «тайной за семью печатями» участие наших соотечественников в военных действиях за пределами страны. И хоть это был «секрет Полишинеля», ветераны тех локальных войн и конфликтов были «неизвестными героями». А как много они могли бы рассказать и о самих событиях, и об их участниках. Наша скромная дань памяти – материалы о качканарцах – ветеранах войны в Корее, во Вьетнаме и венгерских событиях 1956 года.

Ну, и буквально «по горячим следам» записаны воспоминания о последней по времени горячей точке – многострадальной Сирии.

Нельзя обойти вниманием и события на «внутренних фронтах». Старшее поколение хорошо помнит конфликт на советско-китай-

ской границе в районе острова Даманского, взбудоражившем страну в 1969 году. И поколению молодому об этом тоже следует знать.

Вниманию читателей предлагается необычный источник периода восстановления конституционного строя на территории Чеченской республики – взгляд священника на эти события.

Военная служба – она не только тяжёлая, но и опасная. Даже в мирное время. Что уж говорить о времени военном? В этом альманахе мы вспоминаем наших погибших земляков: Владимира Соколова, Константина Дмитренко, Гаптельбара Нуриева.

В годы «холодной войны» – глобального противостояния двух систем, наш любимый город спал спокойно. В том числе и потому, что его надёжно прикрывал «ракетный щит» – ракетные дивизионы, располагавшиеся близ Качканара, Свердловска-45 и Нижней Туры.

Материалы альманаха – лишь малая толика того, что должно быть написано о защитниках Родины. Оно и понятно: нельзя объять необъятное. В Качканаре в лучшие времена проживало около полутора тысяч ветеранов Великой Отечественной войны. качканарцев являются ветеранами боевых действий. Да и служившим в мирное время есть что рассказать. Вот и надо активно поработать в этом направлении. Всем: школьникам, патриотическим клубам и объединениям, и просто сознательным гражданам. И в знак признательности нашим вооружённым защитникам. И в качестве вклада в будущее страны. Паки и паки повторяем замечательную фразу Ф.Глинки: «Опиши героев минувших – и история твоя родит героев времён будущих».

Редакция альмана	ха

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Михаил ТИТОВЕЦ

ДОБЛЕСТЬ ИСОВЧАН

Терефразируя слова великого поэта, поселок Ис на карте Сверд-Пловской области «кружком означен не всегда». Сейчас это один из многих поселков нашей области, административно входящий в состав Нижнетуринского городского округа. Это сейчас, а в XIX веке, да и в первой половине века двадцатого, это был центр знаменитого Исовского золотоплатинового района, давшего стране тонны драгоценного металла, особенно платины. Более двадцати лет, с 1933 по 1955 год, поселок Ис был «столицей» огромного по территории административного района в составе Свердловской области. Ему принадлежала часть Карпинского района (пос. Кытлым и др.) и Новолялинского (поселки Старая Ляля и Павда). На его территории располагался поселок Нижняя Тура, ныне город – районный центр, залегали руды качканарского месторождения в ожидании своих разработчиков. Одним словом, у Исовского края богатая, интересная, по-своему романтичная история, к сожалению, малоизвестная для большинства жителей нашего края.

В год 75-летия Великой Победы хочется рассказать о вкладе исовчан в ее достижение. Вклад этот огромный – и на полях сражений, и на трудовом фронте.

Была такая очень хорошая, ныне подзабытая песня на слова А.Барто и музыку Т. Хренникова:

«Уральцы бьются здорово, Эх, бьются здорово...»

Здорово бились вместе со всеми уральцами вчерашние старатели и рабочие драг. 3142 человека ушли на фронт с Исовского прииска. Гордость Исовского района – шесть Героев Советского Союза. Золотой звездой отмечены подвиги крупного военачальника – танкиста генерал-полковника В.В.Буткова, старшего сер-

жанта-связиста Г.И.Глазунова, полковника авиации В.М.Чистякова, полковника танковых войск А.В.Рогозина, полковника артиллерии В.А.Меркурьева. Посмертно звание Героя Советского Союза присвоено лейтенанту В.П Скорынину – паренек из старательского поселка Косья остался навеки 19-летним.

В 1943 году Исовский прииск делегировал 13 лучших своих представителей для службы в прославленном соединении – Уральском добровольческом танковом корпусе. Это были действительно лучшие – других туда не брали, в этом смысле соединение можно назвать элитным.

К 30-летию Победы в центре поселка Ис был установлен монумент погибшим в годы Великой Отечественной войны. Вокруг него установлены плиты с фамилиями невернувшихся. Скорбный список длинный – 2072 человека – солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров, ушедших на фронт с Исовского поселкового Совета. Вечная им память! Вечная память и тем фронтовикам, которые ушли из жизни после войны.

Раны, болезни и просто время сделали свое дело: на сегодняшний день в поселках Ис и Косья не осталось ни одного ветерана.

С не меньшим ожесточением, чем на фронте, бились уральцы за Победу и в тылу. Известная поговорка «Седой Урал Победу ковал» возникла не на пустом месте. И если наш Урал – огромная «кузница» Победы, то Исовский прииск – «цех драгоценных металлов» в ней. Именно их ждала воюющая Родина от исовчан, и те оправдали ожидания: за 1941-1945 годы ими было добыто драгметалла более десяти тысяч килограммов, в основном платины. В годы войны это было стратегическое сырье.

Трудовые подвиги наших земляков – предмет не меньшей гордости, чем боевые. С началом войны стала остро ощущаться нехватка квалифицированной рабочей силы. Какая-то часть специалистов получила бронь, но многие были мобилизованы.

Этот отрицательный производственный фактор компенсировали увеличением рабочего времени. Рабочий день увеличился до 12 часов. Люди работали практически без выходных и совершенно без отпусков, причем отказывались от полагавшейся им за это компенсации и перечисляли ее в фонд обороны. Драги стали работать практически круглогодично, останавливались буквально на две-три недели для зимнего ремонта.

Резко увеличилась доля женского и подросткового труда. Уже в первые недели войны мать фронтовика Жукова Н.П. из поселка Журавлик организовала женскую старательную артель. Весной 1942

года уже сорок человек работало на прииске и двадцать пять – на гидравлике. Мариинская гидравлика из месяца в месяц перевыполняла план, а в летний сезон 1944 года выполнила его на 197%.

Много было женщин в других старательских артелях, а ведь это очень тяжелый труд – в сырости, в холоде...

За взрослыми тянулись дети – в сезон 10-12-летние старатели сбивались в артели и мыли, мыли...

Удивляли ветераны. На Ивано-Николаевской гидравлике работал пенсионер А.И. Агафонов, которому хоть и было за 70 лет, но он обещал «не покидать своего трудового поста и вместе с сыном добивать фашистских бандитов до полной Победы». В.П.Флягину в 1941 году шел 79-й год, но он все годы войны работал за двоихтроих. Примеры трудового энтузиазма исовчан можно приводить до бесконечности.

Можно с уверенностью говорить, что в годы войны Исовский прииск был ведущим предприятием страны по добыче платины. Подтверждение тому – присуждение Исовскому прииску в 1944 году переходящего Красного Знамени Государственного Комитета обороны СССР.

Выпускалась на Исовском прииске и военная продукция. В центральных механических мастерских, где изготавливали горное оборудование и запасные части для драг, открыли цех №2 для выпуска боеголовок к «катюшам» Районная газета «Приисковый рабочий» много раз писала о трудовых достижениях рабочих этого цеха, перевыполнявших задания в 1,5-2 раза. Многим из этих «стахановцев» было 16-17 лет. Всего цех дал фронту 400 тысяч боеголовок.

А сколько жителями Исовского района было отправлено на фронт посылок и подарков – это не поддается исчислению. Огромные денежные суммы были собраны в фонд обороны, на строительство самолетов, на строительство танковых колонн «Исовский рабочий», «Уральская женщина», «Свердловский комсомолец». В апреле 1943 года исовчане получили телеграмму следующего содержания: «Ис Свердловской области, секретарю РК ВКП(б) т. Мелешко. Передайте трудящимся Исовского района за собранные кроме ранее внесенных 2128512 рублей и 620615 рублей облигаций гос. займов на строительство танков и самолетов, дополнительно 1153688 рублей на строительство танковой колонны «Исовский рабочий» мой братский привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

«Привет и благодарность» от Сталина получил персонально В.И.Попков, внесший в фонд обороны пятнадцать тысяч рублей.

Это только малая толика примеров вклада жителей Исовского района в достижении Победы. Невольно задумываешься об истоках и причинах такой несгибаемости наших земляков. Кто-то скажет: дескать, тоталитарный режим выжимал из народа все, что можно. Другие углядят в этом преимущество социализма с его умением мобилизовать материальные, людские и моральные ресурсы. Не хочется соглашаться ни с теми, ни с другими. Думается, истоки такого самопожертвования следует искать в наших замечательных людях, воинах и тружениках, в их любви и своей большой и малой Родине. А для исовчан и всех жителей Свердловской области – это еще и их несгибаемый уральский характер.

Владимир КАПЛЮКОВ,

заместитель директора Центра документации общественных организаций Свердловской области, кандидат исторических наук

ИСОВСКОЙ РАЙОН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Неопубликованные документы из фондов ЦДООСО)

Вфондах Центра документации общественных организаций Свердловской области находится на государственном хранении комплекс документов по истории Исовского района в годы Великой Отечественной войны, в том числе протоколы заседаний бюро районных комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ, переписка местных партийных и комсомольских органов с инстанциями по организационным, идеологическим, хозяйственным и другим вопросам; финансовые документы; и т.п.

В числе этих материалов наше внимание привлекли несколько групп ранее не опубликованных документов, свидетельствующих о патриотическом подъеме населения района, активном участии исовчан в решении общегосударственных задач и их заметном вкладе в достижение Великой Победы.

Первая группа документов – это датируемые 1941–1942 годами письма из действующей армии, адресованные, главным образом, райкому ВКП(б) и его секретарю Ивану Викентьевичу Мелешко.

Поскольку эти письма написаны, как правило, от руки, их расшифровка, особенно установление авторства, в ряде случаев представляются затруднительными. При этом общая тональность писем и их содержание не вызывают сомнений, что исовчане-фронтовики достойно выполнили свой патриотический и воинский долг. Так, в датированном 16 ноября 1941 года письме с Западного фронта неустановленный воин 892-й отдельной телеграфно-строительной роты писал, что «под звуками артиллерийских залпов наших храбрых воинов мы поклялись товарищу Сталину, что умрем, но не пустим врага к дорогой нашей Москве, к сердцу нашей Родины. Ни шагу назад – таков наш лозунг... Выполняя этот лозунг, на нашем участке фронта бойцы дают жизни хваленым воякам Гитлера – только хлопья летят да вши по сторонам... Видимо, близок тот день, когда будет нанесен сокрушительный удар врагу»¹. В другом письме с Западного фронта, датированном 15 апреля 1942 года, бывший мастер механического цеха, кандидат в члены ВКП(б) Кононов сообщал, что со всеми пожеланиями райкома «в отношении овладения военным знанием и политического воспитания с честью справился и добился до младшего политрука»². Член ВКП(б) лейтенант Тимофей Яковлевич Киселев участвовал в освобождении Калининской и Ленинградской областей, был ранен «вражией пулей», но остался в строю; выражал в письме уверенность, что «снова пойдем в бой, сотрем с лица земли немецких захватчиков, ведь с нами товарищ Сталин... С именем Сталина мы везде победим»³. Политрук А.С.Хорин рапортовал весной 1942 года, что в действующей армии «стал не только стрелком, автоматчиком, минометчиком, пулеметчиком, но и стал танкистом»⁴. 20 июня 1942 года командир роты лейтенант Зайцев писал секретарю Исовского райкома ВКП(б) «с золотой Украины» о стремлении «как можно больше истребить фрицев и гансов»⁵. Александра Полякова, проходившая военную службу в качестве повара, с гордостью сообщала, что заслужила благодарность «за хорошее приготовление обедов... отличница, конечно, меня все уважают как отличного повара, как бойцы, так и командиры» 6. «Борясь с немецкими оккупантами на Центральном фронте, заверяем вас, [что] били и будем бить врага до последней капли крови, не считаясь с жизнью», - писал 14 дека-

¹ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 570. Л. 2.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 8 об.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 11.

бря 1942 года лейтенант Петр Егорович Тюлькин⁷. О боевых буднях зенитчиц, защищавших московское небо, сообщала в Исовской райком партии 26 сентября 1942 года со станции Руза В. Нагаева⁸.

Во многих письмах из действующей армии высказывались пожелания работавшим в тылу землякам ударным трудом по выполнению производственных программ и военных заказов поддержать Красную Армию, обеспечить воинов лучшими вооружением, боеприпасами, снаряжением и обмундированием. «Наилучших успехов в ... работе на трудовом фронте, от которых зависят и наши успехи» – желал землякам П.И. Зорин⁹. В уже цитированном письме Т.Я.Киселева содержался призыв всемерно помогать фронту, ибо «ваш каждый грамм металла – это удар по врагу»¹⁰. Лейтенант А.В.Попов в письме от 15 ноября 1942 года обращал внимание земляков на обеспечение качественного выполнения военных заказов¹¹.

Во многих письмах содержались просьбы воинов-исовчан о поддержке оставшихся в тылу семей, обеспечении их по возможности жилыми помещениями, дровами, продуктами, одеждой и обувью. Так, 15 апреля 1942 года к секретарю райкома с просьбой о прикреплении семьи к магазину треста «Уралзолото» обратился комиссар полка Западного фронта, выпускник Военно-политической академии (Подпись неразборчива. – В.К.), работавший до войны, судя по тексту письма, председателем обкома профсоюза¹². Посмотреть, как и где жили их семьи, просили райком ВКП(б) фронтовики Кононов и Киселев¹³; со словами благодарности «за чуткое отношение и проявленную заботу» об их семьях обращались к И.В.Мелешко неустановленный автор, военврач ІІ ранга, и П.Е. Тюлькин¹⁴. «Моя жена обращалась к тов. Исакову и тов. Плотникову (заведующему военным отделом райкома ВКП(б). – В.К.), они очень хорошо обошлись с ней, и она осталась довольна», – писал в райком лейтенант А.В.Попов¹⁵.

Отражением действительного патриотического порыва исовчанфронтовиков и их неразрывной связи с малой родиной является, на наш взгляд, письмо воина отдельной телеграфно-эксплуатационной роты Александра Кузьмича Ушакова от 2 августа 1942 года.

⁷ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 570. Л. 12 об.

⁸ Там же. ЛЛ. 15-16.

⁹ Там же. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Л. 8 об.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. ЛЛ. 5 об., 8 об.

¹⁴ Там же. ЛЛ. 9 об., 12 об.

¹⁵ Там же. Л. 14.

Автор сердечно благодарил райком партии за направление в адрес его полевой почты рекомендаций Г.А.Кузнецова и Н.А.Старцева для вступления кандидатом в члены ВКП(б) и заверял, что, «вступая в ряды ВКП(б), будет еще больше изучать военное дело и повышать политический уровень», а «все, что поручит мне партия, я честно выполню эту задачу, что мне дана» 16. В ответном письме от 25 августа инструктор Исовского райкома партии Хваткова сообщала, что Кытлымский прииск, откуда, видимо, был призван в действующую армию А.К.Ушаков, досрочно выполнил июльскую программу; коллектив «драги, где начальником тов. Четыркин, получил переходящее Красное знамя»; а кытлымская парторганизация приняла в кандидаты партии Попову Анну Васильевну, которая в короткий срок овладела мужской профессией драгера» и «взяла обязательство ежемесячно выполнять производственную программу не ниже 120 %». От имени районной парторганизации Хваткова выражала надежду, что «Вы оправдаете доверие товарищей, давших Вам рекомендации»¹⁷.

Вторая группа привлекших наше внимание документов - это материалы об участии исовчан в общенациональной кампании помощи фронту. В «особой папке» отложился протокол заседания бюро райкома ВКП(б) от 1 марта 1943 года «О формировании особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени тов. Сталина». Во исполнение решения бюро обкома ВКП(б) от 27 февраля секретари низовых партийных организаций, руководители предприятий обязывались провести не позднее 4 марта закрытые партийные и комсомольские собрания, индивидуальные беседы с беспартийными о «безусловном выполнении сталинского задания, чтобы этот корпус был укомплектован решительными, волевыми бойцами и командирами, не знающими страха в борьбе, способными ... смело и решительно сражаться за Родину... с единственной целью - уничтожить и победить врага». Для отбора кандидатов на службу в рядах корпуса была сформирована комиссия в составе секретаря райкома Федюнева, заведующего военным отделом райкома Плотникова, заместителя председателя райсовета Я.С.Торхова, исполняющих обязанности райвоенкома и секретаря райкома комсомола М.Г.Лушина и Е.А.Можейко. Подбор добровольцев предполагалось завершить согласно заданию обкома ВКП(б) не позднее 7 марта 1943 года¹⁸.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 570. Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ Там же. Д. 694. Л. 3.

Особая пипка.

протокол №48

виседания Ясовского быро. Pla BRR/6/от I марта 1943 года.

Присутствуют: члени бырс т.т. Меленко, беденев, почись, Боровиков, Шемякия.

Олупали: О формировании особого Уральского добровольческого танкового корпусы имени тов. чтл лина

/т. Меленко/

В соответствии постиновления быро Свердловского Обнома ВКИ/б/ от 27/И-1948 г. о формировании особого уральского добровольческого танкового корпуса имени товарища СТАЛИНА, быро РК ВКИ/б/ ИССТАНОВЛЯЕТ:

1/Обязать секретирей партовро и первичных парторганизиций не позднее 4-го марта провести закритие партийние и комсомольские собрания и индивидуильные беседы с беспартийными товарищами по вопросу раз"яснения одобрения товарища Оталина о формировании добровольческого танкового корпуса, чтоби каждый трудящийся в какой то мере бил участником особого добровольческого корпуса уральцев.

2/По комплектованию и оформлению материалов военносоязанних, подавлих заявления о добровольном зачислении их в танковую колонну, совдать Районную Комиссию в составе 5 человек:

> I/Федынов - секретарь РК ВКП/б//председатель/ 2/Плотников - зив военним отд. РК ВКП/б//член/ 3/Торхов Я.О.-зав. предрайсовета - " 4/Лушин М.Г.- и.о. райвоенкома. " 5/Можейно Б.А. - и.о. секретаря РК ВЛКОМ "

З/ Подбор и комплектование согласномзадания быро обкожа ВИП/б/ закончить не позднее 7 мерта с.г

4/Боро РК ВКП/б/отмечает особую нажность виполнения зарачи по формированию, оснащению добровольческого танкового корпуса и всю необходимость в условиях настоящего момента — оказать действенную помощь нашей доблестной Красной Армии.

Бюро РК ВКИ/б/признает секретарей парторганизаций и директоров предприятий, получивших почетное право формирования добровольческого танкового корпуса, с честью обеспечить безусловное выполнение Оталинского завимя, чтобы этот корпус был укомпектовы решительными, волевыми бейцами и коммидирами, не знающими страка в борьбе, способными итти в атаку, смело и решительно срижиться за Родину, за Оталина, как один, храбро, беззиветно, до последней капли крови, с единственной целью — уничтодить и победить врага!

Олущая: О подготовке и размещении Второго Госудерственного Военного Бийма 1943 года. т. МЕЛЕТКО

При этом сама практика активного взаимодействия исовчан с фронтовыми соединениями Красной Армии, финансового и иного vчастия В создании авиационных подразделений И танковых колонн. обеспечения действующей воинов предметами армии необходимопервой сти сложилась задолго ДО начала кампании ПО формированию Уральского танкового корпуса. 7 января 1943 года секретарь Исовского РК ВКП(б) И.В. Мелешко направил уроженцу Нижней Туры генерал-майору В.В.Буткову, танковый

Foemynemme le 90 080pores u Kparens d' 3e 1942 voi porte de	edpending
2. Chepteraterné Rouses. 3. — u - Romeomoney	1.338.910 1.186.570 195.355
Y. Hapodulus y monte est of Canumapus Camoura 6 Baxpoly	17.175° 113.478 1.279
7 Cobenier. Firaium elcompoley 9 Cracment. Lemigho	307 46 907 3.289
Bcero +	1903,568
a/11 42 rota	933

корпус которого отличился в ходе Сталинградской битвы, новогоднее поздравление трудящихся района. В обращении сообщалось о досрочном выполнении оборонными предприятиями и колхозами района планов 1942 года, о внесении трудящимися района в Фонд обороны около 2 миллионов рублей, о направлении в действующую армию около 26 тысяч теплых вещей 19. 10 февраля 1943 года Председателю ГКО Сталину была направлена телеграмма о том, что трудящимися района в дополнение к собранным ранее на строительство танков и самолетов 2,13 миллиона рублей наличными и 0,62 миллиона рублей облигациями государственных займов вновь внесено из трудовых сбережений еще 1,15 миллиона рублей на строительство танковой колонны «Исовской рабочий» 20. Примерно в эти же дни директор эвакуированного в поселок Ис Алюминиево-магниевого института «Гипроалюминий» Ф.Я.Гуков рапортовал Сталину об обязательстве сэкономить в 1943 году по

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 742. ЛЛ. 1 – 1 об.

²⁰ Там же. Л. 9.

проектируемым заводам до 80 миллионов рублей и о переводе сотрудниками института в Фонд обороны почти 450 тысяч рублей²¹.

Благодаря резолюциям секретаря райкома партии Чекменева в архиве сохранились две рукописные сводки от 6 февраля 1943 года о поступлении средств в Фонд обороны за 1942-й и первые недели 1943 года. Впечатляет, что исовчане собирали одновременно средства на строительство авиационных эскадрилий и танковых колонн «Санитарные самолеты», «Свердловский колхозник», «Свердловский комсомолец», «Трудовые резервы», «Уральский самородок», «Финбанковец Урала», «Чекист Урала», артдивизиона «Свердловский осоавиахимовец» и др. Параллельно отчислялись деньги в Фонд обороны по подпискам «Вохровец», «Мопровец», «Народный учитель», «Советский печатник», «Счастливое детство», «Тяжелая артиллерия»²².

Исовчане отдавали на нужды обороны последнее, о чем красноречиво свидетельствуют сводки о поступлении на нужды вновь формируемого корпуса продуктов питания. По состоянию на 16 марта 1943 года от северного куста района было получено 24 килограмма масла и 700 килограммов картофеля, а всего по району к 18 марта было собрано 65 килограммов масла, 151 килограмм овощей и 1445 килограммов картофеля, о чем было доложено телефонограммой секретарю обкома ВКП(б) В.М.Андрианову²³.

Тяготы и лишения военной поры, выпавшие на долю исовчан, как, впрочем, жителей и других тыловых регионов, усугублялись необходимостью своевременной уплаты подоходного, военного и сельскохозяйственного налогов, налогов со строений, на холостяков и бездетных, культсбора и разовых сборов, госпошлин, земельной ренты; для селян отдельной строкой проходило еще и самообложение. Поскольку практически все прямые и косвенные налоги изымались у населения с заметным превышением плановых заданий, сил на оплату в первом-втором кварталах 1943 года разового сбора у населения района попросту не хватило²⁴, что повлекло за собой грозный окрик секретаря обкома ВКП(б) А.Б.Аристова о необходимости «принятия мер по ликвидации прорыва»²⁵.

Руководство страны понимало, по-видимому, степень напряжения сил населения глубокого тыла, свидетельством чего стала, по

²¹ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 742. Л. 5.

²² Там же. ЛЛ. 7, 8, 10.

²³ Там же. ЛЛ. 13, 14.

²⁴ Там же. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 22.

нашей оценке, майская телеграмма Сталина секретарю Исовского райкома ВКП(б) И.В.Мелешко, в которой братский привет вождя сопровождался благодарностью Красной Армии трудящимся района за мобилизацию сил и средств на нужды обороны²⁶.

Благодарность вождя стала прямым и более чем достаточным поводом к появлению распоряжения райкома партии о повсеместном проведении митингов и собраний, направленных к новой мобилизации трудящихся на досрочное выполнение обязательств, взятых ранее в Клятве уральцев товарищу Сталину; на организованное проведение весеннего сева и образцовую подготовку первомайских праздников²⁷.

И, наконец, третья группа документов, точнее, один документ, – это рапорт трудящихся Исовского района о выполнении обязательств за 1944 год, взятых при подписании новогоднего отчета и полугодового рапорта уральцев Сталину. В написанном почти былинным слогом двухстраничном документе, обращенном к секретарю обкома В.М.Андрианову и председателю облисполкома В.И.Недосекину, руководители района И.В.Мелешко и Я.С.Торхов рапортовали в конце 1944 года, что золотоплатиновая промышленность выполнила план на 102 %, а Исовскому прииску (директор А.С. Савельев) были присуждены знамена ГКО, ВЦСПС и Наркомцветмета. В рапорте были особо отмечены лучшие люди прииска – бригадир Толстокулаков, забойщик Шалагинов, кузнец И.И.Рожин, токарь А.П.Мартышко, драгер В.С.Хвощевских, забойщица Бахарева, каталь Зайнад Сайфутдинова и др.

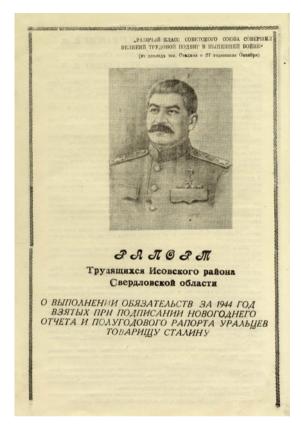
В рапорте были также поименованы работники цеха №2 – кавалеры правительственных наград и ведомственных поощрений: начальник цеха П.Я.Абакумов, токари М.А. Воронцов и К.А. Корюков, начальник молодежной смены С.С.Коротаев и токарь И.Осинцева.

По Нижнетуринскому металлургическому заводу были отмечены признанные лучшими в районе прокатчик А.В.Ошурков, отжигальщик Д.И.Оленичев, пробивальщик В.М.Меркушин, мастер прокатчиков комсомолец М.Крюков. Добрые слова прозвучали в рапорте о работе райпромкомбината (директор Алешин), швейная артель которого выполнила план по армейским гимнастеркам на 413 %, а по ремонту армейских полушубков – на 170 %. В документе нашли также отражение достижения Косьинского прииска, лесоучастка Платинского Наркомтекстильпрома, геологов, тружеников сельского хозяйства и др.

²⁶ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 742. Л. 23.

²⁷ Там же. Л. 24.

Исовчане с гордостью рапортовали о героизме земляков на фронтах Великой Отечественной войны, троим из которых: железнодорожнику Сухих, лесорубу Чистякову и комсомольцу с Косьи Скорынину – были присвоены высокие звания Героев Советского Союза.

В завершение руководство области и страны заверялось в готовности трудящихся Исовского района «самоотверженным трудом всемерно увеличить помощь наступающей Красной Армии с тем, чтобы она быстрее смогла добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы»²⁸.

Представленными в настоящей публикации документами далеко не исчерпывается объем отложившихся в фондах ЦДООСО материалов по истории Исовского района в годы Великой Отечественной войны. Приглашаем ученых, архивистов, краеведов к совместной работе по дальнейшему исследованию вклада исовчан в великую победу над фашизмом.

Справка к биографии И.В. Мелешко

Мелешко Иван Викентьевич, 1895 года рождения, уроженец Виленской губернии, из крестьян-бедняков. Участник I мировой войны. В 1918 году вступил добровольцем в 1-ю Вольскую дивизию Красной Армии, участник боев под Царицыном, на Дону и Кубани,

²⁸ ЦДООСО. Ф. 190. Оп. 2. Д. 177. ЛЛ. 1 – 2 об.

в Азербайджане. Демобилизован в апреле 1926 г. в должности военкома отдельного бронепоезда.

Член ВКП(б) с 12 декабря 1919 года.

В 1926–1930 годах на партийной работе в Белорусской ССР. Партследователь Витебской областной контрольной комиссии, член Витебского обкома и бюро Городокского райкома, делегат XI съезда КП(б) Белоруссии.

В 1930–1934 годах – студент-парттысячник Уральского института цветных металлов в Свердловске.

В 1933–1938 годах – на партийной и административной – по линии гражданского воздушного флота – работе в Висимо-Шайтанском заводе, Свердловске, Ашхабаде, Москве.

17 августа 1936 года за проявленный героизм при спасении летчика Тагиева решением ЦИК Туркменской ССР награжден ценным подарком (ковром).

В 1938–1939 годах – управляющий Кельбесскими золотыми приисками в Новосибирской области. В сентябре 193-го – феврале 1941 года – диспетчер, старший диспетчер, начальник горно-старательского отдела треста «Уралзолото».

26 февраля 1941 г. решением бюро Свердловского обкома ВКП(б) утвержден первым секретарем Исовского райкома ВКП(б).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 февраля 1945 г. за успешное выполнение плана хлебозаготовок 1944 г. награжден орденом Отечественной войны II степени.

10 апреля 1946 года освобожден бюро Свердловского обкома ВКП(б) от занимаемой должности по личной просьбе и направлен решением ЦК ВКП(б) от 17 мая 1946 г. в распоряжение Управления по гражданским делам Кенигсбергской области для использования на руководящей работе.

Справка подготовлена по документам ЦДООСО:

- Ф. 4. Оп. 20. Д. 2125.
- Ф. 4. Оп. 36. Д. 30. Л. 5.
- Ф. 4. Оп. 48. Д. 1829.
- Ф. 161. Оп. 9. Д. 1122.

Фотография И.В. Мелешко. - Ф. 4. Оп. 48. Д. 1829. Л. 3

Справка к биографии Я.С.Торхова

Торхов Яков Степанович, 1914 года рождения, уроженец Симбирской губернии, из крестьян-бедняков.

В 1934 году окончил Куйбышевский планово-экономический техникум.

В 1936–1938 годах служил в РККА на Дальнем Востоке младшим командиром артиллерийского дивизиона.

В 1930–1940 годах состоял членом ВЛКСМ; член ВКП(б) с октября 1940 года.

В 1934–1936 годах – инспектор нархозучета Исовского района Свердловской области, в 1938–1939 годах – экономист-плановик по труду Исовского приискового управления треста «Уралзолото», с апреля 1939 года – председатель Исовской районной плановой комиссии.

С 1939 года депутат Исовского районного Совета депутатов трудящихся; с октября 1941 года – заместитель председателя, с апреля 1943 года – председатель исполкома Совета.

Постановлением бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 4 июля 1943 г. секретарю Исовского райкома ВКП(б) И.В.Мелешко и Я.С.Торхову было предложено – в числе прочих руководителей городского и районного звеньев – «довести до каждого трудящегося района значение строящихся гидростанций и поднять все население на оказание помощи строительству». Этим же постановлением району было предписано переработать на строительстве гидростанций «30 тысяч кубометров земли; закрепить 15 лошадей транспортных артелей и отработать 200 конедней лошадьми колхозов и предприятий района; изготовить на предприятиях района до 1сентября 1943 года 500 штук тачечных колес».

Уполномоченными обкома ВКП(б) по строительству Нижнетуринской и Маломальской ГЭС были назначены секретарь Исовского райкома ВКП(б) И.В.Мелешко и Я.С.Торхов.

В марте 1947 года Я.С.Торхов освобожден от должности председателя исполкома Совета по состоянию здоровья. До октября 1947 года – начальник отдела кадров Исовского приискового управления треста «Уралзолото».

Решением бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 27 января 1948 года утвержден директором школы ФЗО № 83 строительства Нижнетуринской ГРЭС.

В феврале 1950 года избран членом Нижнетуринского горкома ВКП(б), постановлением бюро Свердловского обкома ВКП(б) от 13 июня 1950 года утвержден заведующим промышленно-транспортным отделом Нижнетуринского горкома ВКП(б). Этим же протоколом школа ФЗО №83 была ликвидирована в числе прочих как «не имеющих условий для подготовки квалифицированных рабочих и спроса со стороны предприятий в подготовляемых этими учебными заведениями профессий».

24 июля 1951 года рекомендован Исовским райкомом ВКП(б) для поступления в Свердловскую областную партийную школу.

Награжден орденом Отечественной войны II степени (1944 г.), медалями «За доблестный труд в период Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1945 г.) и «За трудовую доблесть» (1946 г.).

Иными сведениями о Я.С.Торхове ЦДООСО не располагает.

```
Ф. 4. Оп. 36. Д. 56. Л. 7.
```

Фотография Я.С. Торхова. - Ф. 126. Оп. 3. Д. 663. Л. 19.

Илья ДЕМАКОВ,

Главный археограф отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов «ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области»

ИСОВЧАНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

(по документам Государственного архива административных органов)

В Екатеринбурге, в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО), по адресу – пр. Ленина, 34 находятся на постоянном хранении документы архивных фондов всех военных комиссариатов Среднего Урала, в том числе периода Великой Отечественной войны.

Ф. 4. Оп. 38. Д. 37. ЛЛ. 8 - 10.

Ф. 4. Оп. 44. Д. 22. Л. 9.

Ф. 4. Оп. 47. Д. 72. ЛЛ. 4, 43.

Ф. 126. Оп. 3. Д. 454.

Ф. 126. Оп. 3. Д. 663.

Ф. 190. Оп. 3. Д. 1310.

В архивном фонде P-22 «Военный комиссариат г. Нижняя Тура Свердловской области Уральского военного округа» находятся на хранении документы об участии жителей Исовского района в Великой Отечественной войне.

Исовский район существовал с 1933 по 1955 годы. Сейчас территория бывшего Исовского района входит в муниципальные образования «Нижнетуринский городской округ», «Качканарский городской округ», городской округ «Город Лесной» и некоторые населённые пункты Карпинского Новолялинского городских округов. В 2018 году оставшиеся документы Исовского районного военного комиссариата периода Великой Отечественной войны, находившиеся в распоряжении Военного комиссариата городов Качканар, Лесной, Нижняя Тура, Верхотурского уезда Свердловской области были переданы на государственное хранение в ГААОСО и после проведения технической обработки стали доступны исследователям и работникам архива.

В состав принятых в 2018 году документов военного времени входят следующие документы:

- свидетельства о болезни за 1940-1943 годы;
- алфавитные книги призывников призванных в ряды Советской армии за 1941-1945 годы;
- извещения на погибших, пропавших без вести и умерших от ран;
- оправдательные документы (свидетельства об освобождении от воинской обязанности, красноармейские книжки, военные билеты) за январь-ноябрь 1943 года;
- приказы по эвакогоспиталю № 4001 за октябрь-декабрь 1943 года и июль-октябрь 1944 года;
- именные списки на команды военнообязанных граждан, призванных в РККА, в том числе женщин и граждан из мест заключения, а также именные списки на осужденных по ст. 58 и другим статьям за 1943 год;
- свидетельства о болезни, справки о ранении, списки военнослужащих прибывших по ранению, т.е. комиссованных после ранения;
- алфавитная книга учёта демобилизованных, проходные свидетельства, т.е. документы о демобилизации;
- книга учета военнослужащих призванных в ряды Советской армии в 1948 -1950 годах;
- документы по розыску военнослужащих, связь с которыми прекратилась в годы войны;

– документы на лиц, находившихся в плену в период Великой Отечественной войны и Книга учета лиц находившихся в плену, лишенных офицерских званий и подлежащих награждению.

Вышеперечисленные документы, составившие опись 2 фонда P-22 помогут составить более полную картину об участии жителей Исовского района в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны.

По данным Книги памяти Свердловской области, посвященной погибшим годы Великой Отечественной войны жителям Свердловской области Нижнетуринский ГВК (в годы Великой Отечественной войны – Исовский районный военный комиссариат) отправил на фронт почти 19 тыс. человек, из них погибло более 3 тыс. человек¹.

Годы	Призвано	Погибло
1941 год	5244	625
1942 год	8294	1000
1943 год	4144	810
1944 год	900	825
1945 год	342	332
Всего:	18924	3629
В т.ч. в японской кампании 1945 года		37

Призыв на фронт

В архивном фонде Р-22 сведения о призыве в Красную армию в годы Великой Отечественной войны содержатся в алфавитных книгах учета военнообязанных призванных в Советскую армию.

В графах содержится следующая информация: порядковый номер, фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, наименование военно-учетная специальности (ВУС), состав, место жительства, каким военно-учетным столом призван, дата призыва, номер команды и примечание. В примечании у некоторых военнослужащих указана дата выдачи справки.

В списке участников Великой Отечественной войны немало представителей большого рода белорусских переселенцев начала XX века семьи Титовец.

¹ Память. Российская Федерация. Свердловская область. [Текст]: В 19 т. т. 19. – Екатеринбург, 2010. С. 194.

Максим Фёдорович Титовец, 1907 г.р., беспартийный, ВУС-1, состав – рс (рядовой состав), место работы – Исовский прииск, каким военно-учетным столом призывался – Исовским 21.8. 1941 года, примечание – справка выдана лично 4.5.49².

4 июля 1941 г. были призваны и направлены в команду № 117 Иван Федорович Титовец, 1914 г.р. сотрудник Ис. зпс. и Афанасий Тихонович Титовец, 1905 г.р. сотрудник КИЖД³.

31 октября 1941 года призван Николай Яковлевич Титовец, 1892 г.р., Макар Николаевич Титовец, 1909 г.р. сотрудник КИЖД был призван 14 ноября 1941 года⁴.

Владимир Никитич (Никитович) Титовец, 1907 г.р. работник Ис. прииска был призван 6 января 1942 года в команду № 430. Иван Тимофеевич Титовец (год рождения не указан) призван 11 января 1942 года в команду № 1726⁵.

Лавр (Лаврентий) Яковлевич Титовец, 1897 г.р., № ВУС – 134, Ис, направлен 9 июня 1943 года в составе команды 02, Федор Михайлович Титовец 1925 г.р., 9 июня 1943 года направлен в Свердловский пересыльный пункт в составе команды 01. Два дня спустя, 11 июня 1943 года в составе команды 01 был призван Иван Тимофеевич Титовец 1912 г.р., № ВУС-133. Михаил Яковлевич Титовец 1892 г.р. № ВУС – 134, Ис, направлен 11 июня 1943 года в распоряжение Карпинского РВК⁶.

Иван Савич Титовец, 1923 г.р., житель п. Ис, был направлен 16 марта 1945 года в Кушву в составе команды № 658. Константин Лаврентьевич Титовец, 1927 г.р., был призван в самом конце войны – 2 мая 1945 года⁷.

В мае – июне 1943 года, согласно приказаний Свердловского областного военного комиссариата о призыве польских граждан и поляков и женщин-полек в возрасте от 18 до 30 лет на формирование польских частей, через сборный пункт Свердловского городского военного комиссариата прошли сотни граждан польской национальности, проживавших на Среднем Урале⁸.

² ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 160 об., 161.

³ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 159 об., 160.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 162 об., 163.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 164 об., 165.

⁶ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 10. Л. 129 об., 130.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.

⁸ Подробнее об этом см.: Демаков И.Н. «Уральцы в истории Великой Отечественной войны»: (по документам ГААОСО)/ И.Н. Демаков// Седьмые Чупинские краеведческие чтения: материалы конф., Екатеринбург, 18-19 февр. 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – С. 69-82.

В Именном списке на команду № СД направленную Исовским РВК в распоряжение начальника пересыльного пункта г. Свердловск 27 августа 1943 года значилось 14 поляков. Это Станислав Леонович Пеля 1924 г.р., Станислав Станиславович Цисак 1899 г.р., Юзеф Андреевич Хитронь 1903 г.р., Зигмунт Янович Дембинский 1921 г.р., Юзеф Адамович Шлесер 1919 г.р., Якуб Якубович Гайдуга 1916 г.р. и другие⁹.

В этот же день 27 августа 1943 года в распоряжение начальника пересыльного пункта г. Свердловск была направлена команда женщин польского происхождения в количестве 16 человек: Ганэфа Яновна Дембинска, 1916 г.р., Юзефа Мартко 1920 г.р., Юлия Петровна Баран 1921 г.р., Анна Андреевна Цубер 1921 г.р., Стефания Беля 1922 г.р. и другие¹⁰.

В фонде P-22 хранятся также документы о гибели военнослужащих. Телефонист воинской части полевая почта 77185 рядовой Федор Михайлович Титовец в бою за Социалистическую Родину был убит 21 марта 1944 года, похоронен в г. Ямполь в 30 метрах севернее переправы¹¹.

Радиотелеграфист танка КВ старший сержант 89 танкового батальона 148 танковой бригады Александр Иванович Куфтин пропал без вести в бою 22 июля 1942 года в районе деревни Медвежье Воронежской области. Извещение о гибели и выписка из приказа № 231 от 17 августа 1942 года о признании без вести пропавшим и исключении из списков части А. Куфтина поступили в город Нижняя Тура маме Анне Герасимовне Куфтиной¹².

Много исовчан до сих пор числятся в списках пропавших без вести. Среди них также имена Николая Яковлевича Пушкина, 1918 г.р., пропавшего без вести в декабре 1941 года¹³, Ивана Степановича Куркина 1910 г.р., уроженца деревни Именная, пропавшего без вести 26 января 1942 года¹⁴ и десятки других имен жителей Исовского района.

На Исовском прииске работал и Петр Иванович Таврин, 1909 г.р., ВУС-1, состав – мк-1, призван 14 августа 1941 года в команду № 588¹⁵.

На самом деле под именем Петра Таврина скрывался Петр Иванович Шило, уроженец села Бобрик Нежинского района Чернигов-

⁹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 7. Л. 102.

¹⁰ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 7. Л. 101.

¹¹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 19. Л. 133.

¹² ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 8. Л. 55, 56.

¹³ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 4. Л. 69.

¹⁴ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.

¹⁵ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 3. Л. 159 об. 160.

ской области, уголовник, с мая 1942 года после перехода на сторону фашистов в районе Ржева – агент немецкого разведывательного органа «Цеппелин». Петр Таврин (Шило) в ночь с 5 на 6 сентября 1944 г. вместе с женой Шиловой (девичья фамилия Адамчик) Лидией Васильевной был переброшен за линию фронта с целью совершения покушения на Верховного Главнокомандующего Красной Армии И. В. Сталина. Подробнее об этом можно узнать в книге историка Игоря Иосифовича Ландера¹⁶.

Документы о ранениях и болезнях

Немалое количество воинов-исовчан получали ранения и болезни в ходе боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют и находящиеся на хранении в фонде P-22 свидетельства о болезнях и ранениях за 1941-1945 годы военнослужащих, призванных на военную службу Исовским военкоматом, командировочные предписания для прохождения медицинской комиссии, другие оправдательные документы (свидетельства об освобождении от воинской обязанности, красноармейские книжки, военные билеты, отпускные билеты, командировочные предписания и проходные свидетельства о направлении выписавшихся после ранения военнослужащих в Исовской район в краткосрочные отпуска или по демобилизации после тяжелого ранения, контрольные листы при переосвидетельствовании, акты исследования состояния здоровья.

Иногда в таких делах встречается и информация о смерти в госпитале. Так, в госпитале в селе Кыласово Кунгурского района Молотовской области (ныне Пермский край) скончался от ранения исовчанин Анатолий Николаевич Букарев¹⁷.

В 1943 году Петр Миронович Лучина, 1913 г.р. комиссией Эвакуационного госпиталя (ЭГ) № 3109 признан негодным к строевой службе с исключением с учета по ст. 65 гр. І приказа 336 от 1942 года¹⁸.

Не все свидетельства о болезни выданы на имя исовчан. Так, Бирским райвоенкоматом Башкирской автономной советской республики был призван на войну Абдурахман Голудинов, 1915 г.р. После ранения 25 октября 1942 года и лечения в эвакогоспитале 3640 располагавшегося в городе Орск Чкаловской (ныне Оренбург-

¹⁶ Ландер Игорь. Покушение на Сталина. Дело Таврина-Шило. М., 2017.

¹⁷ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.

¹⁸ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 5. Л. 7.

ской) области А. Голудинов был признан негодным и снят с учета с переосвидетельствованием через шесть месяцев и выбыл в Свердловскую область, в частности в Исовский район¹⁹.

Иван Петрович Астраханцев, 1920 г.р., проживавший до призыва в Красную армию в деревне Юбери Удмуртской АССР, после выписки из эвакуационного госпиталя № 3150 в городе Ижевске приехал в Исовской район²⁰.

Из 965-й строительной рабочей колонны Участка военно-строительных работ № 292 (УВСР 292) был уволен к месту жительства в поселок Ис Дмитрий Петрович Усаков²¹. На май 1943 года ему была выдана карточка 600 гр. Участок УВСР № 292 в начале 1943 года располагался в Белоярском районе Свердловской области, недалеко от железнодорожных станций Баженово и Муранитовый, где строился важный объект²².

Нередко встречаются документы о болезни уроженцев Исовского района, но призывавшихся в войска военными комиссариатами других областей и республик Советского Союза. Красноармеец 447 стрелкового полка Евгений Николаевич Николаев, 1915 г.р. уроженец прииска Кочье (Так в документе)²³ Исовского района был призван в Красную армию 8 декабря 1941 года Кировским РВК г. Кировска. В июле 1942 года после прохождения лечения в ЭГ № 3792 был признан негодным и направлен по месту рождения с переосвидетельствованием через 12 месяцев²⁴.

Красноармеец 2 батальона 48 бригады Иван Николаевич Лучина находился в отпуску по болезни сроком на 2 месяца связанной с ранением на фронте отечественной войны с 1 февраля 1942 года. К справке выданной Исовским райвоенкоматом 11 марта 1942 года приложена история болезни из 628 Полевого Подвижного госпиталя (ППГ)²⁵. Отпуск предоставлялся согласно ст. 33 45-дневный отпуск предоставлялся по ст. 54 приказа НКО СССР 184 от 1940 года.

Анализ свидетельств о ранениях и болезнях показали следующее. Основные причины ранений и заболеваний – огнестрельные

¹⁹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л. 15.

²⁰ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 18. Л. 1.

²¹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л. 29.

²² Чевардин А. В. Военнослужащие РККА – «западники» и репрессии против них на Урале в годы Великой Отечественной войны / А. В. Чевардин // Великая война: Великая Победа и Великая Трагедия: Доклады Всероссийской научной конференции (23-24 апреля 2005 года). — Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2005. – С. 538.

²³ Возможно - Косья.

²⁴ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.

²⁵ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л. 69-70 об.

ранения и ампутации верхних и нижних конечностей, нередки заболевания брюшным и сыпным тифом и простудными заболеваниями.

11 января 1942 года согласно извещения Нова-туринского сельсовета Василий Петрович Овечкин, 1902 г.р. был обязан явиться в Исовской райвоенкомат на медкомиссию. «Явка обязательна и аккуратна», как указано в документе. При прохождении комиссии В.П. Овечкин предъявил бессрочное свидетельство о негодности в действительной военной службе выданное 24 октября 1925 года Тагильской окружной комиссией²⁶.

28 декабря 1942 года прошел перерегистрацию в Исовском военкомате Андрей Петрович Данилов, 1892 г.р. При визите А.П. Даниловым была предъявлена Личная книжка военнослужащего, заведенная в 1923 году²⁷.

Редкие для фондов военкоматов документы, в виду ограниченного срока хранения, это учетные карточки военнообязанных. В учетных карточках, напечатанных на желтых листах картона и подписанных начальником военно-учетного стола, содержалось 34 пункта – от номера военно-учетной специальности и биографических данных, сведений о грамотности, национальности, знании иностранного языка, принадлежности к общественной группе (рабочий, служащий, крестьянин-колхозник, крестьянин-единоличник), служебного адреса и должности, и другие сведения²⁸.

Взамен военных билетов раненым военнослужащим выдавались временные удостоверения сроком на 1 год. В документе указывались биографические сведения, сведения о временном военном учете и прохождении медицинской комиссии, о гражданской специальности, партийности, национальности, социальном положении, образовании, месте рождения и о приеме на учет и снятии с учета²⁹.

В книге выдачи свидетельств об освобождении от воинской обязанности за март-апрель 1944 года значится 1605 записей. В списке указываются фамилия, имя, отчество, год рождения, время прохождения перерегистрации, наименования возвращаемых документов (свидетельство об освобождении, военный билет и т.д.) и роспись в получении данных документов³⁰.

²⁶ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. 98.

²⁷ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. 113.

²⁸ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л.108-109.

²⁹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л. 103-104, 110.

³⁰ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 13.

Рядовому 70 стрелковой бригады Алексею Игнатьевичу Попову, жителю села Елькино (Так в документе)³¹ после ранения 25 апреля 1945 года проходившему лечение в эвакогоспитале № 2037 24 сентября 1945 года была выдана справка о выплате единовременного денежного вознаграждения в порядке Закона от 23 июня 1945 года за три года службы в сумме 730 рублей из расчета оклада в размере 10 рублей в месяц и полевых денег в размере 10 рублей в месяц. Дополнительно также был произведен обмен 180 марок на советские рубли³².

Госпитали в Исовском районе

В годы Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года – январе 1942 года в поселке Ис был развернут прибывший с фронта госпиталь на 400 коек № 1799/3856 Наркомата здравоохранения. Зимой 1942 года госпиталь убыл в город Миллерово Ростовской области. Госпиталь № 3856 Наркомата здравоохранения на 400 мест местного формирования в феврале 1942 года убыл в город Архангельск³³.

Эвакогоспиталь 4001, он же 1040, располагался в п. Актай Верхотурского р-на, дом отдыха ВЦСПС «Актай», период размещения – 18.02.42-01.05.46, профиль – общехирургический, с 19.10.45 – туберкулезный, число коек – 140-200, главный врач – 3.И. Скоморовский, сведений об убытии – нет³⁴.

По данным С.А. Кускова госпиталь № 1040 Наркомата здравоохранения 200 коек, время действия – ноябрь 1941 – сентябрь 1943, прибыл – г. Свердловск (передислоцирован в дом отдыха «Актай» в январе 1942, убыл в г. Рязань. А госпиталь № 4001 ВЦСПС на 200 коек, время действия – сентябрь 1941 – апрель 1946, местного формирования, был расформирован)³⁵.

³¹ Вероятно – Елкино.

³² ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 18. Л. 22, 23, 24.

³³ Кусков С.А. «История – отчет о работе МЭП № 91 за годы Отечественной войны» как источник сведений о дислокации эвакогоспиталей Свердловской области //Материалы межрегиональной научно-практической конференции «История Свердловской области в архивных документах». 21 марта 2014 г. Екатеринбург. 2014. С. 112-113.

³⁴ Память. Российская Федерация. Свердловская область. [Текст]: В 19 т.т. 19. – Екатеринбург, 2010. С. 182.

³⁵ Кусков С.А. «История – отчет о работе МЭП № 91 за годы Отечественной войны» как источник сведений о дислокации эвакогоспиталей Свердловской области //Материалы межрегиональной научно-практической конференции «История Свердловской области в архивных документах». 21 марта 2014 г. Екатеринбург. 2014. С. 109.

В фонде P-22 находятся на хранении приказы по эвакогоспиталю № 4001 только за периоды с октября по декабрь 1943 года и с июля по октябрь 1944 года. Документы эвакогоспиталя помогут раскрыть неизвестные страницы истории развития здравоохранения в Исовском районе в годы Великой Отечественной войны

Приказы по эвакогоспиталю № 4001 отпечатаны на пишущей машинке на темно-коричневой плотной оберточной бумаге. В первом пункте каждого приказа указываются дежурные врач и дежурный у телефона госпиталя. Обозначается количество состоящих на довольствии человек, получающих по 600-800 граммов хлеба. Так, в первом из имеющихся в распоряжении приказов за 1943 год в № 271 от 4 октября, дежурным врачом назначена Финкельштейн, дежурной у телефона Климова. Состояло на довольствии 136 человек. Из них по 800 гр. хлеба получали 31 человек по 600 гр. хлеба получали 105 человек³⁶. Все приказы подписывал начальник госпиталя майор медицинской службы 3.И. Скоморовский.

В Приказе по эвакогоспиталю 4001 № 326 от 6 декабря 1943 года приведен «Распорядок дня для раненых и больных в эвакогоспитале 4001»³⁷.

Подъем	7.00
Измерение температуры	7.00-7.30 мин.
Заправка постелей	7.307.45 -//-
Физ-зарядка	7.45-8.00 -//-
Утренний туалет	8.00-8.30 -//-
Завтрак	8.309.30 -//-
Врачебный осмотр, выполнение дневных назначений	9.3011.30 -//-
Политинформации, прогулки, занятия	11.30-14.00 -//-
Обед	14.00-16.00
Час отдыха	16.00-17.00
Прогулки	17.00-18.00
Измерение температуры, вечерний врачебный	18.00-19.00
осмотр и выполнение назначений	
Ужин	19.00-20.00
Массовая работа	20.00-21.00
Вечерний туалет	
Отход ко сну	22.00-

³⁶ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

³⁷ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 63.

6 ноября 1943 года, в приказе начальника госпиталя № 302 приводятся следующие строки «26-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции народы Советского Союза празднуют в условиях победоносного наступления Красной Армии...В ходе войны Красная Армия овладела Сталинской наукой побеждать, бить врага наверняка. Все отрасли промышленности, колхозы и совхозы куют победу над врагом, с большим патриотическим подъемом, напрягая все силы на поддержку фронта для окончательного разгрома врага.

Медицинские работники нашей страны на фронте и в тылу самоотверженным трудом восстанавливают здоровье раненых доблестных защитников нашей родины, которыми гордится наша страна. Коллектив госпиталя 4001 в третьем квартале 1943 года вернул в части Красной Армии 73,8% лечившихся воинов.

Утверждаю вывода штаба по руководству социалистическим соревнованием о присвоении первого места в соревновании 1 и 3 отделениям, оставив в 3 отд. переходящее Красное знамя.

Нач. Отделения врач: Еленсон Е.В. Сестра хозяйка Марчак. Старшина отд. – сержант Разумов. Политрук отд. – лейтенант Быков. Старшины палат – к-р Куликов и сержант Сапегин».

За хорошую работу по лечению и обслуживанию раненых объявлена благодарность двум врачам, восьми медсестрам, двум сестрам-хозяйкам и другим работникам³⁸.

Большие проблемы руководству госпиталя доставляли правонарушения выздоравливающих военнослужащих, нарушающих воинскую дисциплину. Нередко выздоравливающие бойцы самовольно отлучались на лесозавод «Пролетарий» располагавшийся неподалеку от госпиталя. За такие нарушения следовали и наказание – от 5 нарядов вне очереди до строгого ареста на 5 суток.

11 октября 1943 года раненого Денисова, находящегося на излечении в 3 отделении, совершившего ночью самовольную отлучку и явившегося в отделение к 4 часам утра, арестовали простым арестом на 5 суток с 11.10 по 15.10 с пребыванием в палате³⁹. За порчу нательной рубашки был объявлен выговор красноармейцу Сайханову⁴⁰. За нарушение трудовой дисциплины, согласно действовавшего тогда законодательства, следовало строгое наказание. За прогулы без уважительной причины 1 и 2 декабря 1943 года были переданы в народный суд Верхотурского района документы в от-

³⁸ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 37.

³⁹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 11.

⁴⁰ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 66 об.

ношении Веры Прокопьевны Федорченко и Зои Дмитриевны Тараканковой⁴¹.

Среди медицинского и обслуживающего персонала госпиталя наблюдалась большая текучка кадров, связанная в первую очередь с реэвакуацией на прежнее место жительство эвакуированного населения. Медстатистик В.З. Баранова была уволена с 6 октября 1943 года в связи с переездом на прежнее место жительства в г. Москву⁴².

Численность раненых находящихся в госпитале на лечении резко варьировалась. 5 октября 1943 года насчитывалось 133 человека, 13 октября 1943 года – 119 человек, 3 декабря 1943 года – 195 человек, 6 декабря 1943 года – 178 человек, 27 декабря 1943 года – 193 человека⁴³. В 1944 году – 1 июля состояли на довольствии – 167 человек, 2 июля – 210 человек, 14 июля – 217 человек, 2 сентября – 209 человек, 19 сентября – 171 человек, 23 сентября – 215 человек⁴⁴.

В октябре 1943 года в госпитале состоялась конференция по лечебной физкультуре, которая показала, что только медсестра Кудельская хорошо освоила лечебную физкультуру и «с достаточной готовностью и должным вниманием проводит этот вид лечения раненых, помогая скорейшему выздоровлению и возвращению в строй воинов Красной армии»⁴⁵. С 1 августа 1944 года добавочное питание в виде молока выдавалось только хорошо работающим и дисциплинированным сотрудникам госпиталя, выполняющим нормы выработки или задания⁴⁶.

Как же был организован процесс выздоровления раненых в госпитале? Медицинскому персоналу предписывалось проведение ежедневного организованного купания раненых, при этом раны необходимо было закрывать имеющимися в бане специальными клеенками. Раненые могли играть в воллейбол⁴⁷, городки, крокет и кегли⁴⁸. Сотруднику Копысову ежемесячно, начиная с 15 сентября 1944 года, выплачивалось 200 рублей при условии ежедневной игры два раза на баяне в день на гигиенической гимнастике и вечернего обслуживания раненых⁴⁹. В госпитале функционировала и библиотека, пользовавшаяся большой популярностью; выписка

⁴¹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 58.

⁴² ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 5.

⁴³ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 5, 13, 59, 63, 76.

⁴⁴ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 1 об., 7 об., 9 об., 46 об., 53, 53 об.

⁴⁵ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 6. Л. 13.

⁴⁶ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 42.

⁴⁷ Так в документе.

⁴⁸ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 53.

⁴⁹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 12.

раненых и увольнение сотрудников могло быть только при наличии отметки библиотекаря о сдаче книг⁵⁰.

Выздоравливающие раненые с целью трудовой терапии активно привлекались к физическому труду⁵¹.

Конец лета – начало осени 1944 года ознаменовалось катастрофическими проблемами в уборке урожая на подсобном хозяйстве госпиталя. На 19 сентября 1944 года не скошено было 25 гектаров овса, картофель не убран и план сенокошения не выполнен⁵². Еще 2 октября 1944 года продолжалась уборка свеклы, на которой было занято 47 человек личного состава госпиталя. Окончанием работ считалось выполнение нормы⁵³.

Благодаря самоотверженной работе персонала госпиталя № 4001 были возвращены в строй Красной армии сотни бойцов, часть тяжелораненых военнослужащих после освидетельствования были комиссованы и направлены по месту призыва в действующую армию.

Красноармейцу 1245 стрелкового полка Якову Ильичу Соколову 22 июля 1942 года была выдана справка о прохождении лечения в течение полугода в ЭГ № 4001, располагавшемся в поселке Ис⁵⁴.

В делах городских и районных военкоматов Свердловской области и в частности в документах архивного фонда Р-22 нередко встречаются приказания по Свердловскому областному военному комиссариату направленные для исполнения. Из данных видов документов можно почерпнуть немало полезной информации о состоянии дел с проведением мобилизационной политики и всеобщего воинского обучения в годы Великой Отечественной войны.

28 января 1943 года вышло Приказание по Свердловскому областному военному комиссариату № 23/10 «О недостатках в работе гарнизонных врачебно-экспертных и призывных комиссий горвоенкоматов». Анализ работы гарнизонных врачебно-экспертных и призывных комиссий райвоенкоматов Свердловской области показывает ряд недостатков в их работе. Эти недостатки можно отнести: 1) или к небрежности врачей, работающих в комиссиях, 2) или к неосведомленности их с директивными материалами, высылаемыми в райвоенкоматы, 3) или неиспользованием районных медкомиссий работниками райвоенкоматов.

⁵⁰ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 34.

⁵¹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 53 об.

⁵² ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 9 об.

⁵³ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 8. Л. 1 об.

⁵⁴ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 1. Л. 54.

- 1. В школы и на курсы снайперского дела засылаются граждане с остротой зрения ниже 0,6, в то время как кандидаты в эти школы должны иметь не ниже 0,6, на каждый глаз без коррекции...
- 3. Из многих райвоенкоматов не поступают в Местный эвакуационный пункт (МЭП) № 91 (г. Свердловск) и МЭП № 13 (г. Н. Тагил) свидетельства о болезни, требующие утверждения военно-врачебных комиссий местных эвакопунктов, что впоследствии создает задержку с оформлением...
- 5. Ряд райвоенкоматов засылают в части явно негодных к военной службе. Так, по неполным данным за декабрь месяц 1942 года по области отправлено в части 27 человек негодных к военной службе. Больше всего неправильных засылок отмечено по Березовскому, Н. Сергинскому и Ирбитскому райвоенкоматам⁵⁵. Исовский райвоенкомат среди отстающих не числится.

Местный эвакуационный пункт № 91 располагался в Свердловске по ул. 8 марта 43а, а Окружная военно-врачебная комиссия размещалась по ул. Малышева 31-а в Свердловске⁵⁶.

Но в обеспечении Нижне-Туринского Областного Дома призывника медицинским персоналом были проблемы. Приказом № 59 по Свердловскому областному отделу здравоохранения от 10 февраля 1943 года заведующей Исовским Райздравотделом В.К. Шемякиной был объявлен выговор за невыполнение приказа о выделении врача для специализации по глазным болезням с последующей работой его в Областном Доме призывника. Во исправление ситуации обязывалось выделить врача и направить его для прохождения месячного стажа по лечению трахомы при Свердловской глазной клинике. При этом лечение призывников в Нижне-Туринском Областном Доме призывника временно возложено на фельдшера Н.М. Кетову, работавшую в Нижнетуринской больнице⁵⁷.

Приведу сведения о лечении призывников 1926 года рождения за сентябрь месяц 1943 года

Наименование	Количество	лечатся	Не лечатся	Закончили
диагноза	больных			лечение
Водянка яичка	5			5
Паховая грыжа	1			1
Опухоль правой	1			1
мошонки				

⁵⁵ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 9. Л. 4-4 об.

⁵⁶ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 9. Л. 15.

⁵⁷ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 9. Л. 9.

Наименование диагноза	Количество больных	лечатся	Не лечатся	Закончили лечение
Камни почек	1		1	
Гнойное	2		2	
воспаление				
среднего уха				
Воспаление голени	1	1		
Итого:	11	1	3	7

Зав. Райздравом Подпись 29.09.43 г⁵⁸.

В документах военкомата отложились сведения о проведении зачетов сандружинниц в Исовском районе. В Ведомости по приему зачетов сандружин при Исовском Райкоме Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (РОКК) в присутствии комиссии: фельдшера Загребиной И., председателя РОКК Арзамасцевой и командира с/др. Казанцевой указаны следующие сведения:

Нина Балуева, Нина Калинина – Федино, Тамара Калинина, Елизавета Герасименко 1924 г.р., Зоя Кадцына 1924 г.р. – Песчанка, Нина Гусева 1923 г.р. Валентина Зубакина – Ис, Клавдия Н. Ильина 1922 г.р. Пролетар. № 2, Анна Углова 1920 г.р., Анна Любкина 1923 г.р. – Пролет. 10, В. Молчанова – Ис. Валер., Тамара Мелькова 1923 г.р. – совхоз № 2, Анна Новикова 1918 г.р. – Дружелюбный 8, В. Ярославцева 1923 г.р. – Кирова № 5. Из 14 девушек 4 были комсомолками, зачет сдан на «отлично» у двоих – это Клавдия Ильина и В. Молчанова⁵⁹.

В фонде Р-5 «Военный комиссариат Свердловской области Уральского военного округа» имеются сведения о захоронениях умерших от ран и болезней военнослужащих Красной армии, находившихся на излечении в госпиталях Свердловской области в годы Великой Отечественной войны. По сведениям на 1967 год имелась информация о захоронении в поселке Троицкий Исовского поселкового совета г. Н-Тура политрука Николая Борисовича Карачана, 16.06.1922 г.р. Николай Карачан умер от ран 3 июня 1943 года, родственники – Карачан Борис Петрович, Карачан Наталья Яковлевна на момент смерти проживали по адресу: город Ленинград К-223 улица Лесная д. № 15, кв. 45⁶⁰.

⁵⁸ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 9. Л. 51.

⁵⁹ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 9. Л. 56.

⁶⁰ ГААОСО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 85. Л. 243.

Документы советских военнопленных

В архивном фонде Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности по Свердловской области» хранятся фильтрационнопроверочные дела советских граждан, уроженцев или жителей Свердловской области, призванных в армию в годы Великой Отечественной войны, попавших в германский плен, освобожденных из плена и прошедших фильтрационную проверку органами СМЕРШ, а также архивно-следственные дела в отношении бывших военнопленных.

Фильтрационно-проверочные дела содержат уникальные документы военных и послевоенных лет. Среди них трофейные немецкие регистрационные карточки, трофейные медицинские карточки, удостоверения «восточных рабочих» («остарбайтеров»), пропуски немецкой комендатуры, документы советского подполья и Движения Сопротивления, уникальные фотографии, рисунки и др.

Трофейные материалы на советских военнопленных – это немецкие регистрационные карточки интересны как образцы ведения учетного делопроизводства в концентрационных лагерях.

В числе узников концентрационного лагеря Бухенвальд в Германии, участников интернационального восстания поднятого 11 апреля 1945 года были и наши земляки-уральцы.

Среди них Николай Федорович Веселов. Николай Веселов родился в 1920 году в деревне Мышкино Весьегонского района Калининской области. Был призван в Красную армию Исовским РВК 1 августа 1939 года. будучи старшим лейтенантом, командиром минометного батальона 1054 стрелкового полка 301 стрелковой дивизии 21 армии попал в фашистский плен 22 июня 1942 года в результате окружения в районе города Белгорода⁶¹.

В Бухенвальд Николай Веселов был направлен в 1943 году, добывал камень в каменном карьере, выполнял разные земляные работы, разносил пищу для заключенных своего барака.

В 1944 году Николай Веселов вступил в существовавшую в лагере организацию военнопленных под названием «Подпольная антифашистская военно-политическая организация».

Целью организации было оказание материальной помощи военнопленным, ведение политической работы и подготовка вооружен-

⁶¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30249. Л. 2.

ного восстания при подходе советских или союзнических войск, чтобы не дать возможность фашистам уничтожить заключенных.

В фильтрационно-проверочном деле Н.Ф. Веселова находится Справка о пребывании Николая Веселова в подпольной антифашистской организации в концентрационном лагере Бухенвальд от 24 апреля 1945 года⁶² и фотография бывших узников концентрационного лагеря Бухенвальд 1945 года⁶³.

Летом 1945 года в городе Эрфурт, Германия, был опубликован «Сборник воспоминаний о концентрационном лагере Бухенвальд (Buchenwald)».

Как сказано в предисловии к сборнику за подписью Д.Н. Федорова «...Основной материал и иллюстрации взяты из истории Бухенвальда, напечатанной после освобождения лагеря от фашистской тирании. История Бухенвальда печаталась под редакцией, утвержденной Русским военно-политическим комитетом Бухенвальда в составе: С.Котов, Г. Бойко, Г. Гарковенко, Д. Сиваченко...» У Николая Веселова сохранилось несколько фотокопий страниц данного сборника.

⁶² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30249. Л. 97.

⁶³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30249. Л. 114. ⁶⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30249. Л. 122.

С 15 мая по 20 июля 1945 года Николай Веселов работал секретарем оперативной части в лагере русского сборного пункта в городе Эрфурте, располагавшемся в танковых казармах⁶⁵. Как сказано в служебно-политической характеристике на Н.Ф. Веселова «За время работы в занимаемой должности много проявил заботы по организации и обеспечению русских граждан и отправки их на Родину»⁶⁶.

В июне 1956 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей» от 28.06.1956 № 898-490 с. В нем говорилось, что необходимо осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнопленным, обязать партийные, советские профсоюзные органы устранить ограничения в отношении бывших военнопленных и членов их семей (предоставить им работу по специальности, не чинить им препятствий при поступлении в высшие и средние учебные заведения). ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам, райкомам КПСС и Главному политическому управлению Министерства обороны СССР предписывалось пересмотреть дела о партийной принадлежности бывших военнопленных, необоснованно исключённых из рядов КПСС в связи с пребыванием в плену. Предлагалось внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР вопрос об амнистии военнослужащих, осуждённых за сдачу в плен. Министерства юстиции союзных республик и Прокуратура СССР при пересмотре судебных дел на бывших военнопленных обязаны были выявить тех из них, которые попали в плен в условиях, вызванных боевой обстановкой, и необоснованно осуждены как изменники Родины. Предполагалось внести на рассмотрение Совета Министров СССР предложение о необходимых изменениях и дополнениях в Положение о денежном довольствии военнослужащих за время нахождения в плену, а также о пенсионном обеспечении этих военнослужащих и их семей.

С 1957 года военные комиссариаты городов и районов Свердловской области начинают проводить индивидуальные беседы с бывшими военнопленными. Сотрудники военкоматов уточняли сведения о советских военнослужащих, пребывавших в немецком плену, в частности, сведения об обстоятельствах пленения, о пребывании в плену, об имеющихся ранениях и наградах. После проведения беседы ставился вопрос о необходимости награждения

⁶⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30249. Л. 9.

⁶⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 30249. Л. 8.

бывшего военнопленного. В конце листа опроса могла проставляться резолюция: «Представить к правительственной награде за ранение и побег медалью «За победу над Германией» и другими наградами.

В архивном фонде P-22 находится на хранении дело «Книга учета лиц находившихся в плену, лишенных офицерских званий и подлежащих награждению за 1958 год». Книга состоит из двух разделов:

1-й – Учет лиц, лишенных званий без суда и по суду в связи с пленением 4 фамилии: младший политрук, старший лейтенант и два младших лейтенанта. Беседы проводились в июне-июле 1957 года.

В списке указываются следующие сведения, № п/п, в/звание при увольнении в запас, фамилия, имя, отчество, год рождения, домашний адрес, место работы, должность, кто, когда, проводил беседу, результат, какого офицерского звания лишен без суда или по суду, решение Горвоенкома, отметка о реализации решения Горвоенкома. Из четырех бывших офицеров ставших рядовыми после беседы двое восстановлены в воинском звании «лейтенант» и «младший лейтенант», один оставлен рядовым, а старший лейтенант не восстановлен, так как работал в немецкой разведке.

Во втором разделе указаны 32 фамилии бывших военнопленных, подлежащих награждению орденами и медалями за ранение и побеги из плена.

Три человека награждению не подлежали, в отношении двоих наградной материал был возвращен, большинство граждан были награждены медалями «За боевые заслуги», а лейтенант Владимир Алексеевич Моксунов награжден 30 апреля 1958 года орденом Красной Звезды. Младший лейтенант Борис Григорьевич Давыдов и рядовой Алексей Яковлевич Амелин были награждены орденом Отечественной войны 2 степени⁶⁷.

Исовчане, как и жители других районов Среднего Урала, внесли большой вклад в Победу Советского Союза над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. И гражданам современной Российской Федерации не стоит забывать об их самоотверженных боевых и трудовых подвигах. Необходимо знать историю и чтить память своих прадедов и архивные учреждения могут в этом оказать неоценимую помощь.

Хотелось бы дать несколько советов начинающим исследователям участия родных и близких в событиях Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

⁶⁷ ГААОСО. Ф. Р-22. Оп. 2. Д. 26. Л. 1-6.

- 1. Поиск сведений следует после систематизации домашнего архива;
- 2. Информация об участии в Великой Отечественной войны жителей Свердловской области (призыв, гибель, пропажа без вести, ранения, болезни, демобилизация, награждение), сведения о военнослужащих Красной армии из других регионов Советского Союза, находившихся в госпиталях на Среднем Урале, о призыве на работу в промышленность, о советских военнопленных содержится в фондах ГААОСО. Боевой путь красноармейцев по документам военных комиссариатов Свердловской области хранящихся в архиве не прослеживается.
- 3. Поиск в центральных архивах. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ) хранит документы органов военного управления, соединений, частей и учреждений Министерства обороны с 1941 года по настоящее время. ЦА МО РФ осуществляет подготовку архивных справок, архивных выписок, копий архивных документов только по социально-правовым запросам (обращениям) граждан, связанным с социальной защитой граждан, предусматривающей их пенсионное обеспечение, получение льгот и компенсаций, определенных законодательством и международными обязательствами Российской Федерации, а также по запросам государственных и правоохранительных органов.

Сайт – https://archive.mil.ru 142100, Московская обл., г. Подольск, ул. Кирова, 74. Справочно-информационная служба – 8 (4967) 69-90-05.

Работники Государственного архива административных органов Свердловской области всегда готовы помочь исследователям в поиске необходимой архивной информации.

Прием запросов в архив осуществляется через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства и Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) Портал государственных услуг, посредством почтовой связи и при личном приеме граждан. В информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг» работает государственная услуга «Оказание информационных услуг на основе архивных документов». После поступления запроса от пользователя в Управление архивами Свердловской области, запрос регистрируется, анализируется его

содержание и в соответствие с запрашиваемой темой направляется по принадлежности в одно из государственных или муниципальных архивных учреждений Свердловской области.

Доступ пользователей в читальный зал архива осуществляется на основании Порядка работы читального зала Государственного казенного учреждения Свердловской области «Государственный архив административных органов Свердловской области» (ГКУСО «ГААОСО») утвержденного приказом директора ГКУСО «ГААОСО» от 19 марта 2018 г. № 03-01-12 и Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации, утвержденного приказом Федерального архивного агентства Российской Федерации от 1 сентября 2017 г. № 143.

Обращаем внимание на то, что согласно пункта 3 статьи 25 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федераций» «ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов».

Архив открыт для исследователей занимающихся историей России XX века.

Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив административных органов

Свердловской области»

620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 34.

Электронная почта: info@gaaoso.ru

Сайт архива: гааосо.рф

Телефоны для справок: 8 (343) 371-10-32; 8 (343) 371-58-98

Читальный зал архива: 8 (343) 371-58-98

Николай Михайлович Семёнов стоял у истоков ветеранского движения в Качканаре, был членом Качканарского городского Комитета ветеранов Великой Отечественной войны. Родился в 1924 году. Служил в Советской Армии с 1942 по 1955 год. Участник Великой Отечественной войны. Воевал на Северо-Кавказском фронте, в Отдельной Приморской армии, на I и III Белорусских фронтах. Лейтенант, командир взвода. Участник боевых действий в Китае и Северной Корее. Кавалер орденов Отечественной войны I и II сте-

пени, Красной Звезды, награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», юбилейными.

Работал на Качканарском горно-обогатительном комбинате и Качканарском заводе железо-бетонных изделий. С 1969 по 2000 год – председатель комитета содействия при Качканарском горвоенкомате. Вёл большую работу по увековечению памяти о ветеранах Великой Отечественной войны.

ОТ КАВКАЗА И КУБАНИ ДО КЕНИГСБЕРГА

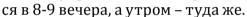
Косья

Войну почувствовала и наша Косья. С 22 июня 1941 года с Косьи уходило на фронт по 20-30 мужчин ежедневно. Женщины оставались с детьми на руках. Отца призвали в конце августа 1941 года в трудовую армию: ему было 42 года, он призыву на фронт не подлежал. Но его ахнули воевать: якобы он, коммунист, сам пожелал.

К этому времени мы закончили покосные дела. Осталось вывезти сено по первому снегу. Только в конце ноября 1941 года вывезли сено из-за Лабазки. Я продолжил учёбу в 10 классе. Но какая это учёба? Неделя в школе, две недели на работе на конном дворе вместо отца. Кормил молодняк, обучал его к работе и по приказу военкомата отправлял коней в армию – до Уфалея. В то время, в 1941 году, парни 1924 года рождения вынуждены были учиться и работать. Непосещение уроков по этой причине считалось уважительной причиной, расценивалось как помощь фронту, таких учеников хвалили.

Мои друзья Скорынин В., Скрябин Н., Мартынов М., Бойков В. и другие работали в посёлке: пилили дрова, расчищали полигоны для драг и т.д. А мы с дядей Ваней Пичкалёвым гоняли коней. Он сидел в санях и правил тройкой лошадей. За ним – 45-50 лошадей. А я – в седле, на хорошем коне, в трескучие уральские морозы, подгонял и загонял весь табун в нужном направлении. И так – 4 раза – с декабря 1941-го по май 1942 года, по 12-15 дней один рейс! Только с косьинского конного двора отправил на фронт 220 прекрасных коней. В мае отправили на фронт последних десять 2-годовалых необученных лошадок. Они, как дикие, разбегались в дороге, так что пришлось их попарно связывать: голову одной на узде к хвосту другой. Осталось на Косье 60 рабочих лошадок и 18 годовалых.

В 10 классе я учился-числился до 2 апреля 1942 года. В этот день военкомат мобилизовал меня на обязательный труд для фронта. С этого времени работать стал ещё больше, практически без отдыха, без выходных, даже в баню некогда было сходить. Ежедневно ездил на тяжеловозе Ваське на Ис за тяжёлыми грузами для драги: валы, ковши, цепи и т.д. – весом от 1 тонны до 1,2 тонны – такой груз брал Васька. Выезжал на Ис в 6 часов утра, а домой возвращал-

За учёбу в 10 классе мне выдали справку с отличными и хорошими оценками, только с одной тройкой по русскому письменному языку: писал я плохо.

А с фронта стали приходить похоронки...

Я – один мужик в семье. Отец, пехотинец, воюет под Харьковом, под Сталинградом. Михаил сначала воевал в Белоруссии, был дважды ранен, выходил из окружений и снова попадал. Потом воевал под Москвой и пошёл опять на запад – по смоленской дороге. Леонид, танкист, воюет там же, где отец, – под Харьковом и Сталинградом.

На конном дворе я тоже один полноценный мужик. Остальные – старики, инвалиды и жен-

щины. Сено для лошадей заготавливать некому. Меня хотели отправить на заготовку сена с девчонками в Харюзную (40 км от Косьи), но райвоенкомат категорически запретил, так как молодёжь 1923 года уже воюет, наш 1924 год должен призываться в августе, к концу 1942 года мы должны быть на фронте. Уехали заготавливать сено два инвалида: Пичкалёв И.И. – у него нет левой ноги, и Сарафанов А. – у него правая нога прямая – нет коленки. С ними уехали 30 девушек и молодых женщин. Что они накосят – трудно сказать. На оставшихся коней надо не менее 240-250 тонн.

Стало ясно: я скоро уйду из дома, как отец и брат. Я работал день и ночь. Ночью пасу коней, днём работал на конном дворе и помогал маме – на покосе заготавливал сено для коровы. Спал на ходу. Косили на Лабазке до 2 августа 1942 года. Едем вечером домой с покоса, а меня ищут с повесткой на фронт.

Вот так я, последний из 4-х мужчин нашей семьи, пошёл воевать. Остались: мать 48 лет, сестра Лида 15 лет, сестра Нина 11 лет. Что с ними будет? Хорошо, что успели заготовить сено на корову, дрова на зиму, огород засадили...

З августа 1942 года, в 5 часов утра, мы, 6 парней со средним образованием: я, Скорынин В. (будущий Герой Советского Союза), Бойков В, Воронин В, Гурьянов, Скрябин Н. – собрались у поселкового Совета. Первым двум было по 18, у остальных 18-летие в октябре-ноябре. К этому часу собралась почти вся Косья. В слезах отправляли нас, самых молодых мужчин, на фронт. С напутственным словом выступила директор школы Ежова Зинаида Васильевна. Она литератор, и от её слов ещё больше и громче был плач людской. Но и нам было нелегко. Все нас обнимали, говорили хорошие слова.

В 6 часов мы погрузились в автомобиль «ЗИС-5» и поехали на Ис, в райвоенкомат. К восьми часам мы были на месте. А народу там – полно: приехала из других посёлков призывная молодёжь. Всего нас из Исовского района было более 100 человек, потом так и была 16-я рота – Исовская.

4 августа прибыли в Свердловск. Нас сразу же на вокзале посадили на поезд Свердловск – Камышлов и привезли на станцию Елань. Со станции через деревни Калиновка и Порошино привели строем в сосновый бор, на территорию военного училища. К 12 августа нас подстригли, искупали в речке Пышме и одели в военную без погон форму довоенного образца. К этому же времени построили для батальона 20 землянок: каждой роте – землянку.

Первые дни - военное училище и бои в Чечне

12 августа 1942 года приняли военную присягу, и пошла учёба по 3-годичной программе для лейтенантов – командиров взводов. Занимались по 12 часов, так как в августе же пришла телеграмма: освоить программу за 8 месяцев, изучать только тот материал, который необходим на войне. Тогда нам добавили ещё дополнительных 2 часа ежедневно и без выходных дней. Ох, как нас учили! Изматывали основательно: как на войне, только без свиста пуль и снарядов!

В конце августа под Сталинградом сложилась тяжёлая обстановка. К нам приехала комиссия, и из числа курсантов стали набирать солдат под Сталинград. Я обратился в первый же день, чтоб меня отправили на фронт под Сталинград, но мне отказали: нет 18 лет. Я продолжал учиться, учёба у меня была отличной.

В середине января отец ехал домой из-под Сталинграда, уже без руки, и заехал ко мне в училище. Жил он двое суток в землянке у командира нашего взвода лейтенанта Скопа В.И. Отец много рассказывал о войне. Приходили офицеры училища и слушали его. Нам он не рассказывал, что офицерам, но сказал: «Смотрите, будьте осторожны: враг жесток, силён и хитёр! Об этом помните всегда!»

Мы учились, но каждый день ждали, что вот-вот нас бросят на фронт, так как обстановка была переломная. В начале февраля наше училище погрузили в вагоны и повезли на запад, ближе к фронту. Весь февраль был в вагонах; правда, делали остановки на сутки или двое для проведения практических занятий на местности. А в конце месяца нас повезли на юг вдоль Волги, в сторону Астрахани. Потом мы оказались в Калмыкии, затем – Дагестан и Чечено-Ингушетия. Нас предупреждали быть готовыми в любой момент вступить в бой, так как фашисты рвались захватить Кавказ. Задача была: встретить, остановить, уничтожить. Но задача оказалась сложнее. В курсантских погонах пришлось воевать между двумя линиями фронта.

8-9 марта мы покинули вагоны и двинулись на передовую Кавказского фронта. Мы видели результаты разбойных нападений чеченцев, ингушей, осетин на тылы, госпитали Кавказского фронта. Мы видели заколотых ножами медработников, раненых в госпиталях. Лежали на земле изнасилованные женщины-военнослужащие с отрезанными грудями и головами. Страшно было смотреть. Мы были ожесточены увиденным и вступили в бой с предателями.

Мы, молодые, хорошо подготовленные, без пяти минут офицеры, вооружённые пулемётами, автоматами и гранатами, разнесли

их всех в пух и прах за две недели. Вот такую школу прошли мы, курсанты, на пути к офицерским погонам.

После этих боёв – снова в вагоны, и из Нальчика – ближе к передовой. За время поездки нас дважды бомбили, были потери убитыми и ранеными, в их числе исовчане.

В боях и походах

19 марта 1943 года нам вручили погоны младших лейтенантов. Настало время нам расставаться. Я, Скрябин Н., Поскрёбышев П. – в 56-ю армию, Скорынин В., Бойков В., Воронин В., Гурьянов И.- в 18-ю. Так пошли мы дорогами войны в офицерских званиях. И никто нас не спрашивал: где бы я мог лучше воевать? Куда пошлют – туда и идёшь без пререканий.

Впервые живых кавалеристов я увидел 4-7 марта 1943 года в Калмыкии. Какая красота! Меня как магнитом тянуло в кавалерию! Когда было возможно, я обращался с просьбой перевести меня в кавалерию, но везде получал отказ. Обучение у кавалеристов и пехотинцев было по одинаковой программе. Да и боевые действия были похожими, только у кавалерии по маневренности в глубину и по флангам было быстрее по времени и скорости. Помню случай в штабе 56-й армии после моего возвращения из госпиталя в часть. Там сидели какой-то генерал, подполковник, капитан и лейтенант – их писарь. Они занимались укомплектованием войск армии. С разрешения своего командования я обратился с просьбой о переводе в кавалерию, рассказал им, что я готовый офицер-кавалерист, учить меня не нужно.

– Ишь ты какой, – ответили мне. – Что, захотел ездить на коне, а не пешком воевать?

Меня всего передёрнуло:

– Я же воевать хочу на коне, а не в штабе сидеть! – сказал им тихо и тут же вышел. Вот так я, прирождённый кавалерист, всю войну прошёл в матушке-пехоте. А може, это было к лучшему? Был бы в кавалерии – сложил бы свою буйную голову где-нибудь в кубанских степях или в белорусских лесах.

В боях на Кавказе и Кубани

Итак, с 19 марта 1943 года я воюю в составе 379-го горно-стрелкового полка 20-й горно-стрелковой дивизии Северо-Кавказского фронта. Освобождали северо-кавказские и кубанские земли. Тяжё-

лые были бои. Нашему фронту уделяли внимание, когда немцы рвались на Кавказ, к нефти. А когда отстояли Кавказ, сдержали немцев, погнали их на запад – командование забыло о нас, не пополняло фронт ни людьми, ни техникой, ни боеприпасами. В год перелома, каждодневных побед, мы идём в атаку голодными. На атаку выдавали по 50 патронов и по две гранаты РГД старого 1938 года образца с деревянной ручкой. До июня 1943 года у нас не было авиации, танков, тяжёлой артиллерии, в наступление шла одна пехота. Шли в бой на немецкие танки и пулемёты, ДОТы и ДЗОТы с винтовкой и двумя гранатами. Шли на верную смерть и гибли тысячами. 28 мая 1943 года в одной из атак я был ранен четырьмя осколками в голову и контужен. Лежал в госпитале города Сочи до 9 июля. 10 июля я вернулся из госпиталя. Наша часть находилась в обороне так называемой «голубой линии фронта». Эта оборона должна была изматывать силы фашистов, но изматывала и наши силы.

Как бы ни было тяжело, 9 октября 1943 года Кубань была освобождена от фашистов. В первых числах сентября перед решающим наступлением по освобождению Кубани приезжал Г.К.Жуков. Посмотрев части и весь фронт, он провёл по всем дивизиям (а их было около 20) офицерские собрания. Тогда я первый раз увидел живого Жукова, а потом видел много раз: в Белоруссии, в Польше, в Германии и в Москве.

Освободив Кубань, наши 58-я и 18-я армии стали готовиться к высадке десантом в Крым, на Керченский полуостров. При формировании десантных полков учитывался возраст, физическая подготовка и здоровье солдат и офицеров из нашей дивизии. Из трёх полков укомплектовали два: 67-й и 69-й горно-стрелковые полки. Я был переведён в 67-й ГСП, в котором прошёл весь остаток войны. Полк был отличный, возраст – от 20 до 30 лет. Командир полка – молодой майор Суховей. Он погиб в десанте – наверное, утонул, бедняга.

3 недели каждую ночь выходили на кораблях в море тренироваться: посадка в корабль, высадка десанта и бой за захват плацдарма. Места были подобраны с высокими берегами, как в месте, где предстояло высаживаться. Так было до 1 ноября 1943 года. Командование провело полковые собрания с морскими корабельными экипажами – и с Богом!

В боях на огненной земле – в Крыму

В ночь на 3 ноября из района Темрюк десант вышел в бой. Огромные потери понесли первые эшелоны, высадившиеся 3-7 ноября

1943 года. В первых утонувших кораблях потери достигали 90%, как у нашего полка, шедшего на корабле «Красный Аджиристан», который затонул в 5-6 км от Керченских берегов. Мы попали на шлюпку «мотобот», на котором могли плыть 23-25 человек. Нас, наверное, было побольше, но все мы были не в своей памяти, и как вступили в бой – трудно представляется, видимо, по инерции: инстинкт выработался за время боёв.

Мы шли-плыли к населённым пунктам Маяк – Жуковка. Шторм, ветер с крупным мокрым снегом. Нашу шлюпку бросает, как спичечный коробок. Моторист постоянно кричит: «Держитесь! Не раскачивать ботомот – иначе перевернёмся и всем капут!»

Примерно в 3-х км от Керчи на нас полетели немецкие снаряды и мины, в 1,5-2 км – пули из крупнокалиберных пулемётов, а от 800 до 200 метров по нам стало полосовать стрелковое оружие. В шлюпке были убитые и раненые. Метрах в 100 от берега мы попали в «мёртвую» (непростреливаемую) зону. В 25-30 метрах от берега мы бросились в воду. Глубина – 1,5 – 1,7 метра. Выскочили на берег, бегом под обрыв скал и сразу же на штурм обороны немцев. Со мной из нашей роты было 9 человек, остальные были убиты или утонули. Ещё 13 человек были из других рот нашего полка. Из офицеров – один я, командовал всеми, кто оказался около меня. Атаковали очень смело, другого выхода всё равно не было: смерть или победа и жизнь. Артиллерия и авиация кое-где перед нами наносила удары. Мы бежим вперёд и вперёд. Нам удалось захватить часть траншеи с окопами. Я дал команду 10 минут передохнуть и наблюдать: что вокруг происходит? Сплошной шум, грохот, вой снарядов и бомб... Но кто где? Ничего не видно, и ничего не поймёшь. Мы стали расширять плацдарм в немецкой обороне вправо и влево. До рассвета мы дрались с фашистами на близких расстояниях, а к утру они отступили во вторую линию траншей, примерно в 200-240 метрах от нас. Авиация и артиллерия с Таманского полуострова наносили удары, мы этому были рады.

Весь день мы наблюдали за противником и разыскивали своих, кто и где ещё высадился, чтоб создать линию обороны и ждать подкрепления из Тамани. Наступать группами по 20-25 человек нельзя: нас перебьют, как котят. И немцы тоже 3 ноября не атаковали.

С вечера 4 ноября нас стали пополнять из резервов. Мою роту пополнили до 62 человек. За сутки 3-4 ноября обозначилась наша оборона и снова начались ожесточённые бои. Мы стремились к Керчи, а немцы стремились сбросить нас в море.

До 28 ноября продолжались бои с особой силой. Ходили в атаку по 16-18 раз ежедневно, с обеих сторон несли огромные потери. Расширяли плацдарм до декабря, а потом перешли к обороне, подобно «Малой земле», зарывались в землю. Плацдарм был 3 на 6 км. Он простреливался с трёх сторон: с севера, с востока и с запада. Наш тыл был юг – Таманский полуостров. На такой войне я ещё не был. Вот где-то солдаты в окопах поют, а нам выть хотелось от массовой гибели людей.

Я провоевал в Керчи до 30 января 1944 года. В районе между Жуковкой и Аджимушкаем при перебежке из окопа в окоп был ранен немецким снайпером пулей в левую ногу. На этом я закончил воевать в Крыму. Увезли меня сначала на санитарной шлюпке, а затем на санитарной машине – в Краснодарский госпиталь.

Я лежу в госпитале и получаю письмо от старшины роты Миронова, который мне сообщил, что нашу дивизию переводят в Белоруссию. Я сразу же стал готовить почву, как мне выписаться и получить направление в свою часть в Белоруссию. В конце февраля я обратился к начальнику госпиталя и рассказал, что я из 20-й горно-стрелковой дивизии, которую переводят на Белорусский фронт, и попросил его направить меня после лечения в свою дивизию. Он пообещал меня отправить, куда хочу. Я был удовлетворён.

21 марта 1944 года, в день выписки, он вызвал меня и сказал: «Поедем вместе в Белоруссию: наш госпиталь тоже туда переводят – там готовится большая операция». Вручил мне справку о ранении, направление в часть, я его поблагодарил и двинулся искать свою дивизию.

Ох, и принял же я мучения со своей ещё больной ногой. Да ещё всё разбито, одни развалины, людей почти не видно, вокруг пожарища, вонь и смрад от убитых лошадей и т.д. А шёл март.

Я знал, что ещё осенью 1943 года был освобождён город Гомель. Я взял путь туда, а там всё узнаю в комендатуре. Добирался всеми способами: на поезде, на попутных машинах, лошадях, быках, пешком – и 29 марта был в Гомеле. Сразу же в комендатуру. Там узнал, что 20-я ГСП входит уже в состав 28-й армии, которая находится в районе города Речица (это 60-70 от Гомеля). Я тут же в путь, и к ночи был в Речице, в штабе 28-й армии. Получил визу на направлении из госпиталя, голодный выскочил на улицу, быстро нашёл попутный транспорт – и до штаба дивизии. Там меня «накормили»: дали 2 сухаря и кружку чая без сахара.

Я бегом в штаб полка, который был уже в 5-6 км от фронта-передовой. От штаба дивизии до штаба полка я иногда попадал под ар-

тобстрелы, но привычно шёл, без страха, как в Керчи. В штаб полка попал к обеду. Кто меня знал до и во время десанта, встретили очень и очень хорошо. Обед со 100 граммами. Но старых офицеров и в штабе осталось не много: видимо, и им досталось.

Пообедав, отдыхал в траншее. Немцы методично вели артиллерийско-миномётный обстрел наших позиций. Бомбили немцы гдето левее, видимо, территорию 61-й армии. День был солнечный, но ещё прохладный, земля тоже холодная и мокрая, а солнце – яркое в голубом небе родной Белоруссии. Я долго, 5 часов, лежал, смотрел в небо, и за это время вспомнилась мне вся прожитая жизнь, ещё такая короткая: хорошие времена до 1941 года и тяжёлые смертельные дни и ночи войны.

Время шло к вечеру, и я пошёл искать старшину роты со своим тылом и кухней, чтобы они меня довели до передовых позиций роты. Искал часа два. Нашёл в лесу, в 3-4 км от переднего края. Старшина и повара были те же, что на Кубани – они в десанте не участвовали и остались все живые и здоровые. Ребята со старшиной меня встретили радостно: я же с ними провоевал уже год, дважды был ранен и дважды возвращался в свою роту. Это удаётся редко кому. Побыв с ними на кухне, в назначенное время по темноте вышли на передовую. Они везли на конях горячую пищу для роты. Во время стабильной обороны кормили неплохо. Но когда грозные бои – то не до пищи. Ребята мне сказали, что из всех офицеров, бывших на Кубани и в десанте, в живых остался только я. А со всего полка, бывших в десанте, осталось 4 офицера и 22 солдата.

К полуночи с 30 на 31 марта мы добрались до переднего края первых траншей. Немцы были от нас в 250-260 метрах. Это хорошо: можно было иногда выпрямиться в полный рост и поговорить с солдатами. Кухню и всех нас встречал новый командир роты старший лейтенант Касаткин И.М., 1918 года рождения, сам из Сызрани. С ним тоже 2 лейтенанта, 1 младший лейтенант – все новички. В боях были, но очень мало. Встречали у окопа командира роты и мои солдаты, с которыми был я в десанте – их осталось 8 человек: Шахкелдов – помкомвзвод, Косилко, Целиковский (мои ординарцы), солдаты Даниленко, Гаражиев, Чепурненко, фамилии остальных забыл. Какая это была встреча! Обнимались, как самые родные братья. Все новички тоже были рады за нас. Сели ужинать по всей траншее и выпили по 100 граммов. Старшина и повара пошли снова на кухню: им нужно было ещё раз привезти кашу, хлеб и чай на весь следующий день.

Мы остались с офицерами и моими старыми десантниками около площадки «максима». Они ещё ужинали, я ничего не ел: был сыт. Посидели часа два, вспомнили пофамильно всех погибших.

После этого я с Шахкелдовым стал формировать свой 1-й взвод. Дали мне 32 человека, в том числе моих старых 8 человек. Всего в роте было сформировано 3 взвода, 2 пулемётных расчёта.

Офицеры меня за ночь на 1 апреля провели по всей позиции роты, рассказали о боевых действиях роты. Познакомились с позицией соседней справа 5-й роты. Командир 5-й роты в десанте не был, поэтому остался живой, а два его командира взвода были со мной и оба погибли в море. Слева были позиции 7-й роты 3-го батальона. А там командир роты и 3 командира взводов погибли во время десанта, и один командир взвода ранен, но в роту пока не вернулся. Все командиры в 7-й роте новые.

С рассветом дня до обеда изучал оборону немцев, минные поля, заграждения. С обеда стал знакомиться с каждым солдатом. Личный состав взвода, как и все воины на переднем крае, ночью не спали, были в полной боевой готовности. Каждый находился в своём окопчике готовый к любым действиям. А сейчас все спят, отдыхают. От каждого отделения стоят по одному человеку в наблюдении по 2 часа, меняясь через два часа по очереди. В это время, пока они не спали, я и познакомился с ними. Переписал всех их с данными о семье, адресами и т.д.

В боях за Белоруссию родную

Пришёл день освобождения Белоруссии! Рано утром, в 4 часа, 24 июня 1944 года всё кругом загремело, вся земля как будто перевернулась. А через 5-10 минут стало темно: пыль, газ от взрывов, от обожженной земли. В августе 1944 года в городе Слуцке я напишу: «За градом снарядов взрывы и свист, всё небо распорото боем. Земля и небо сдвинулись с мест, а мы только жить начинаем». Всё гремело взрывами, земля как будто поднимается над тобой, а потом снова опускается. Длилось это 1 час 40 минут. Пошла авиация бомбить фашистов, всё небо заполнилось самолётами.

Потом к нашим траншеям подошли танки и самоходки, и мы за ними бросились в атаку. Вот это наступление пехоты с поддержкой боевой техники с меньшими потерями для нас и гибельное для фашистов. Так воевать можно. Не как на Кубани: там лезли на танки с наганом и винтовкой. А тут за 15 минут мы пробежали и захватили всю 1-ю позицию 3-ей траншеи. Вся позиция была разбита,

разворочена, сожжена. Большинство немцев было убито, кое-где попадались раненые, а которые живые, были все перепуганные, оглохшие, контуженные. Мы бежали только вперёд и вперёд, не обращая на них внимания.

За 24 июня мы прорвали две позиции, захватили их и продвинулись на 8-9 км, но этого оказалось недостаточно. 3-ю позицию нам пришлось преодолевать ночью 25 июня. В этом бою мы понесли потери, так как эта позиция была мало разбита нашей артиллерией и авиацией, а танки ночью использовать бесполезно. Утром 25 июня освободили город Паричи. Не задерживаясь, пошли на Бобруйск.

На третий день освободили Глуск. 27-28 июня 1944 года окружили Бобруйск и сходу – на запад, на Слуцк. Воевать было легко и интересно. Боевой дух солдат был высокий, все рвались вперёд. 29 июня к вечеру приняли встречный бой с фашистами за город Слуцк, который на второй день был нами взят. Ворвались в город, как говорится, на плечах фашистов. А гражданских людей я не видел: видимо, ушли в леса или были в укрытии. Немцы понесли большие потери в людях и технике. Повсюду, куда ни глянешь, лежали убитые люди, лошади, разбитые обозы, техника.

Старшины рот с поварами и кухней не успевали за нами двигаться, часто попадали под бомбёжки, артобстрелы. Поэтому кормили нас только тогда, когда мы останавливались по причинам боевых действий или чтобы пополниться боеприпасами. Ели в основном конину от убитых лошадей.

После взятия Слуцка, сходу, с небольшим сопротивлением фашистских войск, освободили Тимковичи, Клецк и подошли к Барановичам. Мы знали, что здесь будет большая драка. За время двухнедельных боёв мы выдохлись, оборвались, но подошли к восточной окраине Барановичей. Утром 6 июля примерно в 6-8 км от Барановичей немцы встретили нас бомбёжкой, огнём артиллерии, множеством танков и пехоты. Ведя сильные бои, мы всё-таки подошли к Барановичам. Имея потери, мы не могли наступать сходу. Нужно было остановиться, подтянуть тылы, пополниться боеприпасами. Да и просто нужно было отдохнуть.

Бои на границе СССР. Полное освобождение нашей страны

Отдыхали мы 8-9 часов, всю ночь. За это время проделали много работы. Привели себя в порядок, заменили рваную обувь, одежду, пополнились боеприпасами. Командование провело разведку. Подтянулись танки, артиллерия, все тылы.

7 июля, в 5 часов утра, началась сильная артиллерийская подготовка. Мы бросились в атаку вслед за танками. Бой был жестокий. Немецкие траншеи неоднократно переходили из рук в руки. Мы дважды врывались в немецкие траншеи, нас дважды немцы выбивали. Только раз с потерями мы захватили траншеи и погнали фашистов. Не отрываясь от немцев, мы ворвались в город Борисов. К вечеру 8 июля группировка немцев, венгров и румын была уничтожена или взята в плен. Часть немцев смогла убежать к Бресту. Не выпуская из виду, преследуем немцев в сторону Бреста, постоянно нанося им удары. Перед боями за Брест нашей дивизии присвоили наименование «Барановической».

Перед нами стояла задача: нанести удар по Бресту с северо-востока через Пружаны. От Барановичей до Бреста – 200 км, которые мы прошли за 3 недели в непрерывных боях, продвигаясь в сутки от 5 до 15 км. А когда подходили к Бресту от Жабинки, как говорится, ползли на животах по 3-5 км в сутки. Для немцев это последняя надежда удержать Красную Армию и не допустить её в Западную Европу и саму Германию. Дралась только пехота, иногда вместе с танками. Авиацию и тяжёлую артиллерию использовать нельзя: могут побить своих, так как мы не хотели отрываться от отступающих немцев: ведь немцы боятся ближнего боя. А мы лезли напролом, грудь на грудь. У кого сильнее нервы, кто крепче физически, кто выносливее – тот и победит.

Жабинку взяли в ночном бою, обойдя её кругом. Немцы, не вступая в бой, используя складки местности, отошли без боя.

От Жабинки до Бреста – 20 км. Пошли сплошные поля. Без сапёров, без миноискателей наступать нельзя. Сапёров нам не дали, а миноискатели – дали, по одному на взвод. Я этот прибор изучал в училище и знал его хорошо. Подобрал 8 человек: на каждый прибор по 2 человека. Кроме своих, одновременно обучил ещё 8 человек из 5-й роты. Прибор очень простой, я всех обучил за 2 часа. А вот как мины обезвредить – этому обучить сложно. Поэтому я приказал ставить около мины какую-нибудь палочку и привязывать белую тряпку. Но потери от мин всё же были.

И вот со скоростью черепахи, с сильными боями, 27 июля 1944 года с Кобринского направления подошли к Бресту, к границе Советского Союза. Как-то на душе стало веселее. Мы заняли первые дома на окраине. Наша 28-я армия должна была окружить Брест с северо-востока на северо-запад и замкнуть кольцо окружения вместе с 61-й и 70-й армиями, штурмом овладеть городом, форсировать Западный Буг, захватить плацдарм на территории Польши.

Бомбить и разрушать Брест было запрещено, поэтому опять были ограничения в применении техники. Авиация и артиллерия наносили удары по окраинам Бреста, особенно по железным и шоссейным дорогам и по местам скопления войск на территории Польши. Танки тоже применялись на окраинах города.

На Брест

Итак, утром 27 июля, около 5 часов, снова всё загремело. Дым, пыль затянули город. Укомплектованность составляла чуть больше 60%. В 6-й роте, которой я командовал (И.М.Касаткин был ранен), из 120 человек оставалось 76 боевых и 4 повара со старшиной. Мы с танками пошли в атаку, когда огонь был перенесен за Буг на территорию Польши. Немцы дрались до последнего, приходилось применять в помещениях гранаты и огнемёты. Но город старались сохранять. А вот немцы, отходя, взрывали, обстреливали и бомбили город.

За 6 часов боёв за город, от дома к дому, мы приблизились к северо-западной окраине и Брестской области. Не задерживаясь ни на минуту, продолжая наступление, форсировали реку Западный Буг. А это была граница СССР с Польшей. Почва глинистая, берега заросшие камышом. Выскочили на западный берег, все кричали «Ура! Ура! Граница!»

Вот так, с большим подъёмом, вступили на территорию Польши. Все мокрые, грязные, но продолжаем наступление, всё вперёд и вперёд. Немцы отступали, бросая всё. По нам наносит удары только артиллерия.

Пока мы шли вперёд от границы на 7-8 км по Польше, было всё спокойно. Но спустя некоторое время уже была не граница, а пограничные населённые пункты. Вот из этих хуторов появилось огромное количество танков, пехоты, налетела на нас штурмовая авиация и давай нас месить с землёй. Это у немцев были созданы штурмовые группы для контрударов по нам. Да и нам было понятно, что просто так немцы границу не отдадут. Когда на нас набросилась эта армада, мы были в чистом поле, как на ладони. Нам негде было укрыться. Ни артиллерии, ни танков возле нас не оказалось, все остались на восточном берегу реки Буг и в Бресте. В это время нас немцы безжалостно уничтожали. Я лежал в кювете около дороги слева, а справа шли «тигры» и давили гусеницами мою и 7-ю роты.

Я был у пулемёта «максим», когда «тигр» ударил из пушки по нам. От расчёта никого в живых не осталось, а мне влетело 3 осколка в правую ногу. А больше никаким чудом никуда не попало. Как было обидно, что за 20-30 минут нас немцы уничтожили по вине бездарных старших командиров. А меня поздно вечером 28 июля 1944 года, после третьего ранения, третий раз отправили в госпиталь в г Слуцк.

Город Слуцк. Госпиталь.

В госпиталь города Слуцка меня привезли 30 июля. Город был хороший, зелёный. Когда мы его освобождали, мало что видели, а сейчас было спокойно, мы его рассмотрели. Вокруг города были сады: яблони, груши, вишни. В двухэтажной казарме располагался сам госпиталь с кабинетами для лечения и операций, а раненые лежали в брезентовых палатках в 300 метрах от корпуса.

Я лежал в 1-м ряду, в офицерской палатке на раскладушке. Погода была хорошая, тёплая, в саду созрели фрукты, но почему-то не было аппетита. Кормили и лечили хорошо. Через две недели я пошёл с одним костылём. Пошёл и за 3 км от госпиталя я нашёл наши окопы, из которых мы пошли в наступление на Слуцк.

Мне очень понравились эти беловежские места. В один из пасмурных дней в палатку входит капитан Родин А.А., бывший командир моей роты на Кубани, а ныне – заместитель начальника штаба полка по кадрам. Он нам рассказал, что 28-ю армию, в том числе и дивизию, переводят на 3-й Белорусский фронт. Он приехал за нами, чтобы забрать и увезти в часть. Сообщил, что наш 67-й ГСП и 20-й ГСП из района Барановичей выходят на север, к границе Литвы с Восточной Пруссией. Спросил, кто хочет попасть в свою часть? Попасть в свою часть после госпиталя всегда было проблемно, большинство не попадало.

Я на костыле под левой рукой пошёл к начальнику госпиталя – просить его о выписке в свою часть. Начальник госпиталя сначала отказал, а это означало потерять свою часть, в которой прошёл всю войну. Больше часа мы его уговаривали и добились согласия. В этот же день обошли всех раненых и набрали человек 40 таких, которые были ходячие, но ещё требовалось решение. Капитан уехал в полк. А через неделю пришли 2 грузовые машины «ЗИС-5» – и нас увезли в полк.

Полк уже выходил на марш. Укомплектованность – 60-65%. Командир полка – новый, хороший мужик. Я снова в своей роте. Ко-

мандир роты – капитан 42 лет, на вид суровый, невысокого роста, малоразговорчивый, бывал в боях. От старого состава осталось 40 человек (35-40% от бывшего состава).

В первый же день побывал во взводе, в роте, и меня отправили в медсанчасть. Ночью идем маршем. Я еду на повозке, по привычке управляю лошадьми, а днём уходил в роту. В свободное от сна время проводил занятия по изучению оружия.

Пока добирались до Восточной Пруссии, мои раны закрылись, только одна кровоточила. Хожу уже без палки, разрабатываю ногу. Впереди Германия – какая-то тёмная, как пасмурный ветер, страна с 2-3-этажными серыми и коричневыми домами. Даже это производило тяжёлое впечатление на людей. Наша 28-я армия, уже 3-го Белорусского фронта, была нацелена на города Гумбинен-Инстербург (ныне Гусев-Черняховск), и далее – на Кенигсберг.

Бои в Восточной Пруссии. Штурм Кенигсберга.

Прорыв обороны на границе Восточной Пруссии откладывался, потому что укомплектованность войск была недостаточной. Пока проходила подготовка войск, «за долговременное нахождение в боях за Родину и проявленное мужество в боях против немецких захватчиков» меня направили в дом фронтового отдыха, чтобы залечить ранения и отдохнуть перед грядущими сражениями.

Я не знал и не думал, что есть такие дома отдыха, где можно пожить, как в раю. Я всегда думал, что на фронте только окопы и траншеи. А там – рай божий, и в этот рай каждый день приезжали господа генералы, их заместители, помощники. А сколько молодых женщин и девчат! До этого и после этого дома отдыха я такой жизни не видел. Нашего брата, таких, как я, там были единицы. Нас, лейтенантов, держали под наблюдением и даже ограничивали движение по территории дома отдыха. Конечно, мы приехали отдыхать и лечиться, а не женщин ласкать. Но когда мы, молодые лейтенанты, проходили по территории, девушки смотрели на нас из своих комнат и посылали приветы. Вот такие дела: кому война, кому мать родна! Как будто во сне всё это видели. Когда мы отъезжали на фронт, нас вызвал комендант, выдал документы и сказал: «Вы там поменьше языком!» Я только через 10 лет, будучи в Китае, рассказал об этом своему командиру части.

И вот из счастливого рая я вернулся в фронтовой смертельный ад. Снова траншеи, окопы, вода, грязь, вшивые солдаты и младшие

офицеры. Мне показалось, что вшей стало больше, или я раньше не замечал?

Первое время после дома отдыха 3-4 суток я вообще практически не спал, был дежурным офицером днём и ночью. Все офицеры отдыхали, а я нёс службу. Погода была плохая: дождь, мокрый снег, сильный ветер. Октябрь!

В доме отдыха я отметил свой день рождения. Очень хорошо по тому времени. Даже были танцы, девушки, но через час всех разогнал комендант. А сегодня в окопах 24 октября 1944 года. Чудо! Я даже не знал, какое число! Старшина с писарем и поварами добрались к нам под обстрелом и устроили празднование моего 20-летия. Это было так неожиданно и приятно. Собрались около моего окопа. Говорил старшина Миронов. На Кубани он был писарем, а до войны - учителем. Он так выступил, что слёзы на глазах выступили не только у меня, но и у солдат и у него самого. Старшина рассказал о боевом пути нашей роты и оставшихся 7 человек, прошедших войну от Кавказа до Восточной Пруссии. Он рассказал, что рота за это время пополнялась, а вернее – полностью обновлялась 3 раза. Старшина вёл учёт прибывших и убывших. В роте прошло войну 378 человек, а сегодня старых воинов осталось 7 человек: лейтенант Семёнов, старшина, 3 повара и 2 солдата. А сколько убито, ранено!

К этому времени мне вручили справки: «Наградить лейтенанта Семёнова Н.М. медалью «За боевые заслуги», орденами Красной Звезды и Александра Невского».

К этому времени мы уже были готовы к наступлению. Но погода в это время была дождливая, туманная, всё в воде и грязи. И немцы ждали нашего удара, они знали: чем хуже погода, тем агрессивнее русские идут в бой. Наше командование вспомнило старый способ уничтожения людей – разведку боем. Только сейчас её проводили не повзводно и поротно, а побатальонно. Какая дикость! Я считаю преступлением, чтоб выявлять огневые точки противника на убийстве людей.

И так продолжалось до января 1945 года. От ожидания решающего наступления на территорию Германии уже устали все войска. Но погода всё ещё была очень и очень плохая: дождь, туман, мокрый снег с сильным ветром. Но, несмотря трудности, пришёл приказ начать наступление. 13 января, в 5.00, наше наступление началось. Мы, пехота с танками, бросились в атаку. Немцы от нас были в 250-300 метрах. Когда поднялись в атаку, мы свои танки могли видеть только лишь на 50-100 метров, далее – сплошной ту-

ман. В такой обстановке не только мы, пехота, двигаться не могли, тем более танки, а артиллерия и авиация не могли нанести какиелибо эффективные удары. Оборона немцев пострадала очень мало, и опять вся тяжесть боёв легла на пехоту.

За 13 января с большими для нас потерями мы овладели только первой траншеей в рукопашном бою. Мы в это время ничего не чувствовали и не соображали, а только стремились убить больше немцев. Но за весь день боёв мы смогли продвинуться вперёд на один километр. На ночь вообще остановились.

Всё надо было начинать сначала. Немцы вели методический артиллерийский и миномётный обстрел, в основном по 2 и 3 эшелонам. Авиация сидела на аэродромах. За ночь мы проверили людей, технику, боеприпасы. На второй день, 14 января 1945 года, снова началась артподготовка на 20 минут. Мы с танками бросились в атаку. Немцы дерутся насмерть, но в рукопашную не идут, поэтому не могут нас сдержать. В тумане не видно, где свои, где немцы. В такой кошмарной обстановке была опасность убить своего.

Город Гумбинен был от нашего переднего края в 45 км. И мы через 5 дней сильнейших боёв, почти без помощи авиации и артиллерии, доползли к исходу 18 января. Сходу брать его мы уже не могли. У нас опять были большие потери: в роте осталось 66 человек. Командир роты был убит, вышли из строя командиры 2-го и 4-го взводов. Я снова командир роты – уже в 4-й раз.

Танки бросились в атаку и, спустя некоторое время, потеряли нас, пехоту. Сильнейшим огнём немцы отрезали нас от танков. Танки ворвались в спящий Гумбинен, но мы, пехота, не могли преодолеть оборону города. В итоге Гумбинен был взят с огромными потерями. Сражение за первый город Германии показало, что воевать нужно с новым оружием, с другими немцами.

19-20 января немецкие укрепления были взяты нами. Немцы бросились в сторону Инстербурга (ныне Черняховск), но постоянно подвергали нас бомбёжкам, артобстрелам, контратакам. Чем ближе мы приближались к Инстенбургу, тем сильнее становилось сопротивление немецких войск. Дрались за каждый метр. Каждый дом в городе был укреплённым опорным пунктом, из подвальных окон торчали стволы пушек, из окон пулемёты, огнемёты, гранатомёты. Вокруг города были вырыты два кольца каналов шириной 5 метров, в глубину 4 метра, в них была пущена вода хозяйственная и даже канализационная. Такой обороны мы ещё не прорывали.

21 января 1945 года снова всё загремело от авиационных бомб и артиллерийских снарядов. Весь город оказался в огне, дыму и

пыли. Такая подготовка длилась час. В 8 часов этого дня мы – с танками и сапёрами, которые везли на самоходках 7-метровые брёвна-переходы, чтобы преодолеть каналы. Ворвались в город к 12 часам. Уцелевшие немцы дрались насмерть. Во второй половине дня немецкая авиация наносила по нам сильные бомбовые удары и, надо сказать, удачно – у нас были большие потери. 22 января с утра погода улучшилась, стало временами показываться солнце. Командование бросило в бой свои резервы, и к вечеру город стал наш.

До Кенигсберга оставалось 90 км, но до его освобождения оставалось 2 месяца 18 дней – по одному километру в сутки. Кто был в пехоте на переднем крае, тот знает, что значат бои, когда в сутки проползаешь на животе 1 км! Это ад! Всё в огне, в дыму, в пыли. Очень было тяжело воевать, когда уже вот-вот – и победа. Умирать никому не хотелось. Поэтому приходилось всё время самому первым бросаться в атаку, а сержанты поднимали сзади солдат.

Каждый хутор, небольшое селение или городок был укреплён, как опорный пункт, за который приходилось жестоко драться и нести потери в людях. Чем ближе подходили к Кенигсбергу, не только немцы были против нас, но и погода. Облачно, дождь с мокрым снегом, ветер с севера нам в лицо. А у нас солдаты, кому 40 и за 40, шлёпают в валенках по грязи и воде. Валенки сели, ноги у них оказались как в колодках, идти не могут – хоть матушку-репку с ними пой. Но к Кенигсбергу всех переобули в ботинки. А в роте осталось всего 50 человек.

Подошли к городу Кенигсбергу 28 января, а 30 января окружили его, отрезали от моря. Стали штурмовать этот чёрный, коричневый город, колыбель-логово немецких псов-рыцарей, откуда они постоянно делали набеги на соседние государства. Бои не затихали ни на минуту, не говоря уж о сне. Постоянные атаки и контратаки. Потери огромные с обеих сторон.

В один из штурмов около 16 часов 31 января 1945 года я был ранен разрывной пулей в голень левой ноги. Это было так. Я бежал по кювету-канаве вдоль дороги левым боком к немцам. Фашист наверняка целился в голову или грудь. Но я выскочил из канавы, и в это же время раздался выстрел. Мне повезло: пострадала только нога. Это было 4-е моё ранение. Тоже, можно сказать, повезло: до конца войны, до Победы, я вряд бы дожил. Это был конец моей войне. Впереди было 10 месяцев лечения.

Николай ПЕТРОВ

Николай Александрович Петров родился 14 мая 1924 года в рабочем посёлке Висимо-Шайтанск. В 1942 году окончил среднюю школу. В августе 1942 года призван в Советскую Армию. Окончил Свердловское пехотное училище. Участвовал в Великой Отечественной войне. Имеет тяжёлое ранение. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

После войны окончил пять курсов биологического факультета Нижнетагильского педагогического института. – на комсомольской, партийной, педагогической работе в Пригородном районе Свердловской области.

В 1985 году избран председателем совета ветеранов радиозавода. Последнее воинское звание – майор.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

2 июня 1942 г. Выпускной товарищеский вечер, расставание с друзьями, со школой. Впереди – Великая Отечественная война.

13 августа 1942 г. Призыв молодёжи в Красную Армию. Нас, с семилетним и выше образованием, направили в Свердловское пехотное училище. 10-классников укомплектовали в миномётный батальон. Гражданская жизнь закончилась. Началась жизнь – военная.

12 часов курсантской учёбы – от подъёма до отбоя – в первые дни казались невыносимым испытанием солдатской жизни. Но вот проходит месяц, другой – та же обстановка становится обычной, нормальной, есть время и на отдых.

И, наконец, 7 марта 1943 года – государственный военный экзамен и присвоение звания. Что я и окончил с баллом 4 (четыре) и присвоением воинского звания младший лейтенант на должность командир миномётного взвода 82-мм миномётов. Впереди – фронт!

23 марта 1943 года со ст. Свердловск отбыли офицерским воинским эшелоном – в распоряжение командования Южного фронта. Свердловск – Красноуфимск – Казань – Рузаевка – Пенза – Балашов – Ртищево – Поворино – Сталинград.

Впервые в жизни своими глазами увидели последствия Сталинградской битвы. Зловонный запах разлагающихся трупов людей и животных, разбитая немецкая техника, битый кирпич и щебень – всё это производило тяжёлое впечатление.

Ростов – Новочеркасск – Шахты – город Красный Сулин. Первое боевое крещение. Налёт вражеских тяжёлых бомбардировщиков на эшелон.

Прибыли в город вечером 17 мая 1943 года. Мирно спали на двойных нарах вагона. В 11 часов 30 минут были оглушены орудийным гулом пристанционных зениток. Душераздирающий вой бомб, летевших на нас сверху... 3-4 оглушительных взрыва последовали где-то совсем, рядом. Ошеломлённые, выскочив из вагонов, бросились мы врассыпную, кто куда. Станция и эшелоны были уже все в огне. Бомбы попали в стоящий рядом эшелон с трофейными боеприпасами и 8 цистерн с бензином, в 50 тонн каждая. Один за другим последовали оглушительные взрывы большой силы. Рвались вагоны с боеприпасами и цистерны с бензином.

Убежав на полтора-два километра от станции в поле, мы переждали бомбёжку и на рассвете вернулись на станцию. Груды обгорелых вагонов, согнутые в кольцо и далеко отброшенные рельсы, разбросанные продукты, перепутанные провода, трупы обгоревших товарищей – подействовали угнетающе на нас. Это всё здесь, в тылу, а что ждёт впереди?

Словно постаревшие, тронулись мы в пешем строю до штаба фронта. Штаб направил меня, Лебедева, Дудорова, Рассадникова в отдел кадров 51-й армии в город Краснодар. Курсы усовершенствования командного состава и, наконец, назначение в действующую часть на передовую. Я один получил назначение в 99-ю стрелковую дивизию.

7 июля 1943 года пришёл с назначением в руках в окопы передовой линии на должность командира миномётного взвода. Свободной должности не оказалось, а посему принял командование 3-м стрелковым взводом 5-й ротой 2-го батальона 1-го полка 99-й стрелковой дивизии. Началась окопная жизнь.

10 августа 1943 года 99-я стрелковая дивизия (комдив полковник Лицеский) была снята с обороны в районе Боко-Антрацит Ворошиловградской области и после 30 км марша заняла исходные позиции в составе 5-й ударной армии в районе населённых пунктов Калиновка, Малиновка, Артёмовка.

17 августа после форсирования реки Миус с ожесточёнными наступательными боями выбили немцев с высоты 191,3 на подступах к населённому пункту Артёмовка. Наша рота заняла рубеж на обратном скате высоты.

Немцы во чтобы то ни стало хотели вернуть этот важный рубеж, прикрывающий путь к центру Донбасса, городу Сталино. Гу-

бительный огонь миномётных и артиллерийских батарей немцев не давал возможности наступательных операций нашего подразделения. С половины дня 23 августа немцы предприняли третью контратаку при поддержке самоходных пушек. В это время был смертельно ранен в живот командир роты лейтенант Якименко. Командование ротой принял я.

К 3-м часам дня наши потери составляли 60% всего личного состава, притом же роты смешались ввиду выбытия из строя командиров. По приказу командира полка я из этих «остатков» организовал боеспособное подразделение и занял оборону.

Случайно встретив командира взвода связи, я приказал ему командовать пулемётным расчётом из одного станкового и трёх ручных пулемётов на правом, более опасном фланге. Сам же с 11 бойцами на виду у немцев сменил позицию на левом фланге, чтобы отвлечь внимание и огонь на себя, дав возможность окопать пулемёты. Немцы после обстрела вновь ринулись с воем в атаку на правый фланг, но, попав под кинжальный огонь пулемётов, понесли потери в живой силе, отступили на исходные свои позиции. После оглушительного шума и грохота всё замолкло. Эта тишина длилась всего несколько минут.

Неожиданно на нас обрушились «Юнкерсы-87». Эта штурмовка длилась несколько минут, но вслед за ней немцы открыли сильный огонь из миномётов и орудий.

Тяжёлый снаряд разорвался в полутора метрах от моего окопчика. Силою взрывной волны меня выбросило из окопа, оглушило, поцарапало лицо и руки – и, истекая кровью через гортань, я потерял сознание. Очнулся на другие сутки в медико-санитарном батальоне. 400 граммов влитой крови придали некоторую силу, после чего меня отправили в полевой госпиталь, откуда я сбежал на другой же день с попутной машиной в свою часть. Месяц ещё был при своём медсанбате.

После поправки вновь вернулся в своё подразделение. Дивизию перебросили на 1-й Украинский фронт. До г. Сумы – в эшелонах, далее до Днепра под Киев – пешим ходом.

Днепр. На рассвете 3 ноября 1943 года 4 раза пытались форсировать реку, но, будучи опрокинутыми взрывами вражеских снарядов, возвращались назад. Наконец, удалось перебраться на другой берег. Упорные бои. Пока жив и цел.

6 ноября – штурм города с севера пригорода местечко Светошино. 6-7-8-9 – отдых в Киеве.

- 12 наступление, штурм, взятие г. Житомира. Окружение, выход и отступление. Шоссе Житомир Киев. Бои.
 - 20 ноября неудачное наступление.
- 29 ноября 1943 года. С утра попали под танки немцев. Без своей артиллерийской поддержки и другого огня. Остались живы благодаря загоревшемуся соломенному сараю, в дыму которого отошли назад на другой участок. С обеда наступление в полной форме.

С минбатареи был снят, получил стрелковую роту. Задача: очищать левую сторону домов селения Табарище Житомирской области. Мы с 11-ю человеками оторвались от роты. При перебежке через шоссе автоматной очередью в упор одного убито, двух ранило, в том числе и меня – в голень левой ноги. Двинуться не могу, помогли товарищи.

Санбат. Одна пуля пробила ногу на вылет, две других – сапог и легко поцарапали снаружи.

Госпиталь г. Киев. Эвакуация в теплушках под бомбёжкой в г. Курск. Офицерский госпиталь 3375. Лечение один месяц. Эвакуация в вагоне 1 класса. Киев – Курск – Москва – Вологда – Череповец. Госпиталь 1599. Лечение 4 месяца. Госпитальная жизнь. 2/04-44 г. Комиссия, признан ограниченно годным 2 степени. Еду в округ, в г. Архангельск. Округ отправляет в распоряжение Висимского райвоенкомата на должность военрука школы.

Архангельск – Вологда – Буй – Киров – Молотов – Нижний Тагил – Висим. Прибыл 16 апреля 1944 года.

24 апреля. Большая утрата: умерла мама от двухстороннего удара и воспаления лёгких. 37 лет жизни.

1 мая – работаю военруком начальной школы №2. Август месяц – старший военрук Красноуральской средней школы №8. Преподаватель черчения в 7-10 классах.

31 января 1945 года вновь призвали в ряды Красной Армии. 11 отдельный офицерский полк резерва г. Свердловск.

7 февраля – едем на Запад!

Иван АГУРЕЕВ

Иван Трофимович Агуреев родился в 1921 году в Тюменской области. В 1941 году призван на действительную военную службу. Участвовал в Великой Отечественной войне в составе 409-го стрелкового полка 137-й стрелковой дивизии 20 стрелкового корпуса Западного фронта.

У НАС И МЫСЛИ НЕ БЫЛО СДАВАТЬСЯ

Семья у отца была большая: нас было 5 братьев, правда, не от одной матери. Учился в деревне, закончил 4 класса, в пятый походил немного: нужно было ездить в другое село.

Работали в колхозе, хлеб получали, а денег не видели. Я до сих пор не знаю, на что отец покупал сахар, соль... Самый близкий от нас город Ишим – 120 км, районный центр Абатск – 140 км. Торговать нам было нечем. Знали только работать. Тканое было своё – льняное. Пошёл в армию – не имел никакого костюма. Оделся кое-как. И то приехал в армию, нам сказали: «Раздевайтесь, складывайте: отслужите – обратно в этом поедете». Такой приказ издал нарком Тимошенко.

Семья хоть и большая была, кто-то настучал, что отец нанимал рабочих. Его раскулачили. Сперва приехали – описали всё. Потом разобрались в районе – порядочный мужик нашёлся – обратно всё восстановили. А что там было описывать-то? У меня старшая сестра работала на строительстве в Магнитогорске, прислала мне хлопчатобумажный костюм, так я был первым парнем на деревне. А так всё холщёвое было. Хвалиться нечем.

Один брат, Георгий, погиб в финскую. Война с финнами началась, повестку получил, поехал – там и погиб. Я в это время учился на тракториста в другой деревне. Заехал, попрощался – и больше я его не видел. Пришла похоронка.

С весны до осени я отработал на тракторе, потом меня взяли в армию, мне было 19 лет. Служить попал в Мордовию, в Саранск. Зачислили нас в полковую школу. Часть была пехотная. Проводились

тактические занятия, политинформации всякие читали. Сначала нас одели в бэушное, 6 месяцев прослужили – одели в новое.

Служба была нормальной. Спортзал был, турники, брусья – мы в деревне ничего такого не знали. На физзарядке – вроде и силёнка есть, а мы – как мешки. Кормили нормально. Двойные койки были. Командиры отделений и помкомвзвода с нами жили. Никаких претензий. Понятия не имели, чтобы кто-то кого-то обидел. Большинство – деревенские. Из Перми ребята были – те пограмотнее, физически поразвитее.

Когда началась война, мы были в летних Гроховецких лагерях. Жили в палатках, всё хорошо было сделано: аллеи, цветочки – красиво. Целый месяц были на стрельбище – учили нас на снайперов. Что началась война – мы даже и не знали. Приехал политрук, где-то уже в обед собрал нас. Ещё пошутил: «Ну как? Что во сне видели?» Посмеялись. «Да, – говорит, – товарищи, на нас напал враг. Сильный и коварный. Мы – передовой полк, должны выступить в бой». Мы опешили.

Собрались, идём в лагерь – примерно 6 км. В лагере уже никого. Всё разломано, в ленинской комнате уставы валяются. Нам сказали: «Пишите письма домой: едете на фронт». Написали, отправили. А утром – на поезд и в Саранск. Нам сержантские треугольнички нашили – командирами поставили. Стали формироваться. Люди приходят – их формируют. А все местные, из мордвы, у всех родители. Бегаешь, ищешь их. Дали винтовки, патроны. Поезд подошёл. Выстроили нас. Каждому взводу – вагон. Много шуму от провожающих, люди плакали. Так и уехали. Ну, а у нас-то никого не было. Мне было 8 лет, когда мать умерла – у отца она была вторая.

Привезли в Белоруссию. Под Гомель – везут и везут. По пути – река большая. Сказали: Волга. Остановились, вышли, искупались, помылись. Опять везут. Однажды вышли: было тактическое занятие.

Привезли. День хороший был такой. Станция Зубры. Станции как таковой не было: домик какой-то стоял. Разгрузились. Ушли в сторону – в лес. Там артиллерия было – на лошадях: техники-то не было никакой. Я даже не знал, какая у нас была дивизия. Знаю, что был 409-й полк. Не было никакой информации.

Днём, когда разгружались, пролетела «рама». А ночью полетели самолёты. Как начали нас бомбить! Мы из одного леса – в другой. С неделю так: день лежим, чтобы никто не видел, а ночью бомбили самолёты. Мы, пехота, идём и просматриваем, а вот артиллерия, лошади... я их больше не видел. Куда они ушли, что с ними?

А потом подошли в местечко Ленино. Видно было, как немцы ходят, разъезжают. Мы по горе вправо, а они – слева. Тут и генералы какие-то наши – генерала четыре, помощники их. Вечером мы со взводом своим стоим – никаких распоряжений нет. Подходят ко мне двое: один ведёт коня, а капитан сидит в седле. Подаёт мне удила:

- Садись на коня и поедешь.
- Так у меня отделение, говорю.
- Передай!

Садимся. Я поехал: в деревне рос, на конях работал. Всю ночь проездил, смотрели: куда выходить из окружения. Приехали утром – там уже никого нет: ни взвода, ни генералов. Что нам делать, куда идти? Капитан говорит: «Организуйте мелкие группы и выходите из окружения». Вот мы и пошли – по деревням, по лесам. Так и ходили, считай, всё лето 1941 года. Так дошли до Ельни. Бомбили всё время. Помыться – в речке. Поесть – зайдёшь в деревню, кто что даст. Некоторые дадут – и всё, а некоторые корят: «Надо воевать!»

Сперва нас было много. Потом украинцы пошли по своей стороне, белорусы тут остались. Нас человек семь осталось – из Челябинска, Омска, ещё откуда-то. Одно время выбились из сил. Есть нечего. Машины ходят, что-то возят. Обстреляли машину с продуктами, продуктов набрали – и в лес. А немцы боялись в лес ходить. Прочёсывали, а поодиночке – боялись.

Так и жили. Никто нами не командовал, сами себя спасали. Больше никого не видели, чтобы сопротивление какое-то было. В феврале наших много собралось таких, как мы. Наши передовые, видать, тронули немцев, бои завязались. Зима, морозы. Где-то зайдёшь ночью в глухую деревню – в бане отогреешься.

В феврале я ранение получил в голову осколком, а потом в ногу. Там сарай был – ну и мы, кто раненые, там собрались. В этом сарае были и раненые немцы. И тут немцы давай собирать своих раненых – и мы тут. Нас всех посадили-положили в машину – и в Боровской лагерь, где-то под Смоленском. Мы поняли, что это – плен. У нас и мысли не было сдаваться, одно было стремление: перейти, попасть к своим. А в этом сарае – попались.

В лагере были с февраля по июль. Нашего брата там уже полно было – человек 200-300. Кто мог ходить, гоняли работать на аэродром: осколки собирать, сгребать снег. Жили в бараках. Лагерь был обтянут колючей проволокой, на вышках стояли часовые. Переводчик был не немец, у него резина была: кто задержится – бил

этой резиной. Комендант был. Полицаи были из наших, в основном, украинцы. Наши врачи были там, мне перевязку делали.

Одежда как была своя, так и осталась. Развелось вшей – это ужас! Немцы в конце июня – начале июля привезли жаровню – вшей выжигать. Нас по 10 человек раздевают, одежду всю туда сваливают. А воды нет, чтобы обмыться. Из бараков всех выгнали, всё выбросили в кучу – куча аж шевелилась.

Приходили вечером с работы – ещё давали баланды. Отощали все. Без вшей стало легче. Дали немецкую бэушную одежду. Немцам запрещено было с нами общаться. Но, бывало, охранник курит, отвернётся и бросит папироску недокуренную.

В августе приезжает обер-лейтенант, молодой, в очках. Выстроили нас, 25 человек, посадили в машину и повезли в Смоленск. Там стали делать плиты из песка и цемента. Кормили тем, что оставалось от солдат.

В августе уже, когда хлеба стали убирать, нас опять собрали и отправили в Восточную Пруссию. Там распределили по хозяевам – к бауэру. Кормил бауэр не сказать чтоб хорошо, но терпимо. Какие были отношения? Мы не спорили, а он относился нейтрально. Сами немцы тоже работали. Мы их не понимали, они нас. Где-то на руках, где как, но ладили. Спали в сарае, на полатях.

Когда наши стали наступать, нас согнали под Пилау. Потом пришли наши, стали гнать немцев. Низко летали самолёты. Некоторые немцы уезжали. А мы прятались по лесам. Потом всё утихло. Как-то утром встали – лошади ходят, повозки и машины валяются. Тут уж наши командуют: «Давайте, вот улица, по ней – на Эльбинг». А мы втроём пошли. Зашли в блиндаж, там хлеб, консервы. Мы набрали продуктов, взяли две лошади, запрягли в телегу и поехали, куда нас направили.

Приехали в Эльбинг, а там был загон, огороженный колючей проволокой, видимо, для овец. Туда нас загнали уже наши. Кто с запасом был – тем легче, а кто по-лёгкому – те голодали. Считай, месяц держали, проверяли: как попал в плен?

Уже осенью посадили в вагоны и привезли в Орехово-Зуево, на карболитовый завод. Нас загнали в какую-то комнату: ни лечь, ни сесть. Кто мастеровые – тех выводили. Мы с ребятами решили поднять руку: там всё равно найдут работу.

Потом нас перебросили на торфоразработки в Осанна Дубовое (Шатура). Вот здесь мы хапнули горя. Людей погибло много ни за что, ни про что. Зима, мороз. Выгоняли канавы прокапывать, а нормальной одежды не было, бахилы брезентовые или галоши ли-

тые. Туда уйдут, а обратно тащат одного, двух, трёх. Специальный котлован был для мусора – туда и сваливали замёрзших. Я уцелел чем? Понадобилось 16 трактористов на торфоразработки. Там стали кормить обедом. Здесь мой земляк был – он погиб.

В феврале погрузили в вагон и повезли в Среднюю Азию, в Таджикистан, в Ленинабад. Там были настроены бараки, проволокой огороженные. Вызывают и отсеивают. Вышел полковник: «Вы свободны, товарищи! Можете голосовать – права ваши восстановлены. Можете искать работу». Мы сразу выскочили. Я отправился в тракторный парк, устроился на работу, работал 6 лет. Женился. Но каждый месяц отмечался. Так-то вроде был стахановцем, грамоты имел, благодарности, но – никакого продвижения. Меньше говорить будешь – целее будешь.

В 1972 году приехал в Качканар. У меня брат работал в «Уралспецстрое». Женился второй раз. Работал на Главном карьере слесарем. Но и здесь мне плен припоминали. Как-то на празднике один ветеран на меня: «Ты был в плену!» – и драться полез. Откуда такая ненависть? А с теми, с кем был в заключении – не встречался.

Михаил ТИТОВЕЦ

ПЕСЕННИК ВАСИЛИЯ ЛУЧИНЫ

Думаю, никого не нужно убеждать, что поэтический настрой души – одна из самобытных черт русского народа. Это действительно так. Иначе откуда бы у нас было так много прекрасных поэтов и писателей? И петь наши люди всегда очень любили. Песня для русского человека – универсальная форма, в которой выражалось всё: все виды

деятельности и весь диапазон настроения. Война как вид деятельности не была исключением. Даже наоборот. Она породила огромное количество самых настоящих шедевров поэтического и песенного творчества.

Изданы сборники стихов и песен военных лет, и мы с удовольствием приобретаем их для своей домашней библиотеки. Просто

отлично, что многие современные певцы, в том числе и поп-звёзды, исполняют эти песни.

Но, кроме высоких образцов фронтовой поэтической и песенной лирики, было ещё окопное творчество, был ещё солдатский фольклор. Это тоже очень интересное явление. Образцы этого жанра можно обнаружить в сохранившихся записных книжках, блокнотах, альбомах. Ведь в домагнитофонную эпоху не было других способов сохранить полюбившиеся тексты, кроме как записав их.

Очень хорошо, если такие самописные песенники сохранились. Они – ценный исторический источник, так как несут отпечаток эпохи, в которой были написаны. А ещё это срез внутреннего духовного мира и мировосприятия конкретного человека. А найти песенник военных лет – это вообще большая удача.

По счастливой случайности один такой альбом-песенник попался на глаза. В нем записаны стихи и песни, которые легли на сердце участнику Великой Отечественной войны Василию Николаевичу Лучине. Фамилия в наших краях распространённая, поэтому уточним, что это отец Лучины Валентина Васильевича, который много лет работал в АТЦ, дед Василия Валентиновича. Некоторые качканарцы могут помнить его сестру, Костину Ксению Николаевну. Старушка эта жила в доме №12 восьмого микрорайона и в День Победы, задолго до «Бессмертного полка» ходила на праздничное шествие с портретами трёх своих и Василия братьев, погибших на войне.

Сам В.Н.Лучина родился в семье белорусских переселенцев в 1918 году в посёлке №63. В 1938 году крестьянский паренёк был призван в ряды РККА – на долгие восемь лет. Географию его военной службы можно проследить по этому же песеннику. Фамилии авторов песен для Василия Николаевича не представляли интереса, поэтому он их не записывал, а вот указать место записи считал необходимым.

В песеннике неплохо представлена любовная лирика – как без неё молодому человеку? Но предметом нашего рассмотрения она не является. Почтительно поздороваемся лишь с нестареющей песней «Дружба» («Когда простым и нежным взором...») Это ж сколько любящих сердец согрел этот вечный шлягер за многие десятки лет!

Мы же обратимся к песням, которые вдохновляли, мобилизовали, вели в бой, но ... в силу разных причин оказались подзабытыми.

... Декабрь 1938 года. Белоруссия. Уречье. Красноармеец Лучина записывает себе в блокнот популярнейшую песню тех лет «Если завтра в поход» – символ эпохи, когда сами себя пытались убедить,

какие мы непобедимые. Всем бы хороша песня, если бы не разительный контраст между тем, что в ней заявлялось, и тем, что получили на практике.

Если завтра война, Если завтра в поход, Если тёмная сила нагрянет – Как один человек, Весь советский народ За свободную Родину встанет.

С этим не поспоришь. Так всё и было. Встали – как один. Но вот дальше:

Полетит самолёт, Застрочит пулемёт, Загрохочут могучие танки. И линкоры пойдут, и пехота пойдёт, И помчатся лихие тачанки.

Самолёты не полетят. Даже не взлетят. Более тысячи их будет уничтожено прямо на аэродромах. Пулемёт, может, где и стучал, но вот винтовок не хватало, это факт. Про автомат уж молчим. Могучие танки – это, надо думать, БТ-5 и БТ-7 с бензиновыми двигателями. А вот линкоры пошли. Пошли, потому что нарком ВМФ Н.Г.Кузнецов на свой страх и риск привёл флот в боевую готовность, не дожидаясь директивы. Пехоте не повезло больше всех: такого количества убитыми и пленными в такие короткие сроки наша страна никогда не теряла. А от тачанок, даже если они лихие, мало проку, если на пороге война моторов. Кому бы не ясно? Однако после войны в Испании расформировали танковые корпуса и перестреляли теоретиков и разработчиков новой стратегии. И наконец:

Во всём мире земном Нету силы такой, Чтобы нашу страну сокрушила. С нами Сталин родной, И железной рукой Нас к победе ведёт Ворошилов. Под первыми тремя строчками подписываемся безоговорочно, три последние очень далеки от истины. К победе поведут не эти два банкрота. К трудной победе поведут Жуков, вернувшийся из заключения Рокоссовский, сын священника Василевский и другие.

В военной биографии В.Н.Лучины была советско-финская война. Поэт А.Твардовский охарактеризовал её эпитетом «незнаменитая». Наверное, правильней было назвать эту войну печально знаменитой. Именно она показала слабую подготовку Красной Армии, неготовность её, как и страны, к войне. А как настрадались за 105 дней военных действий наши солдатики, сколько замёрзло их, сколько их сложили головы, штурмуя в лоб линию Маннергейма... У Василия Николаевича имеется на этот счёт кондовая вещица, чистой воды фольклор на мотив «Раскинулось море широко». Дата: 17 февраля 1940 года. Приписка: «Землянка. Жестокие бои Суванте-Ярви». Это когда наши уже кровушкой умылись. Но в песне бравады – через край.

С фронта Финляндии

Раскинулись ели широко, В снегу, как в халате, стоят. Засел на опушке глубоко В земле белофинский отряд. «Не в силах я в ДОТе больше сидеть», -Сказал офицер генералу, -Снаряды советские будут лететь, И быть, безусловно, обвалу». Вот рвутся снаряды И рвётся шрапнель, Советская бьётся пехота. И вот офицер, запахнувши шинель, Ползёт побледневший из ДОТа. Напрасно работает их миномёт, Напрасно бросает он мины: Советское войско идёт и идёт, И в страхе бегут белофинны. Сапёры под снегом поправят шнуры, И там загорелася спичка, И доты, стоявши до этой поры, На воздух взлетают, как птички. Пугает их танков советских разбег, Пугают советские пушки,

И валятся шишками с ёлок на снег Подбитые пулей «кукушки». И сам Маннергейм, Англо-финский подлеи, Два дня уж сидит без обеда. Предчувствует маршал Свой близкий конеи И помощи просит у шведа. Народ обманули, себя подвели, И кончат, как Ридзе и Беки. Сметём белофиннов С народной земли, И след их сотрётся навеки. Товариш, споём эту песню с тобой, Знакомую песню, простую, Споём эту песню и двинемся в бой За Родину нашу святую.

Только руками разведёшь. Вот он, наш российский менталитет: всегда держать хорошую мину при плохой игре. Если кто запамятовал, напомним, что «кукушками» называли финских снайперов; Маннергейм – генерал-лейтенант царской армии, выдающийся государственный деятель Финляндии, в те годы главком её армии. Кто такие Ридзе и Беки – непонятно.

Военная специальность В.Н.Лучины – артиллерист. В его сборнике две песни об этом грозном роде войск. Одна – очень известная, в которой «горит в сердцах у нас любовь к земле родимой». Второй песни, записанной в болотах Финляндии весной 1940 года, не нашлось ни в одном песенном сборнике. Может, потому что она тоже с прихвастом.

По широкой дороге колхозной,
По московским большим площадям
Мы проходим лавиною грозной,
Мы готовы к боям.
Артиллеристы, точный прицел!
Разведчик зорок, наводчик смел!
Врагу мы скажем:
«Нашей Родины не тронь!
А то откроем
Сокрушительный огонь!»

В таком духе шесть куплетов.

Зато как совершенно из другого мира – стихи и песни, записанные в годы Великой Отечественной. Никакой тебе здесь бравады. В чём-то наивные, но зато очень искренние, они берут за душу. Чем? Этой же самой искренностью, простыми чувствами, главнейшие из которых – любовь и ненависть. Любовь к своим родным и близким, ненависть к врагу. И ещё, конечно, надежда. Поэтому комментарии здесь излишни.

Ответ на фронт на песню «Землянка»

А гармонь всё играет печаль
И поёт про улыбку твою,
И до слёз мне обидно и жаль,
Что не слышу я песню твою.
Пой, гармоника, вьюга, уймись!
Я не слышу, как милый поёт,
Заплутавшее счастье, вернись,
Тебя милый с собою зовёт.
Поиграй-ка, гармонь, веселей!
А тоски нам сегодня довольно.
Не печалься в землянке своей,
Мне от этого только лишь больно.

20 мая 1942 г. Р. Свирь под Ленинградом

Дочурка

В блиндаже горит у нас печурка. Я ещё дровишек подложу. Ты прислала мне письмо, дочурка: «Приезжай, я в первый класс хожу». На страницах клетчатой бумаги Милые каракули твои Влили столько силы и отваги, Что не смог я в сердце утаить. Ты, дочурка, вырастешь большая, Всё вокруг познаешь и поймёшь, И, архив отца перебирая, Ты тетрадь походную найдёшь. Как в стихах, восстанут войны, грозы.

Вот отец уходит в дальний путь. Долго ты стояла у вагона, И слезинки падали на грудь. Думаешь, что твой отец не хочет Дочку приголубить, приласкать... Я пришёл бы, но война грохочет. Чтобы жить - должны мы убивать. Может всякое в бою случиться. В эту ночь, когда пурга метёт, В эту ночь, когда так сладко спится, Твой отец от пули упадёт. Но страна родная не допустит, Чтоб сироткой оставалась ты. Битвы отгремят - и над землёю Вырастут чудесные цветы. Маленькая резвая шалунья, Ты сорвёшь их нежно и любя. Вот такую жизнь, моя дочурка, Я и завоюю для тебя.

3 марта 1943 г., р. Онега

Бабуся

- Бабуся, бабуся, зачем тебя ночью В отряд занесло к нам сюда? - Случайно, сыночек, Случайно, родимый. Иду – и не знаю куда. - Бабуся, бабуся, зачем ты, родная, До хаты своей не идёшь? - Дотла догорела деревня родная, И хаты моей не найдёшь. А где же старик твой? Куда он девался? Где дочки твои, где сынки? Над дочкой фашистский солдат надругался, Замучили деток они. - Бабуся, бабуся, скажи, дорогая, Какую ты ищешь судьбу? - Таких молодцов, вот как ты, Всё ищу я, Людей со звездою во лбу.

– Ну ладно, бабуся, иди, обогрейся И сердце своё успокой. И вот тебе слово красноармейца: Недолог фашистский разбой. За зло, причинённое нашей России, За жён, за сестёр, за детей – За всё отомстим, Не щадя своей жизни, Подняв на штыки палачей.

3 августа 1943 г., г. Волхов

Медсестра Анюта

Не забыть мне тот яростный вечер, Не забыть ни за что, никогда. Дул холодный порывистый ветер, И во фляге замёрзла вода. Я был ранен, и капля за каплей Кровь горячая стыла в снегу. Наши близко, но силы иссякли -И не страшен я больше врагу. Мне минуты казались столетьем. Шёл по-прежнему яростный бой. Медсестра, дорогая подруга, Подползла, прошептала: «Живой! Улыбнись, посмотри на Анюту, Докажи, что ты парень-герой. Не сдавайся ты смертушке лютой, Посмеёмся над нею с тобой!» И взвалила на девичьи плечи, И во фляге согрелась вода. Не забыть мне тот радостный вечер, Не забыть ни за что, никогда.

11 сентября 1944 г., Лапландия

Представители старшего поколения, особенно «дети войны», наверняка знают эти тексты, а вот те, что помладше, – вряд ли. А почитать их не лишне, чтобы почувствовать разительный контраст между чистыми и глубокими чувствами в песнях тогда и похотливой пошлостью современных.

Василий Лучина достойно перенёс все тяготы, вернулся домой, обрёл семейное счастье. Его супругой стала Ия Ивановна Шубина, между прочим, дочь героя первой мировой войны, полного георгиевского кавалера И.Г.Шубина. Только вот, увы, судьба отмерила Василию Николаевичу жизни после войны ровно два десятка лет...

Вот, собственно, и всё. Мы вспомнили хорошего человека В.Н.Лучину, а он с помощью своего рукописного песенного сборника помог нам почувствовать, осознать драму войны через проникновенные лирические строки.

Александр УЛЬЯНОВ

Александр Васильевич Ульянов родился в 1923 году в городе Валдай Новгородской области. В 1941 году добровольцем пошёл на фронт. Служил в 3-м гвардейском стрелковом полку, 840-м автомобильном батальоне, 1505-м самоходно-артиллерийском полку. Участвовал в обороне Ленинграда, воевал под Сталинградом, штурмовал Будапешт. Награждён медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

После войны трудился в тресте «Тагилстрой». С 1962 года – в Качканаре, в автобазе №5.

ФРОНТОВАЯ МУЗА

(стихи военных лет)

Суровый, смуглое лицо:
Такой на фото перед вами.
А сам – весёлый, как и был,
Лишь чуть потрёпанный боями.
Был ранен – это ерунда!
Теперь здоров, как все здоровы.
С боями вышел на Дунай,
Смотрел, как мчатся его воды.

Вот Будапешт! Закончен путь! Оттуда еду вновь в Россию, К родным полям, к родной земле, Оставив ланд, оставив фию. О, сколько видел я чудес! Завален дважды был землёю... Но вот, как видите, воскрес! И занимаюсь ерундою... Пройдут года, забудут всё... Альбом же кое-что напомнит: Где был, что видел, пережил, О том, как время проводил, Как пил вино, как одевался, Как с иностранками кутил, Как в час веселья на пирушке В тоске по Родине грустил.

Любитель всяких приключений, В мечтах о прошлом дорогом, Я с ней не расстаюсь ни на минуту, Хотя давно покинул её дом.

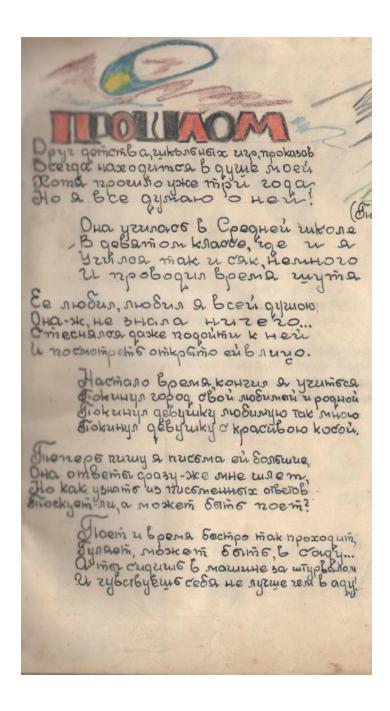
Я знаю, нет её со мною, Но мысли всё наоборот твердят: Смотри, смотри – она выходит Из тех знакомых так тебе ворот.

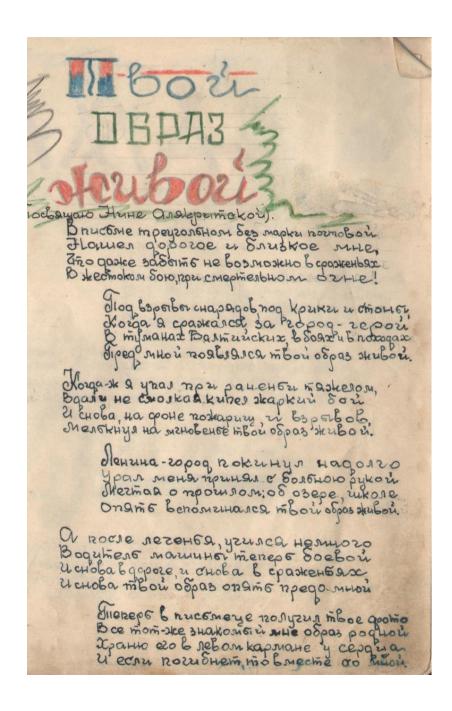
И я, как пуля, посланная точно Рукой умелого стрелка, Несусь, стремлюсь в её объятья, Чтоб снова с нею быть всегда.

И вот я с ней, беру её за ручку, Обнял, хочу поцеловать... Дневальный трогает за ногу: «Подъём уж был, пора вставать!»

И чтоб помедлил бы немного! Хотя бы дал поцеловать! В мечтах о сне, о милом друге Я начинаю новый день встречать.

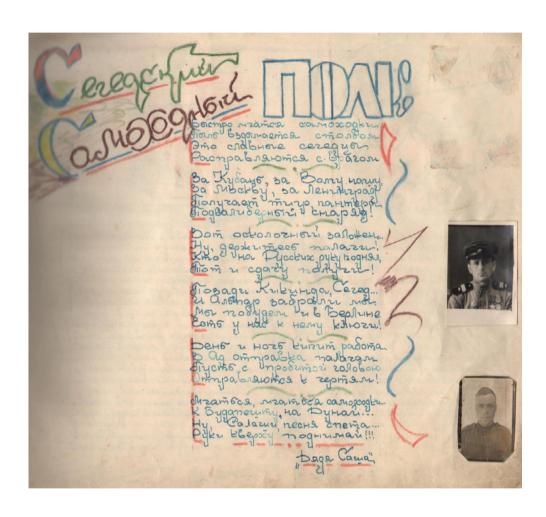

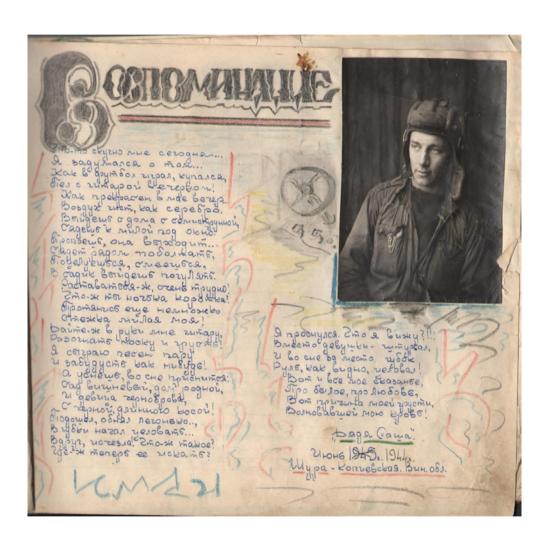

Обзор семейных действий на 7 ноября 1944 г.

Друзья мои, снова я с вами «встречаюсь»! Мысли мои лишь о доме, о вас... Пару минут, прошу, уделите И прочитайте мой скудный рассказ. Письма от вас получаю, но редко, Все они жалоб душевных полны: «Сашка! Чего ты так редко нам пишешь?» «Сашка, а где же стихи-то твои?» «Сашка, тебя не зовут ли папашей?» «Сашка, Козловского адрес пришлёшь?» «Сашка, а будет ли встреча в Валдае?» «Сашка, пиши: как воюешь, живёшь?» «Сашка! Мне Нина Хоменко не пишет...» «Сашка, спасибо - стишок твой хорош!» «Сашка, я много набрала малины, Жалко, что ты её есть не придёшь». «Сашка, Карнович погиб? Нет, нет, жив он! Я получила письмо от него!» «Саня, Марина Прокофьева замужем -Скоро у ней, видно, будет дитё!» «Саша, учусь я теперь в институте, Канал Грибоедова, тридцать, - мой дом!» «Ой! Прилежаева тоже ведь замужем, Ходит с сынишкой по улице днём. Боже, замужних-то сколько собралось: Валя Титова, Маринка Гирдвой, И Прилежаева, и Иванова... Пожалуй, не меньше, а больше, чем нойн». Вопросы, ответы и предложенья, Советы и прочее в письмах мне шлют, Пишут девчата о том, как гуляют, Ребята - как водочку горькую пьют... Сашка, не Сашка, бюро ли для справок, Это чудесно, спасибо, друзья! Очень я рад, что меня не забыли! Ну, до свиданья, кончать уж пора!

Wilsom Decan meanisch marken Zoe descripamente mogen begym, Deglo negapon o chababisc mantenemax Muoro necen hapoger nowm!! Moebbie marmitte, leale Braph, Inosbie marmitte, leale Braph, Inosbie marmitte. 21 kino oynasi zaopamb Harry selilio Desbostpamuo" ee nostyrastilli The emparation man: un numbe nolle, Hu mocmops, decruchembisc pet, Oromony, zind enallbusie manunti. C'ollection emalle a ponon opyour Maluet mauler na Banao! Brieg! a menepo.: 200345in Ballon ruoryzum disoneeymber our na Boemole!!! 0461, sacriabus sadbirib carypact Zge haseogumes Preckun Ypau! Organo na kapme ero numb sabigs Pylen kbepsey d'opodea moguname. dio nolla, u llecan rearibes marky Voc decenpanuble Mogu begyn! Beot Hegapon o chabitoise maniferenase Shuoro necen napogbe novom! 1.9.19452. 2. Zkallob Zmy.

Ада КОКШАРОВА

Я ПОМНЮ, Я ГОРЖУСЬ

Явместе с родителями жила в Ленинграде. Папа, Иванов Степан Алексеевич, был военным офицером. В 1939 году его призвали на финскую войну, которая была непродолжительной, и папа вернулся здоровым и невредимым.

До 1941 года наша семья жила, не зная горя. Но Германия напала на нашу Родину. 8 сентября 1941 года упала первая бомба на город Ленинград. Моя мама и брат вместе с жильцами дома, где мы жили, на крышах гасили фугаски, которые сбрасывали фашисты с самолё-

тов. До сих пор я иногда слышу в своей памяти вой сирены, пролетавших самолётов. Мы с бабушкой убегали в подвал и ждали, когда закончится бомбёжка. Папа, со слов мамы, уходил в военкомат, а придя со службы, настаивал на том, чтобы мама с нами уезжала из Ленинграда.

Город готовился к страшной войне. Все железные дороги взрывались. Доступа в город по суше не было, только Ладожское озеро было дорогой, связывающей с материком. Блокада. Город Ленинград в кольце.

20 августа нас эвакуировали. Ехали мы в товарных вагонах. День и ночь топили печки-буржуйки, чтобы мы, дети, не замёрзли. На остановках мамы выходили из вагонов и меняли вещи на хлеб, воду, картошку, чтобы накормить детей и стариков.

Через трое суток мы прибыли ночью в город Нижний Тагил. Нас погрузили в бортовые машины и повезли на место проживания. Поселили в барак, где было около 30 квартир, наш барак был №15. Рано утром мы бегали к магазину, занимали очередь и ждали, когда крикнут: «Барак №15!» Это значит, что нам будут давать хлеб: 400 граммов взрослым и по 250 – детям.

Поддержкой для нас был и брат Саша, который учился в ремесленном училище. Я маленькой девочкой бегала к братику в училище, ждала, когда закончится ужин. После ужина собирала со столов объедки хлеба и приносила домой. Мама сушила сухари – и это нам была поддержка. Весной мы варили суп с крапивой, из гнилого картофеля мама стряпала лепёшки. Ели конский щавель, сосновые шишечки и всё, что можно было есть.

Но дети, мы были рады всему. В праздники также наряжали ёлку, пели песни, катались на санках, вместо лыж были дощечки.

В 5 классе меня приняли в пионеры: повязали красный галстук и вручили подарки. Если бы вы знали, какой это был праздник! В 15 лет меня принимали в ряды комсомола. Я училась уже в 8 классе. Как мы гордились, когда значок ВЛКСМ и комсомольский билет были мне вручены секретарём горкома комсомола. Звание комсомолки я оправдывала хорошей учёбой и активной школьной деятельностью. Помогала в колхозах с ребятами убирать картошку, капусту, морковь и т.д.

Город Ленинград находился в блокадном кольце. До Урала письма доходили от папы очень редко. В своих письмах папа писал о том, как вместе со своими солдатами бьёт фашистов. В моём архиве сохранилось 5 писем от папы за 1943-1944 годы. В них он сообщал, что всё время находится на передовой. Он был командиром стрелкового батальона. В письмах папа писал, как они бьют врага, и всегда хотел увидеть нас. В боях за Ленинград папа был награждён медалью «За оборону Ленинграда», орденами Отечественной войны I и II степени, Александра Невского.

Раны, полученные папой во время боёв, говорят о его геройстве, умении вести за собой солдат и побеждать врага. Документы, которые предоставили мне поисковые отряды ассоциации «Возвращение» из города Екатеринбурга, говорят о мужестве моего отца и его боевых друзей. Но враг не сдавался, зверел. И вот шальная пуля отняла жизнь у моего папы. Мама получила извещение, понародному «похоронку», в которой сообщалось, что Иванов Степан Алексеевич 1 августа 1944 года геройски погиб, защищая Родину. «В успешных наступательных боях полка по очищению латвийской земли от немецких захватчиков рядовые, сержанты и офицеры батальона тов. Иванова С.А. не раз отличались своим высоким наступательным порывом, хорошей натренированностью, умелым и чётким взаимодействием со средствами усиления.

Особенно отличился батальон т. Иванова в наступательном бою, где противник заранее построил мощную оборону в районе

станции Анна. Прижимаясь к разрывам своих снарядов, бойцы под сильным огнём противника успешно преодолели густую сеть проволочных заграждений и ворвались в траншеи противника, в рукопашной схватке уничтожили отчаянно сопротивлявшихся фашистов.

Пять раз фашисты при поддержке сильного артиллерийскоминомётного огня и танков бросались в контратаки, но бойцы и командиры Иванова С.А. под лозунгом «Умрём, но не отступим!» прочно удерживали завоёванный рубеж».

Храбро бился папа и погиб в бою, Честно защищая Родину свою. Далеко могила на чужой земле. Как туда добраться, подскажите мне, Как мне поклониться холмику тому. Но буду я отцом гордиться, пока на свете я живу.

Все 900 дней, до снятия блокады папа бил врага, чтобы дети войны жили в достатке. Надо радоваться, что на столе есть хлеб, которого нам так не хватало. Мы призываем помнить, что самое дорогое на Земле – это жизнь. Призываем молодое поколение помнить, какой ценой завоёвано счастье – жить на Земле.

Да, мы – дети войны. Но я горжусь, что мы выжили, выстояли в голоде и холоде, мы выучились, работали, строили наш город и сейчас в нём живём. Мы уже старички, умудрённые жизнью. Но мы не сдаёмся. Мы живём, мы пишем стихи, мы поём, мы вырастили детей. Мы любим свой город и этого же желаем вам.

Хочу закончить стихотворением Роберта Рождественского, посвященного детям войны.

Детям войны

А мы не станем памяти перечить, А вспомним дни далёкие, когда Упала нам на слабенькие плечи Огромная недетская беда.

Была земля и жёсткой, и метельной, Была судьба у всех людей одна. У нас и детства не было отдельно, А были вместе – детство и война.

И нас большая Родина хранила, И нам Отчизна матерью была. Она детей от смерти заслонила, Своих детей для жизни сберегла.

Года пройдут, но эти дни и ночи Придут во сне не раз тебе и мне. И пусть мы были маленькие очень, Мы тоже победили в той войне.

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

член Союза журналистов России, почетный гражданин Качканара

ПРИГЛАШАЮ В СТРАНУ МОЕГО ДЕТСТВА

«Дайте мне в детство обратный билет». Так, кажется, поется в одной забытой мною песне. Но я сейчас не о песне, а об этом билете. Его дал мне Михаил Титовец – неутомимый краевед, патриот и большой мой творческий друг. И я собираюсь в дорогу. И вас, друзья-читатели, зову с собой. И совсем неважно, в каком вагоне мы поедем: ведь мы отправляемся в Детство.

Моё село

Мое детство прошло в селе Романово. Оно расположено в 60 верстах от Верхотурья, в одном из красивых мест Серовского района Свердловской области – там, где река Ляля впадает в Сосьву. Начинается село на крутом берегу Сосьвы, потом поворачивает к озеру Гаревому и тянется стройными шеренгами длиной в два километра. Дома деревянные, добротные; почти перед каждым па-

Прасковья Васильевна Романова с детьми: Таисьей, Ванюшкой, Евгенией. 1928 год

Вот такая «Япошка»

лисадник с цветами, кустами, деревьями – такая длинная зеленая аллея.

В одном из домов жила наша семья. Папа, Черкашин Петр Матвеевич, работал землеустроителем. У него, единственного в селе, был велосипед, на котором папка колесил по всем колхозам. А колхозов в Романовском сельском Совете было много: и за рекой Лялей, и на берегу Монастырки, которая тоже впадает в Сосьву, и на Двадцать шестом (в 26 километрах от Романово). Самым крупным был наш колхоз «Ленинский завет». Моя мама, Черкашина Евгения Николаевна, работала секретарем Романовского сельского Совета.

Семья у нас была большая: я, самая старшая из детей, потом Вовка и Аля, а в декабре 1940-го родилась Лера. Да еще Феша, папина сестра-малолетка, которую он незадолго до войны привез из Сибири, из родного Ялуторовска.

В соседнем доме жили мамины родители Романовы: Николай Андреевич – непьющий, некурящий, немногословный и мудрый дед; Прасковья Васильевна – веселая, остроумная и добрейшая бабка; с двумя сынишками их дочь Таисья, потерявшая мужа на финской войне; а также их младший сын Ванюшка – отличник учебы и гармонист.

Я очень любила Ванюшку, моего дядю, который был старше меня всего-то на восемь лет. И были мы с ним большие друзья. Заботливый, добрый, веселый, он гулял со мною, играл, зимой катал на санках. И часто «шутя-любя» называл меня Япошкой: наверно, за узкие глаза на моем круглом лице. Ванюшка рано научил меня читать, писать и считать. Я любила сидеть рядом, когда он делал уроки, и тоже мечтала пойти в школу. Мы вместе считали годы, и я с нетерпением ждала, когда мне исполнится семь лет.

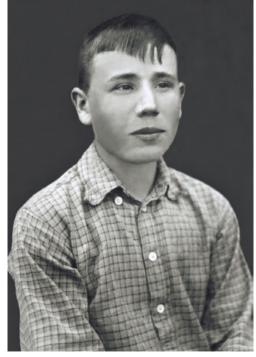
Короткое слово «надо!»

И вот он пришел, долгожданный 1941 год. Была зима, с горками и санками. Была весна и мой именинный март. И был летний месяц июнь, который принес короткое слово «война». Я понимала, что случилось что-то страшное; я чувствовала тревогу и смятение взрослых, видела женские слезы.

Но вскоре эти чувства померкли перед другим коротким словом: «надо!» Мне суждено было увидеть, как это слово способно выпрямить людей, сделать их сильными. А как иначе-то? Коли

фашисты пришли на нашу советскую землю – значит, надо их прогнать и уничтожить!.. И ушли на фронт все романовские мужики, ушел и наш папка. В селе остались женщины, старики и дети. Да еще старые лошади и жеребята, а крепких и сильных коней тоже призвали в армию. Так было надо. А селу надо было жить. Жить и работать. Для фронта, для Победы.

Наш Ванюшка ушел из девятого класса Сосьвинской средней школы и сел на трактор. Многие мальчишки, проучившись в Романовской семилетке четыре года (тогда ведь всеобщим обязательным было начальное образование),

Мой Ванюшка – Иван Николаевич Романов

Моя школа

уходили в колхоз. Так было надо, так требовали обстоятельства, в которые людей поставила война.

А вот и мой сентябрь, мой первый класс. В школе нам говорили: надо учиться хорошо и отлично. Кстати, тогда не было молчаливых отметок: 5, 4, 3, 2, 1. Были другие: «отлично», «хорошо», «посредственно», «плохо» и «очень плохо» – говорящие, неравнодушные оценки, которые заставляли радоваться или огорчаться вместе с учителем. Нам объясняли, что каждая плохая отметка – это помощь фашистам, а отличные отметки и хорошие дела – это наш удар по врагу. Мы очень серьезно воспринимали эти слова, потому что слушали их сердцем: ведь война коснулась каждого из нас.

И мы старались. Помню, как на уроках чистописания учились писать красиво. Были прописи – специальные, разлинованные тетради с горизонтальными и наклонными линиями. Были чернильницы-непроливашки. И были ручки с пером №86. Красивое, с бронзовым отливом перо. Обмакнешь его в чернила – и старательно по наклонной линии выводишь букву: вниз идет нажим, вверх – волосяная линия. Красивые получались буквы!.. Красивый вырабатывался почерк. Я бы поставила памятник перу №86!

На других уроках писали без прописей и даже не в тетрадях, а на газетах или каких-нибудь старых книгах. Помню, однажды с Гутей

(Августой) Романовой на чердаке дома мы нашли целую библиотеку её покойного деда, в прошлом образованного и богатого человека. Бумага в книгах гладкая, лощеная; писать на них – одно удовольствие! Ведешь свою строку в пробелах между напечатанными строчками – всё видно, всё понятно.

Правда, была у меня и заветная тетрадь, которую мне сделал Ванюшка. Из своих старых тетрадей он вырвал чистые, недописанные листы, сложил их аккуратно, согнул пополам, сшил – и вот тебе, Япошка, чистая тетрадка, правда, больше похожая на блокнот. Я была очень рада! Конечно, всем нам хотелось писать в настоящих тетрадях. Но что поделаешь? Война...

Войну показал экран

О войне говорил репродуктор – большая черная тарелка на стене. О войне сообщал небольшой газетный листок «От Советского Информбюро». О войне мы узнавали из редких и скупых солдатских писем.

А однажды Ванюшка предложил:

- Пойдем, мама, в кино... Про войну.
- Про войну?.. Да это, поди, шибко страшно? ответила моя бабушка вопросом, но согласилась, втайне надеясь: Может, Шурку увижу...

Ее старший сын Александр, чья семья жила в поселке Сосьва, начал службу в армии задолго войны, и от него давно не было никакой весточки.

И мы пошли в клуб. Кино было немое. Изредка на экране появлялись слова, их для всего зала читала молоденькая учительница. Бабушка смотрела внимательно, и каждый боец казался ей сыном: вон тот, широкоплечий, – совсем как Александр, и так же хмурит брови; а этот улыбается с экрана прямо в зал, и глаза совсем как у Шурки...

Идет бой, падают люди – бабушка прижимает меня к себе: ей и мне страшно... Вот большое ромашковое поле и девочка со светлыми косичками. И ползет по полю танк с черным крестом на боку, движется на девочку и прямо на зрителя, закрывая собою весь экран. И вот уже на земле след гусениц да детская рука с белыми ромашками... По залу проносится дружный стон, а бабушка тянет меня и Ванюшку к выходу...

Ах, если бы вот так: вышли из зала – и закончилась война! Если бы так: взяла сына за руку – и спасла от этого ужаса... Но, едва Ванюшке исполнилось семнадцать лет – он вместе с очередными романовскими призывниками отправился в это пекло.

Была зима 1943 года. Хорошо помню тот холодный, пасмурный день. Люди собрались у сельского Совета, чтобы проводить наших солдат. Объятия, слезы, добрые слова. Ванюшка взял меня на руки, крепко обнял: «Ну, прощай, Япошка! Надо идти». Попрощался со всеми – и пошел. Семнадцатилетний доброволец Иван Романов уходил на войну. Уходил в бессмертие.

«Папа, бей фашистов!»

Помню, как мы, сельская ребятня, ждали писем с фронта, ждали с тревогой и надеждой, как и взрослые. А свои письма на фронт заканчивали так: «Папа, бей фашистов!» Так написала я и на обратной стороне фотокарточки. Мы с мамой сфотографировались в 1942 году и положили в письмо. И эта карточка прошла всю войну, до самой Победы, и вернулась домой вместе с папкой в 1946 году.

«Папа, бей фашистов!» Помню плакат с такими же словами. На плакате были нарисованы малыш и советский боец, который ко-

лет штыком фашистского зверя. В ту пору плакаты, газеты и журналы часто изображали фашистов в виде зверей.

Однажды мы с ребятами рассматривали журнал «Крокодил», на последней обложке которого был страшный, клыкастый волк в немецкой фуражке – и стояла подпись: «Гит-

лер». Мы выворачивали наизнанку тулуп и играли «в гитлера», искренне веря, что гитлер – это зверь, которого надо «убить в его собственном логове», самый натуральный зверь. И не сразу я поняла, почему Гитлера надо писать с большой буквы, если волк пишется с маленькой.

Ежедневно, сидя или стоя перед черной тарелкой репродуктора, мы слушали передачи «От Советского Информбюро», а в школе

на географической карте отмечали путь Красной Армии. Вот она, наша большая Родина, наш Советский Союз. Вот гитлеровские войска заняли и разрушили один наш город, второй, третий и двигаются на восток, на восток. А у нас – черные отметины на карте и в душе. Зато как радостно было ставить красные флажки, отмечая наступление Красной Армии! Мы огорчались и радовались вместе со своей страной.

Звакуированные

Еще один, печальный лик войны открылся для нас, когда мы узнали новое слово: «эвакуированные». В наше село прибыли эвакуированные с Украины, из Белоруссии, но больше всего – из Ленинграда и Ленинградской области. Это были обездоленные, истощенные люди, которых война заставила покинуть родные места и уехать в глубокий тыл.

Село приняло их, как родных. Тогда ведь не было пресловутой формулы «Это – ваши проблемы». Проблемы, и беды, и радости были общие. Почти в каждом доме поселились эвакуированные. У моих дедушки и бабушки жила многодетная семья Пашковых из Лодейного Поля Ленинградской области, а у нас – ленинградские мальчишки Юрка и Валька Касаткины со своей мамой. Жили мы как одна семья, питались из одного котла.

Было очень жаль Генку Пашкова. Этому мальчишке шел уже пятый год, а он всё еще сосал материнскую грудь. А что там сосать? Оба с матерью слабые, истощенные. И откуда возьмется молоко в груди, которая почти присохла к ребрам? Но так они обманывали голод, и даже теперь, когда было коровье молоко, Генка не мог расстаться с этой привычкой. К молоку его приучали постепенно, давали помаленьку, как и другую пищу. Да и все Пашковы ели понемногу, боясь надсадить изголодавшиеся желудки.

Старшей была дочь Людмила. Она недолго прожила в Романово. Когда Людмиле исполнилось двадцать лет, ее призвали в армию. Забегая вперед, скажу, что на дорогах войны Людмила встретила свою судьбу. С этим человеком, карелом по национальности, они после войны жили в Эстонии. И через многие, многие годы, где-то в конце 80-х, в дедушкин дом пришло письмо на имя Романовой Таисьи Николаевны, моей тети Таси. Людмила писала, что она с благодарностью вспоминает наше село и часто рассказывает своим детям о великодушных уральских людях. Людмила настойчиво

приглашала приехать к ним в гости. Тети Таси давно уже не было в живых, но мы решили съездить. Сын тети Таси (мой двоюродный брат) Анатолий с женой Ниной и я с мужем Виктором побывали тогда в Таллине, познакомились с большой и дружной семьей, в которой было шестеро детей: пять дочек и один сыночек. Познакомились с городом и через четыре дня поехали обратно. Возвращались в хорошем настроении, обогащенные новыми, доселе незнакомыми чувствами. Хорошее было время, когда эстонцы, карелы и русские – все были братья. Ну, а теперь мне пора возвращаться в мое военное детство.

Возвращает туда и фотография 1944 года; на снимке – я, моя сестренка Аля и эвакуированная девочка Роза Курникова.

Эвакуированные женщины работали вместе с колхозницами, а дети стали нашими друзьями. Из их рассказов было ясно, что фашисты – дей-

ствительно звери, хотя и в человеческом обличии. Никогда не забуду девочку Софу, которая почти всегда молчала, не хотела с нами играть и совсем не улыбалась. Мы всячески старались ее развеселить: дурачились, кривлялись, строили рожи, рассказывали чтонибудь смешное, по команде «Замри!» застывали в смешных позах... Софа молчала, в ее отсутствующем взгляде застыла печаль, совсем не детская печаль, будто Софа смотрела не на нас, а куда-то внутрь себя и видела совсем другое, чего не в силах забыть. Нам, жившим в тылу, невозможно было даже представить: чего же надо было пережить этой хрупкой черноволосой девочке, чтобы забыть про улыбку!

С эвакуированными детьми мы вместе играли, учились в школе, летом работали в поле и на колхозной ферме: мальчики ухаживали за жеребятами, девочки – за телятами. А во время жатвы собирали колоски. Мы знали, что такое хлебные карточки, а потому старались, чтобы ни одно зернышко не осталось на земле, и собранные колоски, как великую ценность, сдавали в колхоз. А еще мы собирали для аптеки сосновые почки, ромашку и другие лекарствен-

ные растения. Помогали взрослым собирать посылки на фронт – любому из бойцов, кому достанется: ведь все они – наши. Вместе с вязаными из овечьей шерсти носками, варежками и другими теплыми вещами в посылках были наши теплые детские письма. Мы рассказывали, как живем, как по-тимуровски помогаем старикам: убираем в доме и во дворе, ухаживаем за скотиной, пилим и колем дрова, носим воду из колодца.

А вдохновителем была наша пионервожатая Глафира Шумайлова – простая, скромная и очень энергичная девушка. Интересно проходили пионерские сборы, на которых обычно присутствовали все школьники – от первого до седьмого класса. Помню, как Фира рассказывала нам о летчике Николае Гастелло, который геройски погиб в самые первые дни войны. Помню, как она читала газету с заметкой о Тане, партизанке Зое Космодемьянской. Мы молчали, всхлипывали, замирали от ужаса: как могла вынести страшные пытки простая московская школьница!

Живые герои

А вскоре мы увидели и живых героев – с передовой, из госпиталей, с оккупированных фашистами территорий.

Вот Андрей Архипович Стецюк. Молодой, стройный, красивый. Да, красивый, хотя всё его обожженное лицо было в черно-коричневых шрамах. На войне он горел в танке – и вот оказался в глубоком тылу. Андрей Архипович вел у нас уроки физкультуры, а его рассказы показали нам еще одну, героическую грань войны. Мы очень огорчились, когда узнали, что любимого учителя перевели в Сосьвинскукю среднюю школу. Потом нашим физкультурником стал Петр Гаврилович Кулешов – тоже фронтовик, тоже с наградами, но очень строгий.

А вот Наташа-маленькая. На лице этой женщины уже проступали морщинки, а ростом она была не выше второклассницы. «Наверно, лилипутка», – рассуждали мы между собой. Откуда в наше село занесли ее ветры войны, мы не знали, как не знали ее фамилии и отчества – называли просто Наташей и очень любили. Она была акробаткой, умела петь и танцевать, и даже показывать фокусы. Наташа-маленькая готовила с нами различные номера художественной самодеятельности, мы выступали с концертами в клубе, а летом еще и на колхозных полях.

Часто аккомпанировала на баяне Маша Голодок. Невысокая, коренастая, белокурая девушка с мужской стрижкой, в гимнастерке с ремнем, в военных брюках и сапогах, она казалась неунывающей, боевой и умела поднять всем настроение, хотя, как говорили взрослые, война отняла у нее всех родных.

Готовить концерты помогали учителя, и по праздникам мы выступали на клубной сцене. Зрительный зал всегда был полон.

– Ой, туманы мои, растуманы, Ой, родные поля и луга... Уходили в поход партизаны, Уходили в поход на врага...

Звучали детские голоса, и на глазах зрителей выступали слезы. Нас любили слушать не потому, что мы уж так хорошо пели, а потому, что песни рассказывали о войне, о большом горе и великом подвиге советского народа. И было много песен о Сталине: ведь

Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полёт. С песнями, борясь и побеждая, Наш народ за Сталиным идёт.

Наш клуб

Вспоминаю сельский клуб моего детства. Очаг культуры. Это был действительно очаг, очень теплый очаг, где согревались сердца, просветлялись души. Помню, какую магическую силу имело короткое слово «кино». В кино люди шли, как на праздник. В клуб в тот вечер приходили пораньше, чтобы пообщаться. Говорили о работе в колхозе, домашних делах, о весточках с фронта, делились радостью и горем.

Вот уж заняли все скамейки. Сидят, беседуют. Мне нравилось слушать этот спокойный гул. И вдруг кто-нибудь запевал, его подхватывал другой, третий – и вот уже поет весь зал. Поют так красиво, так слаженно, словно хор после многих репетиций. Да и зачем репетиции, если люди поют сердцем, выливая в песню свою усталость и терпение, общее горе и общую надежду. Моя душа замирает. Порою хочется плакать. Но я сдерживаюсь. Мне хорошо оттого, что рядом со мной эти сильные люди, которые всё преодолеют и

всегда меня защитят: ведь мы – одна семья. И вместе с другими ребятишками я начинаю подпевать взрослым...

Киномеханик, готовый начать сеанс, видимо, тоже во власти песни. Вот она закончилась – засветился экран. И наши зрители забыли о себе и своих проблемах. Они были там, рядом с героями. Вместе с ними страдали и радовались. И очень искренне, с какойто детской непосредственностью выражали свои эмоции.

Но вот промелькнули последние кадры, титры сказали: «Конец фильма». А зрители не спешат подниматься: они еще в той жизни, которую отделил от них экран, снова немой и белый. Потом, словно единым вздохом, поднялись и направились к выходу из клуба. Этот очаг опять согрел их, заставил уверенней биться сердца, чтобы быть сильнее в жизни, в которую вновь ступили люди прямо с порога клуба.

Рыжая шубка

Вот еще одна грань моего военного детства.

Однажды зимой в наш дом зашли две женщины. Поздоровались, познакомились с мамой, присели скромно у порога, разговорились. Доверительно, словно лучшей подруге, рассказали, как живет и работает город Серов; как металлурги, недосыпая и недоедая, трудятся для фронта. Потом женщины стали доставать из мешков разные вещи.

– Вот смотри, какая шубка, – сказала мне тетя Нина. – Как раз на тебя. Давай примерим... Нравится?

Мне, конечно же, понравилась эта желто-рыжая шубка, каких я не видывала. У меня была сшитая мамой аккуратная фуфайка-телогрейка.

- Hравится? спросила и мама. Возьмем?
- Я молчала. «Еще вчера городская девочка носила эту шубку, а сегодня отдают ее мне за два или три ведра картошки», думала я, и мне было очень жаль незнакомую ровесницу.
- Возьми, Галя, и носи на здоровье, убеждала тетя Нина, и по ее глазам я поняла, что для нее и ее дочки сейчас дороже и нужней картошка, чем эта шуба. Я представила голодную девочку и согласилась.

Это называлось «менять». Городские жители ехали в деревни, чтобы обменять вещи на продукты питания. У другой серовской женщины мама выменяла ажурную, вязаную крючком скатерть. Нам, конечно, эта прелесть была ни к чему. Но как не поддержать

уставших женщин, которые ехали сто километров на паровозе, потом со станции Новая Заря шли двенадцать километров пешком – неужели напрасно?

Мама покормила их, чем могла, и стали прощаться.

– Будете в Серове – обязательно заходите, – сказала тетя Нина.

Не принесла мне радости рыжая шубка, ничего не принесла, кроме угрызений совести. Я все время думала о том, что незнакомая девочка любила свою шубку, но рассталась с нею, потому что хотела есть. Мне было очень стыдно! Я стала угрюмой, плохо спала и часто плакала. Никогда еще не было такого груза на моей душе.

- Мама, давай увезем шубу обратно! Я все равно не буду ее носить!
- Хорошо, хорошо. Успокойся, Галенька! Вот поеду в командировку и увезу.

И действительно, когда по делам сельского Совета мама поехала в Серов, то взяла с собой шубку. А еще и меня, потому что я слёзно просила. И девочке Римме мы вернули шубку как подарок. Римма смущалась, но было видно, что она рада. А больше всех радовалась я.

Надо сказать, что потом еще долгие годы, когда я училась в Серовском педучилище, мы общались с этой семьей.

Ах, картошка – объеденье!

Мне трудно сравнивать, кому в войну было легче: городу или селу? Наверно, все-таки нам. Ведь у нас были свои огороды, почти все держали коров. Правда, молока нам доставалось мало, потому что были большие налоги: на молоко, на масло, даже на овечью шерсть. Но не помню, чтобы люди роптали: ведь надо кормить тот же Серов, который плавил сталь для Победы.

У нас есть овощи, есть лебеда и крапива и даже гнилая картошка, о которой девочка Римма понятия не имела. А мы, сельская ребятня, каждую весну, лишь только сойдет снег, отправлялись на колхозное картофельное поле. Полуголодные, полубосые, ходили, словно грачи на пашне, по холодной, едва оттаявшей земле в поисках гнилой картошки.

Перезимовавший клубень – это сморщенная, грязная оболочка, под которой тоже грязь да воздух, а внутри маленький, твердый крахмальный комочек – главная ценность. С полными посудинами этой ценности возвращались мы домой. Ох, сколько же нужно принести колодезной воды, чтобы не один раз перемыть эти гнилушки и добраться, наконец, до белой серединки! Зато какими вкусны-

ми казались «лепёшки из гнилой картошки»! А если еще натереть на тёрке несколько целых картофелин да добавить к этой белой крахмальной ценности, то лепёшки – просто объеденье! Такие запросто и хлеб заменят.

Хлебные карточки

Хлеба, конечно, не хватало. Его продавали по карточкам. Карточки были такие. Небольшой прямоугольный листочек, расчерченный (по количеству дней в месяце) на клеточки-квадратики. На каждой клеточке написана одна из букв: Р, С, И, Д – рабочий, служащий, иждивенец, детская карточка. Карточки ежемесячно получала каждая семья, в зависимости от её состава.

И вот иду я в магазин, выстаиваю очередь; продавец Анастасия Варламовна Кузнецова вырезает из каждой карточки по квадратику с соответствующей буквой, потом взвешивает хлеб. И раз семья у нас большая, то получается почти целая буханка. Хлеб был ржаной, часто с отрубями, с какими-то колючками, иногда желтый, кукурузный. Но все равно это хлеб – несешь его домой и нюхаешь, а иногда не удержишься и откусишь уголок. Откусить – это не беда, хотя и стыдно. Но лишь бы карточки не потерять.

Анастасия Варламовна тоже берегла каждый вырезанный квадратик. В конце месяца у неё начиналась кропотливая работа, к которой она часто привлекала свою дочь Риту, а та иногда привлекала меня. И вот сидим мы с подружкой за большим домашним столом, сортируем квадратики и ровными горизонтальными рядами приклеиваем их клейстером на большие листы: детские – к детским, рабочие – к рабочим и так далее. Для чего? «Для отчета», – говорит Анастасия Варламовна.

Когда в 1947 году отменили карточную систему, я не могла представить: как это жить без карточек?

– Мама! Значит, приду я в магазин – и мне продадут столько хлеба, сколько я попрошу? Это правда? Так и будет теперь? – допытывалась я, сомневаясь и радуясь.

Хлебные карточки поступали в сельский Совет, и мама, Черкашина Евгения Николаевна, как секретарь сельсовета, выдавала их всем. К ней шли односельчане и жители окрестных деревень. Шли не только за карточками, без которых не мыслилась жизнь. Люди несли Евгении Николаевне свои тревоги и сомнения, свою боль и радость. И получали совет и поддержку – и добрым словом, и кон-

кретным делом. Нашу маму, спокойную, тактичную и отзывчивую женщину, все глубоко уважали и искренне любили.

Однажды мы с мамой на озере полоскали белье: я – которое полегче, мама – крупные вещи. Вдруг она в отчаянии, почти с плачем закричала:

– Галя, Галенька, погляди: я ведь их выстирала!.. Карточки, все карточки...

Мама была готова прыгнуть с плота и ловить их. А что там ловить – мокрые клочки, бумажные обрывки. Они всплыли, когда мама стала полоскать свой темно-синий суконный рабочий сарафан с глубокими карманами.

И как я могла забыть? Как я забыла? – продолжала горевать мама.

Накануне она выдавала всем хлебные карточки, а свои положили в карман – на всю семью, на весь месяц. И теперь винила себя и не могла сдержать слез. Я успокаивала, как могла, и моим главным аргументом была картошка.

Вокруг «буржуйки»

Картошка – это наш деликатес. Вспоминаю печку-буржуйку, на которой мы пекли картофельные пластики. На кухне была русская печь, а буржуйка-времянка стояла в комнате.

– Генка, пойдем пластики есть! Хватит титьку сосать! – звали ребята младшего Пашкова и приводили в наш дом. А там уж ребятня всего околотка. Мы топили эту почти сказочную печку, резали тонкими пластиками вымытые клубни, посыпали солью, поджаривали с двух сторон – и ели прямо с кожурой. Очень вкусно! И первые пластики – конечно, эвакуированным мальчикам и девочкам.

Мы сидели на полу вокруг буржуйки, говорили о войне и мире, иногда рассказывали сказки, а чаще – готовились к новому концерту, репетировали.

Дело в том, что эта большая, с лавкой от стены до стены, комната на первом этаже (дом был двухэтажный) нередко превращалась в маленький клуб. В назначенный час приходили зрители: детишки, взрослый люд и старики. Усаживались на лавку, табуретки, а порой приносили и свои сиденья. Всех приветствовал бойкий «конферансье» – и начинался концерт. Ситцевый «занавес» на кухонной двери раздвигался, и из нашей «гримёрки» один за другим появлялись «артисты» – со стихами, песнями, танцами, физкультурными номерами. Зрители громко хлопали, и всем было хорошо.

А какие новогодние праздники мы устраивали! Уже сама подготовка к ним была великой радостью. Долгими зимними вечерами мама учила нас делать елочные игрушки из папье-маше (другието где было взять?), бумажные бусы-цепочки и прочие прелести. С «артистами из народа» мы готовили сказочные представления, вплоть до фокусов. И вновь радовали всю округу.

Святые женщины

И тут мое слово – о маме. Я давно уже пенсионерка, вполне зрелый, престарелый человек. Но и сейчас мне трудно понять, откуда в ту пору у мамы, маленькой, хрупкой женщины, брались такие могучие душевные силы. Днем она работала в сельсовете, ночью – на колхозном току вместе с другими бабами хлеб молотила. И в командировку в Серов надо съездить. И нас обогреть-обласкать. Да не только нас – ребятня всей округи находила в нашем многодетном доме приют и тепло, которое шло и от печки-буржуйки, и от щедрого маминого сердца. Откуда такая сила? Потому что война? Потому что «надо»?.. Да просто потому, что по-другому наша мама не могла. Вспоминаю сестер Сыстеровых: Валю и Марусю. Они жили с ба-

Вспоминаю сестер Сыстеровых: Валю и Марусю. Они жили с бабушкой в небольшом домике напротив. Маня была старше меня, но худенькая, слабая, больная: у нее уже развивалась болезнь легких. Мама не дала завянуть этой девочке-былинке: помогли рыбий жир и молоко. А когда Маруся окончила семилетнюю школу, мама взяла ее в сельский Совет: «Будешь учиться на счетовода!»

Вспоминаю бабушку Наймушину. Ее почему-то все так и звали, по фамилии. В нашем селе и в нашем доме она появилась в начале войны. Сначала бабушка передвигалась самостоятельно, но вскоре болезнь приковала ее к постели – и мама ухаживала за ней, как за беспомощным ребенком, как за самым родным человеком. Бабушка Наймушина досадовала на свою немощь и буквально молилась на маму, поражаясь ее доброте и безграничному терпению. А мама наша всегда была такая: милосердная и щедрая до самоотречения. Всегда спокойная, деликатная. Я ни разу не видела ее раздраженной, не помню, чтобы она когда-либо унизила нас окриком, недоверием или подозрением.

Думаю о маме – и не перестаю удивляться: какие светлые люди рождались и вырастали в деревне в эпоху лучины да лампы-коптилки! Какими чистыми были их помыслы и поступки!

Теперь о других женщинах. О доярках. Их на колхозной ферме было немало. На них в войну держалось всё село.

Вот, к примеру, мамина сестра, Таисья Николаевна Романова, моя тетя Тася. Крепкая, высокая, трудолюбивая. И строгая – я даже побаивалась её. Вот Александра Ивановна Романова – полная, краснощекая, как и все в их роду; боевая, крикливая, работящая. Рядом с такими женщинами, чуткими наставницами, выросла и наша Феша, которая пришла на животноводческую ферму в неполных четырнадцать лет. Сначала ухаживала за телятами. Помню, с какой нежностью рассказывала она о своих маленьких питомцах, которых надо было выкормить и вырастить. Непросто это, нелегко.

Но выкормила, вырастила всех двенадцать, не потеряла ни одного. И радовалась, что из телятниц её вскоре приняли в доярки.

Что такое доярка в колхозе военной поры? Это ни в сказке сказать, ни пером описать. И что это за ферма, где ни одного мужика? Доярки на такой ферме были не двужильные, а семижильные. Весной они пахали и сеяли, а осенью вручную, серпами выжинали десятки гектаров хлеба. Вставали ни свет ни заря и спешили к своим коровушкам. И всё-то этим бабам было под силу: по-женски лелеять рогатое стадо, по-мужски ловко управляться с пилой и топором, заготавливая дрова на зиму; по-богатырски орудовать тяжелой пешнёй, делая проруби во льду озера (водопровода-то на ферме, да и в селе, не было). А сколько они выкосили травы, сколько вырыли и утрамбовали силосных ям, обеспечивая коровам сытую зимовку. Сами же недоедали и недосыпали. И при этом не утратили материнской нежности и ласки. И, казалось, не будет износа этим тридцатилетним мадоннам.

Я только сейчас делаю открытие: какие они тогда были молодые! По моим теперешним меркам – просто юные! Моей маме в 1941-м было 35 лет, а тёте Тасе – 30. И сгорела она на колхозной работе, умерла в 1948 году от быстротечного процесса в легких. Знаю, что многие доярки тоже не дожили до глубокой старости. Но во время войны они жили и трудились для своих детей, для своей страны, для Победы. И были самым надежным тылом.

Была война. Но жизнь в селе продолжалась. Весной, как и в мирное время, начинались пахота и сев, летом – сенокос, осенью – жатва. Только пахали больше на быках и коровах, а за плугом ходили бабы да подростки. Нелегко управлять этим железным пахарем, который вытягивал все силы; нелегко вести ровную, глубокую борозду. Ох, как это тяжело! Но надо, надо пахать, чтобы потом колосились поля, чтобы осенью сдать зерно государству, да чтобы и в колхозе хоть немного хлеба осталось.

Не потому ли и колосились поля, что колхозная земля была обильно полита горючими женскими слезами, согрета душевным теплом женщин, обласкана их нежными, заскорузлыми руками?

Низкий поклон

А теперь всем, кто отправился со мной в Детство, я предлагаю свернуть с главной улицы и по переулку выйти за село. Дорога полого, но неуклонно идет вверх. Здесь, за селом, начинается Верхотурский тракт (верхотурцы зовут его Романовским). Давайте пройдем по этой широкой дороге летним, солнечным днем.

Посмотрите: справа колосится высокая рожь и колышется от ветра, словно море золотое. По левую сторону дороги – большое картофельное поле, за ним – турнепс (такая продолговатая и очень сочная кормовая репа), дальше – горох вперемешку с викой, который потом скосят на силос. А мы все идем и идем, три километра – и всё поля, поля...

И вот она, опушка леса. Это мое любимое место, самая высокая точка в окрестностях села. Какой простор! Как много воздуха и света!

Давайте повернемся в лесу задом, к селу – передом. Посмотрите, какой обзор! Слева вдалеке виднеется река Ляля, на левом берегу которой есть деревни: Якимово, Паньшино, Лубянка, еще дальше – Соломоновка. Нет, все их мы, конечно, не увидим. Но посмотрите, как отчетливо выделяются среди леса желтые квадраты. Это поля Лубянки, там тоже колосятся хлеба. Там тоже живут и трудятся люди. Живут колхозы Романовского сельского Совета. Горюют и радуются. И ждут Победы.

И отсюда, с этой высокой точки, я хочу низко поклониться простым и великим людям, которые, преодолевая все тяготы военного времени, верили в Победу и своим трудом приближали ее.

Когда я возвращаюсь из детства, мне становится очень грустно. Казалось бы, живи да радуйся! Войны нет. Есть мощная, умная техника. Но поля не колосятся, на их месте выросли кустарники и деревья. За рекой Лялей нет теперь ни одной деревни, и земля, в тоске по человеку, зарастает бурьяном

Разве кто-нибудь в Стране моего детства мог предвидеть такое? И разве мог мой Ванюшка, который в восемнадцать лет погиб под Ригой, освобождая Латвию от фашистов, – разве мог он подумать, что когда-нибудь его и всех советских солдат латыши назовут оккупантами?..

Много дум теснят мою старую черепную коробку. Много эмоций готовы разорвать мое сердце. Но согревает и дает силы одно великое чувство. Это чувство семьи единой, какою было тогда мое село. Да и наша страна, моя большая Родина воспринималась как

единая семья, которой ты нужен. Думаю, это прекрасное чувство живет в каждом человеке моего поколения...

Летом 2019 года я побывала на моей малой родине и с радостью узнала, что там недавно открылся Музей села Романово. Он находится в большом деревянном доме, где раньше была наша семилетняя школа. Теперь второй этаж здания занимает Романовский сельский Совет, а на первом этаже разместился музей.

Вот открылась дверь, я ступила за порог – и оказалась в прошлом веке. Неторопливо ходила по залам, где каждая вещь, ставшая музейным экспонатом, заставляла трепетать мое сердце. Сразу вспомнились моя бабушка за прялкой и дедушка с косой-литовкой в руках. А вот школьная парта, черная и длинная, за которой могли сидеть три ученика. Я присела на краешек, провела по парте ладонью – и словно услышала звонок на урок. Да вот и сам звонок – не электрический, простой, деревенский, родной.

И родные, знакомые лица. Они глядят на меня с противоположной стены. Молодые, как мой дядя Ваня; взрослые, как мой папка; и солидные сельские мужчины. Их много, весь Романовский «бессмертный полк». Я долго стояла перед этой святой стеной и снова чувствовала себя маленькой девочкой. Читала фамилии героев. Многих из них я хорошо помню с детства, а некоторых будто открываю заново. Иные вернулись с войны, другие пали в боях с фашистами. Теперь уже никого из них нет в живых, но все они вместе – здесь, в сельском музее. Смотрят на меня – и такая от них идет волна. Мне тепло от этой волны и грустно. Я чувствую себя виноватой. Я горжусь этими людьми, которые защитили моё детство и мою большую Родину.

Я низко кланяюсь вам, солдаты «бессмертного полка»! И хочу сказать, что из детей войны выросли достойные люди, готовые, как и вы, служить Родине. Я горжусь, что принадлежу к поколению созидателей. В студенческие годы мы были нужны Родине и на колхозных полях, и в строительных отрядах. Мое поколение поднимало целину и строило Байкало-Амурскую магистраль. А Качканар? «Партия велела – комсомол ответил: есть!» Вместе с людьми, закаленными войной, юноши и девушки покорили уральскую тайгу и построили здесь светлый город и могучий горно-обогатительный комбинат, продукцию которого ждала страна. И я счастлива, что эти смелые люди являются моими земляками, а «мой труд вливается в труд моей республики» под названием Качканар.

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

(1950 - 1953)

Николай СЕМЁНОВ

И СНОВА ВОЙНА: КИТАЙ, СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ

3 января 1951 года рано утром мы были в Хабаровске. Жена, Нина Васильевна, сама пошла к командующему маршалу Малиновскому? и он дал команду оформить все необходимые документы. Всё было сделано за один час. В обед мы уже были в поезде Владивосток – Порт-Артур.

В Порт-Артур приехали к полудню 8 января. Погода пасмурная, облачная. От Жёлтого и Китайского морей туман, штормы. Нас

поселили в комнату гостиного двора, в 10 метрах от берега моря. Сдал направление. Был на беседе у командира дивизии. Он ознакомил с должностью и спросил:

 А как же ты провёз жену с двухгодовалым сыном?

Я рассказал. Он пояснил:

– Маршал кому-то там намылит шею: как отправляют на войну офицера с женой и маленьким ребёнком?!

Командир дивизии позвонил в часть и приказал найти комнатушку для семьи. 10 января я прибыл в часть – 852 ОБАТОЛП, на должность командира аэродромно-технической роты – коменданта аэродрома. Полк и

ОБАТОЛП ещё формируются, идёт техника – её надо собирать, людей учить и самому учиться снова да ладом. Мне немедленно следовало организовать охрану и оборону аэродрома. Тут уж было не до семьи! Ещё одна такая приехала – семья капитана Медведева.

Рота была очень большая – много техники. А кроме роты и самого аэродрома, который нужно было ещё достраивать, прибыли: прожекторная рота – 8 прожекторных установок, да своих 3 прожектора на автомашинах – их надо расставить и укрыть от противника. Прибыл дивизион зенитной артиллерии (12 105-мм пушек) – тоже нужно расставить, занять и оборудовать огневые и запасные позиции... Так что день и ночь – на аэродроме.

А что там женщины? Как они в одной комнате в 16 квадратных метров? Койки солдатские двухъярусные. Нам, мужикам, привычно, а им?! В 20 шагах от казармы! К весне нашли обеим семьям по комнате. Купили электроплитки, керогазы, в общем, стали обживаться.

В 1951 году янки вели себя тихо, но с 1952 года стали наносить бомбовые удары. Мы жили у самого аэродрома – в 200 метрах. Пришлось переезжать в мирный посёлок – «Зе-

лёный городок», так его называли. В основном американцы бомбили жизненно важные объекты, в том числе аэродромы. В первой половине 1952 года из роты было убито 2 человека и 8 раненых. В зенитных батареях потери были немного побольше. Среди лётного состава в 1952 году был сбит один самолёт, лётчик погиб, а за 6 месяцев 1952 года погибли двое

В июле 1952 года достроили вторую взлётно-посадочную полосу на аэродроме города Дальний. Сейчас стали дислоцироваться не два полка (наш и китайский), а четыре (2 наших и 2 КНР). Работы удвоилось, а к концу года ещё и стали обучать корейский полк ночных истребителей. Самолёты были МИГ-17. За 1951-1952 годы я был дважды награждён и мне присвоили звание капитана.

С января 1953 года нас стали готовить в Северную Корею. Жён с детьми отправили на Родину. Командование приказало мне сопро-

вождать вагон с семьями до Свердловска. Я заехал домой на Ис, где пробыл 5 дней – и на фронт в Северную Корею.

Приехал в город Дальний. а нашей части уже нет. Она своим ходом на автотранспорте находилась на марше в Северную Корею (260 км). В штабе 54 ВА, к счастью. встретил своего командира части. Он посадил меня в свой легковой «Форд» - и в Северную Корею. Приехали ночью. Часть находилась на аэродроме Лантоу. Местность такая же. как в Китае. только моря нет. Зато позади нас в 7 км – река Ялуцзян. Это граница Северной Кореи с Китаем.

В первую же ночь нас переодели в китайскую форму. У нас всё изъяли, запаковали в багажные мешки и

вывезли в Хабаровск. Документы: удостоверения личности, красноармейские книжки, партийные и комсомольские билеты – отправили в Москву. К утру всё было готово. Самолёты перекрасили: под цвет местности – верхнюю часть, а нижнюю – под цвет неба. Самолёты – в укрытиях, техника – замаскирована, людей покормили сухим пайком – и спать. Самолёты ООН дважды облетали наш аэродром, но не приземлились.

Военный городок: казармы для личного состава, столовые, складские помещения для вещей и продовольствия – две недели назад были подвергнуты бомбёжке. Шли восстановительные работы. Аэродром тоже кое-где пострадал: одна полоса была разбита. Жили как на настоящем фронте в траншеях, кое-кому из начальства построили землянки. В Китае и Корее с деревом туго, поэтому перекрытия делали из разбитых самолётов, автомашин и т.д. Питались из полевых кухонь.

Через пять дней после прибытия в Лантоу начали активно воевать. К этому нас вынудили янки. Они первыми нас отбомбили! И пошло! Более полка налетело на наш аэродром и электростанцию Андунь. Были потери с обеих сторон. В апреле-июне американцы и южно-корейцы бросили все свои силы, чтобы нанести как можно больше ущерба Северной Корее и Китаю. Нам в то время казалось, что вот-вот начнётся война между СССР и США: было ясно видно, что в Корее воюют русские и американцы. Мы всё это время укрепляли оборону аэродрома от атомного удара. Работали все – от солдата до генерала Глинки Д.Б., дважды Героя Советского Союза. Всю технику укрыли в глубокие ямы с валами, в том числе и самолёты. Выкопали траншей от 2,5 до 3 метров глубиной. Были приведены в полную боевую готовность. Самочувствие было неважное, каждый думал: вот-вот полетят атомные боеголовки и с жизнью будет покончено. Политработники слушали радиостанции СССР, Китая, Северной Кореи, а также США, Тайваня и Южной Кореи. В таком напряжении были до 15 мая 1953 года. После этого нам дали немного расслабиться.

Числа 16-17 мая к нам в полк пожаловали высочайшие гости: Мао Цзедун, Джу Дэ, Г.М.Маленков, Г.К.Жуков, Р.Я.Малиновский. Нас, 150 офицеров, находившихся на аэродроме, выстроили около командного пункта аэродрома. Первым выступил Мао, затем Маленков. Говорили они просто, по 5 минут, не более. Выступил и наш

командир дивизии. Нам было сообщено, что США обязались прекратить боевые действия на территории Китая и Северной Кореи, но боеготовность и бдительность не снижать! В этот день я впервые увидел Мао и Маленкова, второй раз видел Джу Дэ, министра обороны Китая, а Жукова и Малиновского видел много раз.

Американская авиация днём сократила полёты, а ночью усилила. Но уже не фугасами стала нас уничтожать, а бактериями и отравляющими веществами. С самолётов ночью выбрасывали насекомых, заражённых энцефалитом, чесоткой, малярией. Шпионы и диверсанты, выброшенные на территорию Китая и Северной Кореи, отравляли водоёмы. В полку от энцефалита погибли 4 солдата и офицер. Я прихватил малярию. Эта война – страшнее фугасной: она – невидимая. Борьба с бактериями продолжалась до морозов. А весной 1954 года вспыхнула снова. Было мобилизовано население: люди ходили группами с ведёрками и лопатками, собирали эту гадость и сжигали. Хотя в июле 1953 года было подписано перемирие, но война продолжалась – и для нашей дивизии, и для меня – она длилась до 31 января 1955 года.

Во время боевых действий я был потрясён смелостью и героизмом китайских и корейских товарищей, с которыми пришлось учиться воевать вместе. Они всегда были готовы своей жизнью защитить нашу жизнь, за нашу советско-китайскую и советско-корейскую дружбу. Потери в этой войне были значительными для корейцев и китайцев, были потери и у нас.

Я в этой войне получил перелом обеих рук и заразную малярию, которой болел вплоть до приезда на Урал. За боевые дела меня наградили медалями и ценными подарками. Первый раз – 31 октября 1950 года, второй раз – 23 февраля 1953-го. Вручали награды Джоу Эньлай и Джу Дэ. Третий раз вручал сам Мао – медаль и богатый подарок. Досрочно присвоили звание «капитан». В апреле 1954 года правительство СССР наградило медалью «За боевые заслуги» с вручением денежной премии 10000 рублей.

Итак, с 31 декабря 1950 по 31 января 1955 года продолжалась для меня война на востоке. С декабря 1954 года до 31 января 1955-го мы передали всю технику до последней пушки, тысячи тонн снарядов и бомб Китаю и Корее. Выехали в СССР все в гражданских костюмчиках, туфлях, тёмно-синих пальто.

Борис ЯКОВЛЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ В КОРЕЕ

Родился в Башкирии, в деревне Ельдяк Байкибашевского района. Закончил 9 классов и ремесленное училище по специальности «электрик».

В 1951 году призван в армию. Год отслужил в городе Борисове Минской области. В полковой школе получил специальность телеграфиста (связиста): работал на телеграфном аппарате СТ-35 (он похож на пишущую машинку).

Нас собрали в штабе армии – всего 23 человека, проверили, чтобы у нас было новое снаряжение, и – отправили в Иркутск. В Иркутске – новая пертурбация. Во-первых, тщательно проверяли: на судимость, были или нет под оккупацией и т.д. Дивизия была вновь сформированной. Нас разбросали, кого куда: кто попал планшетистом, кто в разведчики, я – телеграфист.

Ночью подняли по тревоге – и отправили. Куда, зачем – никто ничего не говорил. Но мы-то знали, что поедем в Китай: информация просачивалась – через писарей, еще каким-то образом. Ехали на поезде, в обычных товарных вагонах. В Манчжурии переодели нас в китайскую форму. Вроде, ехали вместе, а переоделись – и не узнаем друг дружку. А уже из Манчжурии – в город Айдунь. Так мы стали «китайскими добровольцами» Дело в том, что официально

нас в Корее как бы не было. Представитель СССР в ООН Вышинский упирался, что русских в Корее нет. Поэтому мы тоже считались «китайскими добровольцами».

Война шла с 1950 года, а мы приехали в 1953 году. Чтобы не попасть под бомбежки, нас тянули днем, пока светло было. Ночью там не давали спать.

Айдунь находился в горах, рядом – река Ялудзян, которая и была границей между Китаем и Кореей. Мы служили в ПВО. В дивизии было три полка и три дивизиона. В зоне нашей ответственности был сам Айдунь, река, мост через нее и город Сингисю. Территория большая. Это только мы. Другие – другие объекты.

Поселили в 3-этажном здании. До нас в этом здании наверху был командный пункт. При нас построили новый КП – с толщиной бетона 3 метра. А мы, как штабники, остались при штабе. Хоть мы были одеты в китайскую форму, но при встречах нам говорили: «Как вас ни переодевай, а все равно – русские: и ходьба другая, и на лицо одинаковые».

Чувствовалась ли война? Конечно. Днем летали легкие самолеты F-86. А ночью – Б-29. Страшно было. Ничего не видно: город погружался во тьму. Самолеты делали по 2-3 залета и бомбили. Их встречали заградительным огнем, прожекторами. Наша разведка работала хорошо, и мы знали, сколько будет самолетовылетов и сколько в них будет участвовать самолетов. У них на легких самолетах стояли пулеметы, а у наших самолетов МИГ-15, МИГ-17 – малокалиберные 37-мм зенитки. Одно что самолеты считались корейскими, но летали на них наши летчики. И не с корейцами мы воевали, а с американцами.

Приходилось видеть воздушный бой. Самолеты летят друг на друга, потом наш резко уходит вверх, американец за ним, а наш в

бок уходит. Сбивали их – 68 самолетов сбили. Видел американских сбитых летчиков, когда их проводили. Бывало, и наших сбивали.

Моей задачей была передача информации, как правило, в зашифрованном виде. Но так как нас было мало, то привлекали для другой работы. Я до армии был линейщиком-электриком, и там надо было, хоть

ты отдыхаешь или спишь, если надо, старший лейтенант, командир взвода позвонит: «Давай отправляйся на линию».

Когда война была, распорядка как такового не было. Как на работу сами вставали, физзарядкой сами занимались и шли на дежурство. Нас было четверо телеграфистов, трое сменяли друг друга, четвертый подменный. Прекрасно помню своих командиров. Командир дивизии был полковник Ангелов. Когда вернулись в Союз, ему присвоили звание генерал-майора. Полковник Рищев был начальником штаба, Юдин – замполит, подполковник Афанасенко – зам. по строевой. И как командиров, и как людей могу характеризовать их только положительно.

Корейцы тоже воевали, и воевали хорошо. У них и женщины служили. Общаться с корейцами нам не запрещалось. И к нам они относились хорошо, к американцам – отрицательно.

Быт был налажен хорошо. В баню хоть каждый день ходи: своя баня была при штабе. Кормили неплохо: и первое, и второе, и сахар стоял. Все было. Но вот корейской пищи попробовать не пришлось.

25 ноября 1953 года было подписано перемирие. Но 26 ноября летит американский самолет и делает съемку местности. Зачем? По нему открыли огонь. А вообще стало спокойно. Распорядок стал обычным: подъем, обед и т.д. до отбо

Вывод. Сначала вышли полки и дивизионы, потом мы – последними. Оружие, снаряжение, оборудование – всё это оставили там. Сами переоделись в гражданскую одежду. У меня есть фотография, где мы все – в гражданской одежде, в военной – только начальника штаба.

Уже в Союзе, из города Кыштыма, уволился в запас. «Батя» пожал нам руки, поблагодарил за добросовестную службу. Я направился снова в Башкирию, работал на строящейся ГЭС. Потом перебрался в г. Златоуст Челябинской области. С 1963 года – в Качканаре. Закон-

чил техникум. До пенсии работал энергетиком на шихтоподготовке.

Боевых наград не имею – их там просто не давали. Незадолго до вывода «Батя» вручил нам медали – китайские. Только в 2000 году нас стали считать участниками боевых действий. А до этого – никому мы были не нужны.

ВЕНГРИЯ

(1956)

Василий МАЛЫШЕВ

ПОВОЕВАЛИ — И ДОМОЙ

Василий Иванович Малышев родился в 1934 году в Горьковская области. Окончил начальную школу, работал в леспромхозе. В 1950 году отправили учиться на тракториста. В 1953-1957 годах служил в Советской Армии. После увольнения в запас работал в леспромхозе. С 1962 года – качканарец, работал в «Уралспецстрое», с 1962 года – в Качканарском ГОКе. С 1989 года – на пенсии.

Потом нас зачислили в сержантскую школу. Выпустили младшим сержантом, командиром орудия – 37-мм зенитной пушки. Потом сержанта получил, при увольнении присвоили старшего. Есть

фотография нашего расчёта: два наводчика, два заряжающих и я с флажком, команду жду...

В 1955 году на стрельбах, на учениях были. Самолёт таскал конус на тросе, мы стреляли. Наш расчёт перебил трос, тот конус прямо на полигоне упал. Всем сразу отпуск дали.

В 1956 году должен был уволиться в запас, а нас по тревоге – в Венгрию. Там было восстание против правительства. Вот нас – туда. Служба есть служба.

На тягачах нас перебросили через Карпаты до Мукачева, где граница. Весь наш 101-й стрелковый полк, вся дивизия. У нас зенитки были, пулемёты ЗПУ-4.

Шёл не только наш полк, шли два округа – Одесский и Прикарпатский. А мы что? Солдаты и солдаты. Мы вошли не с самого начала, там уже стояли наши войска. Нас – в казарму. Ждали, что дальше будет. А что дальше? Как-то брали мы ночью одну казарму. Разоружили их боевиков – вот была наша миссия. Стрельбы никакой не было: спали они. Сонных взяли в два часа ночи. Целый полк тут был.

Пушки оказались ни к чему. Стояли на охране, на дорогах. Осматривали транспорт, людей, чтобы нападений не было. Проверяли на наличие оружия, часто отбирали пистолеты.

Ребят погибших похоронили. На кладбище салют был.

В Будапеште, конечно, постреляли. И наших, и мы постреляли. Сначала было так: в нас стреляют, а нам не разрешали. А потом разрешили. Техники много пожгли нашей. Выпускали детей на улицу. Со временем затихло. Вот и всё.

Всегда в состоянии боевой готовности. Жили с оружием – автоматами Калашникова, при себе их имели даже ночью. А бытовые условия были хорошие: кухня была, питание организовано нормальное.

Красот страны не видели: не до них было. Да и мало мы там были: в ноябре 1956 года вошли, а в январе 1957-го оттуда вывели тех, кто должен демобилизоваться. Опять в часть, в Бердичев. Там документы выдали – и всё: повоевали – и домой.

Анатолий ЛАПТЕВ

ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ВЫПОЛНЕНИИ СПЕЦЗАДАНИЯ

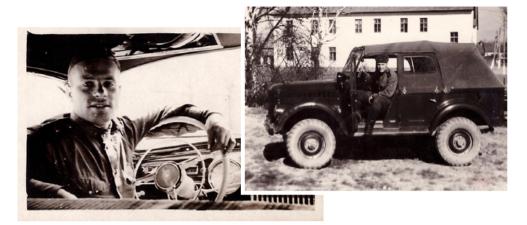

Родился 19 февраля 1934 года в городе Нижняя Тура. С 24 ноября 1954 по 27 сентября 1957 года – служба в Советской Армии, в/ч 24128, водитель. В составе этой воинской части с 28 октября 1956-го по 8 января 1957 года принимал участие в выполнении спецзадания по защите интересов Советского Союза в Венгрии.

После увольнения в запас отправляется на Качканарскую Всесоюзную ударную комсомольскую стройку. Работал водителем в тресте «Качканаррудстрой», на Качканар

ском горно-обогатительном комбинате, в Качканарской автобазе №5. Первостроитель Качканара. Награждён нагрудными знаками «За работу без аварий» 2-й и 1-й степеней.

Я окончил 7 классов средней школы, после чего получил профессию шофёра. Шофёром же работал до призыва в армию в 1954 году. В армии также служил водителем: сначала в городе Мукачево (возил командира полка), затем в городе Станиславе (Ивано-Франковск), был водителем начальника штаба армии генерал-майора Толканюка.

До мятежа в Венгрии была какая-то заварушка в Польше. Всех подняли по тревоге – и под Раву Русскую, на польскую границу. Но как-то обошлось: маршал Рокоссовский, министр обороны ПНР, не затребовал войска. А я в Раву Русскую не ездил, оставался в части. Мне звонят: «Встреть генерала!» И буквально чуть ли не в этот же день, ну, или на следующий – в Венгрию. Всё, вся армия. Мне звонит дежурный: «Лаптев, на выезд!» Я автомат взял, машина заправлена и запасная канистра. Подъехал к штабу. Сел генерал и сказал: «Ну всё, поехали. Больше сюда не приедем».

И мы переехали в город Берегово – на венгерскую границу (от Станислава это поболе 100 км). Граница была открыта, шлагбаум поднят. Армия шла своим ходом. Между делом слышал, как полковник Осипис говорил генералу: «Танки выдержат ли? Нужно танки перегнать из Равы Русской в Венгрию – 600 км».

Шли колонной. По разные стороны стояли люди и что-то кричали на своём языке, нам было непонятно. Наши легковые автомобили они не трогали. А вот в другие машины бросали камни, били стёкла. У солдат были забинтованы головы. А стрелять нельзя было ни в коем случае: такой приказ был. Позднее разрешили отвечать огнём на огонь.

В первом городе (название не помню) стояли несколько дней на аэродроме. Прямо в машине и спали. А генералы какие-то проблемы решали. Затем колонной отправились в город Секешфехервар.

В этом городе стоял наш танковый корпус. Когда в Будапеште начался мятеж, их подняли по тревоге и направили туда, а мы – на их место. Офицеров расселили в дома, а нас – в деревянную казарму возле манежа. Манеж – это крытая стоянка для легковых машин. Метрах в 50-ти от казармы была столовая – там мы питались. Столовую обслуживали сами – ходили в наряд по очереди.

Мятеж в Секешфехерваре должен был начаться в 5 часов утра, а наши их накрыли в 4 часа: обезоружили, арестовали. Некоторых привозили к нам в часть, руки у них были связаны. Нам много не показывали. Потом их увозили. Мы при штабе были, нас особо не дёргали. Когда мятеж был, генерала не видел, он разъезжал на бронетранспортёре. А мы служили: ходили в наряды, в караулы. Днём ездили, а ночью – нет.

Однажды приехал бронетранспортёр, полный конфискованного оружия. Мы вооружились, кто как мог. Офицеры брали пистолеты маленькие, мы – ТТ. Я взял себе ТТ и ППШ. С ППШ я ходил в караул – его не нужно было чистить. А после пришёл приказ: сдать всё трофейное оружие. Мы всё сдали. Кое-кто разжился венгерскими сапогами – и их пришлось сдать.

Когда мятеж закончился, стали налаживаться дружеские отношения с местным населением. В городе завод был, на заводе – клуб. Нас приглашали на вечера в этот клуб. Венгерская молодёжь пела, плясала, а мы танцевали с их девушками. Они хотели даже угостить нас ромом, но наши офицеры запретили. Мы отвыкли от гражданского населения, поэтому было очень приятно. А вот с их солдатами мы не пересекались.

Генерал был как генерал. Едешь – разговариваешь с ним. Он меня в отпуск отпускал (ещё в Союзе). Единственно, коробила его фраза: «Пошёл на место!» Армией командовал генерал армии Мансуров. Очень добрый был человек. Ему нельзя было курить, он носил в кармане ле-

денцы. Стоим у штаба – он подойдёт и каждому даст леденец. Однажды видел маршала артиллерии Казакова.

Между тем, подошло время увольняться. Увольнялись из Венгрии. Своим ходом – до Будапешта, оттуда до Чопа. Это приграничный город, там получили проездные документы, деньги – и домой.

ВЬЕТНАМ

Валентин ЗАНИН

Родился 13 сентября 1937 года. В 1958 году закончил Ачинское военно-техническое училище ВВС по специальности «авиационный техник по эксплуатации самолётов и авиадвигателей».

Проходил службу в 12-й отдельной армии ПВО Туркестанского военного округа в должности начальника расчёта боевых изделий, техника двигательного отделения, начальника расчёта заправки боевых изделий.

Чемпион ПВО ТурВО по борьбе самбо.

Находился в правительственной командировке в Демократической республике Вьетнам с 22 сентября 1966 года по 26 апреля 1967 года без исключения из списков части в должности помощника Главного специалиста.

Из характеристики: «За время нахождения в ДРВ коммунист Занин В.В. показал свою политическую зрелость, умело строил взаимоотношения с вьетнамскими товарищами в процессе учёбы и работы. С честью выполнил интернациональный долг»

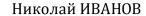
После командировки продолжал службу на военно-технических должностях. В 1978 году окончил юридический факультет Таджикского государственного университета.

В 1983 году уволен в запас по возрасту с правом ношения военной одежды.

В 1993 году призван на действительную военную службу и назначен на должность начальника отдела Железнодорожного районного военного комиссариата г. Душанбе. Затем – офицер, старший офицер – оперативный дежурный отдела пунктов оперативного управления. Принимал участие в боевых действиях в зоне вооружённого конфликта п. Шарак 5.11.1994-31.11.1994.

Уволен со службы 13 марта 1995 года. Стаж военной службы – 29 лет 11 месяцев (в льготном исчислении – 33 года).

После увольнения подполковник В.В.Занин проживал в городе Качканаре.

Родился 2 марта 1942 года деревне Теребень Валдайского района Новгородской области. Закончил 10 классов средней школы №1 города Крестцы Новгородской области в 1959 году. В 1959 году поступил, в 1962 закончил Пушкинское радиотехническое училище войск ПВО. Служил в 4-й отдельной армии ПВО старшим техником батареи (в\ч 61885).

С апреля 1968 по март 1969 года находился в Демократической республике Вьетнам, выполнял правительственное задание по оказанию помощи Вьетнамской Народной Армии в качестве военного специалиста.

Из характеристики: «За время пребывания в ДРВ с 20 апреля 1968 года в должности специалиста по кабине УА при зенитно-ракетном полку Вьетнамской Народной армии, показал себя исключительно грамотным, дисциплинированным офицером. Будучи специалистом первого класса, умело и настойчиво обучал воинов Вьетнамской народной армии грамотной эксплуатации сложной боевой техники и поддержанию её в постоянной боевой готовности. Методически грамотно про-

водил занятия с вьетнамскими специалистами, большое внимание уделял тренировкам операторов ручного сопровождения в сложной помеховой обстановке. В течение 9 ме-

сяцев напряжённой учёбы и тренировок добился такого положения, что вьетнамские специалисты приобрели большой опыт в отыскании и исправлении неисправностей на аппаратуре, в грамотном и качественном проведении регламентных работ. Накопил богатый опыт в эксплуатации ракетной техники в период ведения боевых действий в условиях тропического климата. Освоил две смежные специальности на уровне специалиста второго класса. Обобщил опыт боевой работы операторов ручного сопровождения и офицеров наведения в различных условиях воздушной обстановки. Много уделял внимания информационно-пропагандистской работе, регулярно выступал с докладами и беседами перед воинами Вьетнамской народной армии. Скромный, выдержанный, тактичный офицер, обладающий высокими морально-боевыми качествами. Вывод: С заданиями КПСС, Советского Правительства и командования Советских Вооружённых Сил в деле оказания помощи Вьетнамской Народной Армии справился успешно».

Награждён медалью «За боевые заслуги» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.08.1969).

Впоследствии служил начальником отделения – офицером по наведению батареи (в\ч 31662), начальником штаба – заместителем командира дивизиона (в\ч 31662). Проживал в городе Качканаре.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА

Лариса ПЛЕСНИКОВА

ПАРЕНЬ С ДАМАНСКОГО

«Я ухожу... – сказал мальчишка ей сквозь грусть, – Но ненадолго, ты жди меня, и я вернусь!» Ушел совсем, не встретив первую весну, Пришел домой в солдатском цинковом гробу.

Развеет ветер над Даманским сизый дым, Девчонка та уже давно идет с другим, Девчонка та, что обещала: «Подожду», Идет с другим – и тает имя на снегу.

Помню, как в детстве эта песня выжимала у нас, девчонок, слезу. Называлась песня «Парень с Даманского». А что это за Даманский такой, мы и понятия не имели. И вот много лет спустя мне довелось встретиться с «парнем с Даманского».

Алексей Павлович Шестовских живёт в поселке Валериановске. И хотя с той войны прошло уже 48 лет, рассказывает он так ярко и так подробно, как будто это было вчера.

Родился Алексей Павлович на Урале, в селе Поташки. После восьмилетки поступил в железнодорожный техникум в Алапаевске. Закончил его техником-механиком

тепловозного хозяйства. На практику отправили в город Киселёвск Кемеровской области, на угольные разрезы. А в конце марта 1967 года призвали в армию.

– Вечером пришла повестка, на следующую ночь – отправка, – вспоминает Алексей Павлович. – Недавно я видел передачу про те места, где служил. Офицерский городок остался, туда сейчас заселяют бомжей. Остались котельная, офицерские дома. А городок у нас хороший

был. Стройбат фундамент делал, и за неделю полностью собирали дом. Ставили кровати. Печки мы сами топили. Потом котельную подключили. Был свой клуб, свой свинарник. Держали коз, коров.

В феврале, числа 26-го, наш танковый батальон вывели на учения под село Покровское. Это примерно в тридцати километрах от посёлка Филино на дороге

Хабаровск-Владивосток. Технику выводили редко, примерно раз в два года. Танки были не заряжены. В нашем 61-м танковом полку были танки Т-55 и истребители танков. Потом пришёл танк Т-62, они уже были с гладкоствольной пушкой, и дальность выстрела у них была другая. На них мы могли стрелять на ходу, а не как с Т-55, только после остановки. Т-62 были новейшие, к ним даже литературы не было. Одному нашему прислали книгу по Т-62. Вот эта книга стала единственной на весь танковый батальон. Вот новый танк мы и должны были обкатать. А 2 марта объявили боевую тревогу.

– Остров-то был так себе, намывной, в протоке, – продолжает свой рассказ Алексей Павлович. – Излучина у китайского берега. С 15 февраля китайцы начали заходить на остров, претендовать на него. Летом он был ближе к Китаю, поэтому они ставили там свои лачуги и рыбачили. Вот так и получалось, что ночью он у них, утром пехота под прикрытием наших танков опять их столкнет.

Мы развернули там штаб округа. А как развернули: подъехали четыре машины, раскрыли борта, поставили упоры, сверху палатку поставили, связь провели – вот и штаб. Вблизи стояли вертолеты, были развернуты пункты питания.

И вот 22 или 23 февраля, в 5 часов вечера, отдельный ракетный дивизион дал залп по китайскому берегу. Нам, танкистам, стре-

лять запрещалось. Китайцы подбили четыре наших танка. В одном из них был ранен полковник Леонов, ему потом за это звание Героя дали.

Потом нам велели эвакуировать наши подбитые танки. Три танка мы утащили, четвертый был на льду у берега. Китайцы обстреливают нас, не дают приблизиться к танку. Наши только протянут трос, китайцы его перебивают минами. Китайцы хотели его к себе перетащить для изучения, но им нечем было. Так и утопили тот танк у китайского берега.

А с тех трёх танков, что нам удалось вытащить, приказано было не трогать ни болтика. Потому что китайцы стреляли ракетами из американского оружия «Девик». Но они не могли пробить лобовую броню наших танков. Подбитые танки срочно погрузили и отправили в Нижний Тагил для изучения. И в конце мая нам пришли новые танки.

Нам постоянно передавали разведданные. Мне особист про это рассказывал. Наши вертолеты постоянно летали в том районе. И вот разведка доложила, что по рокадной дороге двигается колонна китайцев. Машин у них не было, были повозки с лошадями. Доложили майору Баранову. Он навел орудие на колонну. Запросил штаб округа, можно ли сделать залп. Те молчат, сами запросили Москву. А Москва тянет: ни то, ни сё. И вот наш командир Лосик разрешил Баранову сделать один залп по обозу. Я этот залп видел в бинокль: полетели в разные стороны деревья. Потом всё тихо стало. Китайцы вернулись, а вечером кричали по репродуктору:

– Майор Баранов, перестать жечь нашу землю своими страшными снарядами!

И предлагали тем, кто перейдет на их сторону, каждый день по чашке риса и 100 граммов водки. Мы только смеялись над этим!

После этого залпа они уже не лезли. Но у них были наши танки Т-34 со времен Отечественной войны. Они этими же танками с нами и воевали. Китайцы стреляли только из минометов. Огня-то не было, были только взрывы. А наши вывели вторую танковую роту. И так простояли до мая.

Я во временный штаб округа заходил – никто ничего не объяснял. У нас даже не требовали боевых донесений. Всё докладывали по рации, все распоряжения давали устно. Пришел приказ из штаба дивизии, чтоб все документы уничтожить, акты об уничтожении доставить в штаб дивизии.

В конце марта мы ушли оттуда.

– Боялись ли мы войны? Ничего мы не боялись, молодые же были парни. Мы так и думали, что война будет, что на Харбин пойдем. У нас все офицеры заканчивали танковые училища, все были воевавшие. А мы-то что, зеленые ещё были! Знаю, что один залп снаряда стоил как хромовые сапоги. И когда делали залп, мы шутили: «Вон еще одни сапоги полетели!»

Я знаю, что погибло пять пограничников. Также погибли танкисты и мотострелки. Наших было убито человек шесть. Я видел только одного убитого китайца. Он был так легко одет, в кедах. Я особо не разглядывал. Его обменяли на нашего убитого пограничника.

После всех этих событий начались похороны. Ребят хоронили в Филино, в братской могли. Я застал эти похороны. Двоих забрали родственники. Прибыл вертолет командующего округом. Оркестр был, обоз машин прибыл. Много было гробов, но близко я не подходил. Погибла в основном молодежь, которая только пришла. Родителям сказали, что никаких боевых действий не было, что погибли на учениях. Кстати, случай у нас был: возили на «ГАЗ-66» песок. Так вот машина перевернулась и сразу трое солдат погибло. В основномто погибли мотострелки. Потому что, когда ушли пограничники, наша граница была закрыта мотострелковым батальоном, потом танковым. Затем пришел отдельный ракетный дивизион.

Потом, говорят, Громыко утрясал все последствия этого инцидента. Лосика, многих сняли тогда, в том числе командира округа. За этот залп: они же ударили по китайской территории.

Алексей Павлович разложил передо мной на столе старые фотографии, документы, военный билет. Рассказал, что из части отправили документы на награждение, все документы вернули обратно. Никого не наградили, а документы приказали уничтожить. Считалось, что боевых действий не было.

– А нам что, обидно? Нет, конечно. Мы же тогда не думали о будущем. Хотя раненые у нас были. Одного даже в Крым отправляли. Ему осколком брони повредило роговицу глаза. Были ожоги. Когото осколком брони ранило, кого-то мелкими осколками.

Алексей Павлович показывает мне несколько сохранившихся фотографий, каждую сопровождает рассказом.

– Особист у нас постоянно лазил: не дай бог что сфотографируете! Всё так засекречено было. У меня грамота была от начальника округа. Мне даже предлагали остаться на службе, в особом отделе. Сказали подумать и через какое-то время дать ответ. У меня гражданская специальность уже была, а тут учиться надо было еще, а в

итоге я смог бы стать только сержантом. Да и потом я уже знал, когда мой эшелон пойдет домой.

После того, как Алексей Павлович вернулся домой, он дал, как и все остальные участники тех событий, подписку о неразглашении и в течение пяти лет не имел права выезжать за границу. От тех событий у него остался только военный билет и несколько фотографий.

После войны Шестовских вернулся в Алапаевск,

сделал попытку поступить в железнодорожный институт – не поступил. Как-то в поезде встретился со своим знакомым Анатолием Мазуренко. Тот предложил молодому парню махнуть на Качканар. Город и комбинат строились, и рабочие руки нужны были везде. В декабре 1969 года Алексей женился, а уже с 15 февраля семидесятого вышел на работу в ГОК. Работал в ЖДЦ, потом в карьере. Последние 20 лет работал на МПС, на тяговой подстанции, последние пять лет – начальником подстанции. Его родные подстанции – Чекмень, Чистые Ключи, Хребет Уральский... В 2007 Алексей Павлович закончил свою трудовую деятельность на производстве. А в своем доме дела никогда не кончаются.

Алексей Павлович не приравнен к участникам боевых действий. Никаких записей нигде не сохранилось. Наш герой писал во многие инстанции, но везде приходил ответ, что такой воинской части нет, она расформирована в феврале 1970 года. Единственное, чего он добился, – ему дали справку из военкомата, где указан только срок службы, а где он служил – как будто бы неизвестно.

– Все документы отправили в архив, – говорит Шестовских. – Но я-то знаю, что журналы хранятся вечно. Я сам их оформлял.

Наша страна защищает свои рубежи ценой жизни молодых солдат. Даже если эти рубежи – всего лишь намывной остров у берегов далекого-предалекого Китая. Кто-то потом прожил большую и интересную жизнь, а кто-то так и остался лежать на той границе.

ТИХИЙ ОКЕАН

Михаил ТИТОВЕЦ

ПЕРВЫЙ ИЗ СКОРБНОГО СПИСКА

Впарке «Строитель» города Качканара находится мемориал качканарцам, погибшим при исполнении воинского долга. На нём 39 фамилий наших земляков. Открывает этот скорбный список фамилия матроса В.Соколова, погибшего в составе экипажа подводной лодки К-129.

Владимир Васильевич Соколов родился 10 мая 1947 года. Закончил Валериановскую среднюю школу и в 1966 году был призван в Вооружённые Силы. Попал в Тихоокеанский

флот. В звании матроса в должности электрика служил на подводной лодке К-75.

24 февраля 1968 года в качестве стажёра в составе экипажа дизельной ракетной подводной лодки заступил на внеплановое боевое патрулирование в северной части Тихого океана. 8 марта экипаж не вышел на связь...

Лодка затонула. Поисковая операция не увенчалась успехом. Её местонахождение установили ВМС США в 550 милях от острова Оаху Гавайского архипелага (46°06' с.ш., 179° 57' з.д.) на глубине более 5 тысяч метров. Они же в 1974 году сделали попытку поднять К-129, извлекли из глубины часть корпуса и тела шести членов экипажа.

В Советском Союзе обстоятельства гибели подводной лодки К-129 были окружены завесой секретности. Только в 90-е годы они стали достоянием гласности, появляются статьи на эту тему. В 1998 году Указом Президента России Б.Н.Ельцина «за мужество и отвагуи проявленные при исполнения воинского долга» члены экипажа посмертно награждены орденом Мужества. В Качканаре награду сына получила мать моряка – Евдокия Яковлевна.

Память о погибшем земляке-подводнике сохраняется в Качканарском городском округе. Его имя увековечено на воинском мемориале. 11 сентября 2011 года качканарские ветераны Военно-Морского Флота открыли мемориальную доску на здании Валериановской средней школы.

ЧЕЧНЯ

Михаил Титовец

ЧЕЧНЯ ВОЦЕРКОВИЛА АРМИЮ

Сегодня священник в вооружённых силах воспринимается как должное. И это правильно – во всех смыслах и значениях. Ведь с самого крещения Руси и до 1917 года православная церковь не только возносила молитвы за христолюбивое воинство. Православные батюшки делили с солдатами тяготы и лишения походной и бранной жизни. Отдельный разговор о вкладе Русской православной церкви в Великую Победу 1945 года. К сожалению, военная глава истории русского православия для многих слабо известна. А между тем она золотыми буквами вписана и в историю церкви, и нашей доблестной армии, и страны в целом.

Своё достойное продолжение эта глава получила в новейшее время, когда на просторах бывшего Советского Союза возникает множество вооружённых конфликтов, а в самой России на долгие годы центром напряжения стала Чечня. В этих условиях не могла мать Церковь, сама только что освободившаяся из плена, оставить без духовного попечения своих чад, жизнь которых подвергалась смертельной опасности. Вот и ехали православные батюшки в горячие точки, самая горячая из которых – Чечня. Десятки православных священников получили, да и сейчас получают, особый, ни с чем не сравнимый, духовно-практический опыт, неся послушание в Чечне. Это тяжело, это опасно, и это здорово! Так ещё в одном месте произошла смычка России современной с её духовными корнями.

Наша Екатеринбургская епархия в Ханкале (пригород Грозного) имела свой походный палаточный храм во имя святого благоверного князя Александра Невского. В нём-то и служили священники нашей епархии. В апреле 2000 года на это служение сподобился тогдашний наш настоятель отец Георгий. Сам в своё время служивший в армии, о. Георгий много постарался, чтобы поехать туда не с пустыми руками. С собой он увёз сто ящиков подарков для солдат. Такие мелочи для нас, как мыло, зубная паста, крем и многие другие предметы этого ряда в армии никогда не бывают лишними – кто служил, это отлично знает. Ещё, конечно, большое количество иконок, крестиков. И колокол. С собой о. Георгий взял колокол.

По возвращению из командировки отец Георгий поделился впечатлениями об увиденном и пережитом.

Каким было самое первое впечатление?

- Совершенно другой мир. Дух войны. Тёмное и злое наваливается. Горизонта нет: по периметру Ханкалы стоят спецмашины химических войск делают дымовую завесу.
 - Где разместились?
 - В палатке с солдатами.
 - Нужен ли священник в армии?
- Необходим. Причём не наездами, а постоянно. Лучше без семьи монах. Потому что этому служению следует отдаваться без остатка.
- Какова роль священника? Почему он необходим? Поясните примерами.
- Во-первых, проводить богослужения. Миссия же священника помочь солдату выйти из душевного надлома. Приходит солдат в храм. Честно сознаётся, что ничего не знает, не умеет молиться. Просто мама, провожая в армию, дала крест или пояс с молитвами. Очень тяжело. Боюсь. Что нужно этому солдату? Простой разговор. О том, что ему близко и тепло. Потом исповедовать, причастить и уже другой человек. Примеров тому множество.

Вот один солдат, видно, что лихой парень, с физиономией полукриминальной, жалуется, что сильно напрягают, гоняют, поэтому постоянное состояние уныния. Исповедовался, причастился – уныния нет и в помине. Более того, стал задавать глубокие богословские вопросы и даже взял читать книгу «Аскетический опыт» Игнатия Брянчанинова – очень сложное религиозно-философское произведение.

Другой солдат сказал, что пристрелит контрактника, который не даёт ему прохода. «И чего ты добьёшься? Поступи по-другому. Перекрести своего обидчика и скажи: «Господи, вразуми!» Видели бы, с какими глазами прибежал он потом. Помогло! Сделал, как я ему велел, – тот закрыл рот, повернулся и ушёл.

Воинских частей в Ханкале много. Наш отряд – 12-й специального назначения из Нижнего Тагила – самый боевой. Но культовых помещений очень мало. Наш храм, ещё часовня. Поэтому принимали из всех частей и родов войск: танкистов, разведчиков, , лётчиков, фээсбешников. И сами они священника не пропустят. Увидят и бегут: «Батюшка, помолись!» А лётчики ещё интереснее: «Батюшка! Помажь нас!» А у меня елея с собой нет. Приглашаю на помазание в храм. Они отвечают: «А будем ли мы?» Лётчикам и танкистам раздавали иконы Божией Матери «Неопалимая купина»: у этого образа особая благодать защищать от огня. Записочки брали, чтобы молиться о здравии. И сами шли ко всем, кто звал.

- Есть ли понимание со стороны командования? Ведь армия государственная структура, а Церковь отделена от государства.
- Армия уже не может существовать без Церкви. И воцерковила армию Чечня. Лично командующий говорил: пока есть священник жертв нет или они минимальны. Уезжает священник у нас жертвы. Готовим гробы. Поэтому должен быть храм. Так он и сказал, когда выступал перед отрядом.

При нас военные строили часовню в честь Георгия Победоносца. Достали где-то пиломатериал, ДВП – там это страшный дефицит. Генерал Абрашин здоровался со мной иноческим приветствием, исповедовался на Пасху и причастился. Так что в этом смысле проблемы нет. Проблема в тех людях, которые на войне не были.

- Вы общались в Чечне с другими батюшками? Какие они?
- Удивительные! Как будто у них вместо крови порох. Много общался с о. Василием, священником из Троице-Сергиевой лавры. Он окормлял десантников. Сам бывший десантник. Окончил филфак МГУ.

Монахи из лавры же. Они без страха ходили по всей Чечне. Забирались в горы. Не разговорчивы, без тени эгоизма. Я поисповедовался у монаха. Очень интересно: он молится, прося у Бога исповеди искренней, и странно: из глубины души поднимается всё и исходит на свет Божий. Семинарист Игорь – оставил семинарию, пошёл служить в Чечню, чтобы заработать краповый берет. Потом только вернуться в семинарию и стать священником.

Но особенно большое впечатление произвёл настоятель храма города Грозного о. Назарий. Сам храм разрушен – одни стены. Богослужения проводятся в другом церковном помещении, где раньше был крестильный храм. У этого пастыря очень сильная вера. Я таких людей не встречал. Он очень хорошо молился. Мне в душу запала такая его молитва: «Господи, сделай меня таким, каким хочешь видеть». Может, за этой молитвой я и ездил в Чечню? Он был в Чечне обе кампании. Жил в щитовом домике, который легко можно прострелить из пистолета. С ним и о. Василием мы служили на Пасху.

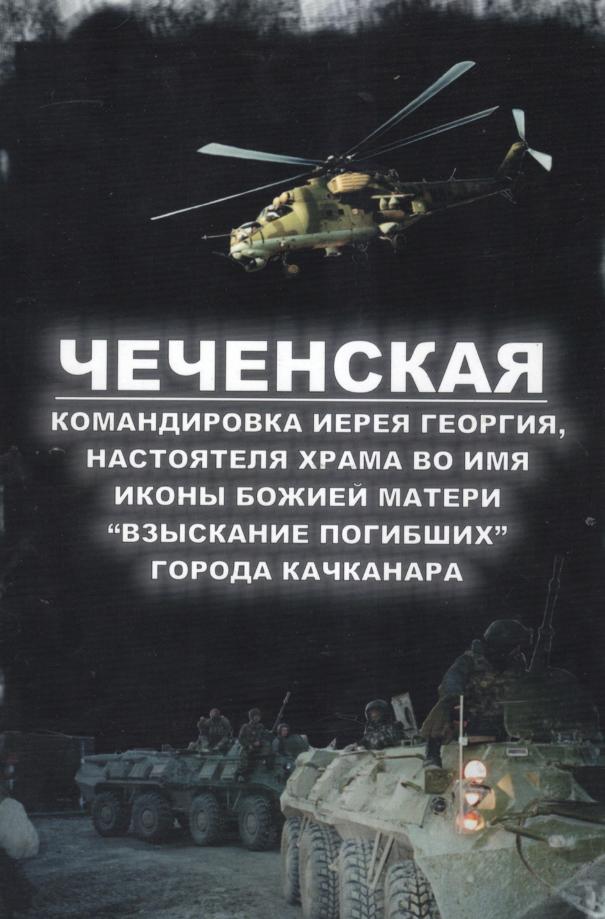
- Какое впечатление произвела армия?
- Отличная, боеспособная армия.
- Почему тогда наши войска не могут навести в Чечне порядок?
- Могут, но им не дают этого сделать.
- Какое самое сильное впечатление вынесли из Чечни?
- Господь снова мне показал, что истинное служение людям, а не себе. Христиан настоящих показал. Неверие порождается отсутствием христиан, а не доказательствами существования-несуществования Бога. Такой глубокой и искренней веры, как в Чечне,

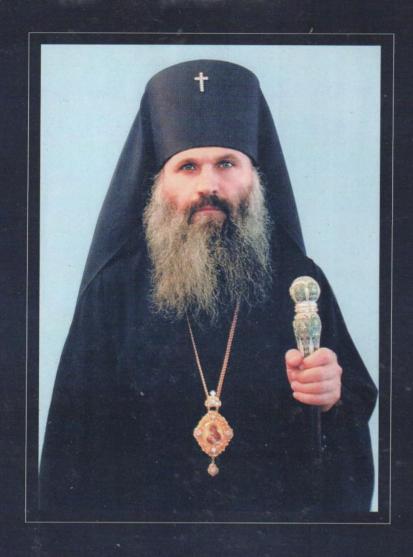

наверное, ни у кого больше нет. Может, только у монахов. Вера эта детская по искренности, но сильная и твёрдая. Вот иногда говорят, что солдаты возвращаются из горячих точек злые, с покалеченной психикой. Нормальная у них психика, если они верят в Бога. Тогда они правильно воспринимают действительность и свой воинский долг. В Чечне я сильно подружился с московским отрядом спецназначения «Витязь». Очень религиозные. Интересно, что они головы бреют, а бороды нет.

А символами православия в Чечне для меня стали прострелянная икона в Грозненском храме и прострелянный кумулятивным снарядом колокол. Ещё женщины в грозненском храме, которые, расходясь после богослужения, совершенно искренне говорили: «Буду жива завтра приду». И, конечно, наш христолюбивый защитник – православный воин.

В Чечне отец Георгий вёл дневник, который в совокупности с фотографиями является ценным историческим источником об этих драматических событиях.

Во има Отца и Сына и Святого Духа. По воле Ђожией и по влагословению высокопреосвященного владыки Викентия, архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского я, недостойный иерей Теоргий, сподобился нести пастырское послушание в Чегне, в походном храме Екатеринбургской епархии во имя влаговерного князя Александра Невского.

Как Тосподь вразумил, постараюсь дать отгет о днях превывания на этой многострадальной земле. Для этого использую свои дневниковые записи, которые старался вести хоть и кратко, но ежедневно. Т де потребно, буду делать к ним необходимые пояснения. Фотографии помогут создать зрительное представление.

Отправке предшествовали сборы. Православный приход во имя иконы Божией Матери "Взыскание погибших" собрал волее сотни ящиков с подарками для воинов. Это предметы лигной гигиены и другие мелоги, востребованные в армейской действительности. Задействованы были даже юные прихожане. Они собирали ящики и коробки по киоскам и ларькам, а воспитанники воскресной школы занимались упаковкой. Кроме того, с собой взяли большое колигество иконок и крестиков. Взяли с собой также и колокол. Помогал мне пономарь Теоргий из нашего храма.

2 апреля. Слава Богу! Сегодня состоялся вылет. Ндали 6 дней. Устали ждать. Борт ИЛ-76. Вылет в 13.30. Первая остановка - Моздок (17.00). Перекусили и в Ханкалу (в 20.10). Летели 40 минут.

<u>Donoлнение.</u> Этим же бортом летел командующий округом, он сразу прошел к пилотам. В Моздоке на аэродроме ко мне подошли спецназовцы из нашего 12-го Нижнетагильского отряда, в камуфляже "горка", без знаков отлигия, у коленей кобура с автоматом.

Спросили: "Вы ответственный за гуманитарную помощь?" пришлось ответить: "Я!". Они погрузили наши ящики в два бронированных "Урала". И в Ханкалу. Мы - туда же на вертолете. Когда пересекали границу с Чегней, были погашены все огни, двигались в полной тьме. Полугили указание не курить, не жегь спигки, если кто увидит трассеры - доложить пилоту. Добрались благополугно до Ханкалы. Сразу погувствовалось, гто это другой мир, в котором царит дух войны. Едем в темноте, навстрегу БМРы, танки, блокпосты. Ребята в окопах, охрана. В гасти охрана около каждой палатки. Предупредили: где темно - не лезьте. За гастью - минные поля.

3 апреля. Подъем в 6.00. На скорую руку умылись, пригесались. Пошли на молитву. Завтракать не стали. С утра работали в храме. Облагали престол, жертвенник. В принципе в храме есть все, даже миро.

В 10.00 приходили отцы из соседней бригады (г. Мула). В 11.00 командующий награждал бойцов. Мне тоже сказали выступить, тто и было сделано. После обеда будет молебен с водосвятием. Фотографировали командующего. Все время над землей низко летали вертолеты.

В 14.00 благословляли бойцов на боевое дежурство. Командующий сказал, тто одной молитвы мало, надо окроплять святой водой бойцов и технику. Сделаем. Все в первый раз. Небольшая растерянность. Здесь все по-другому. Завтра будем служить. Посмотрим, тто полугится. Колокол установлен. Офицер сказал, тто солдаты рады тому, тто мы привезли.

Встрегался с "Витязем". Ребята из Москвы. Рассказывали о дежурстве в Трозном. Что касается референдума в Чегне, говорят, гто воевики спускаются с гор, полугают корогки милиции и ходят с оружием. Поведение вызывающее. Сильное напряжение. Парни тренируются. Была исповедь. В штабе у "Витязя" икона архистратига Михаила, писанная, огень красивая.

<u>Дополнение.</u> В храме отень мало икон. Молько иконостас. Поэтому пришлось подумать, как добавить икон. Сам храм пришлось перетягивать - просел потолок.

В храм заходил командующий. Лигно проверил, одобрил, сказал: "Хорошо. Молитесь, трудитесь". В слугае любых проблем велел обращаться к замполиту. И действительно, проблем с помощью не было никогда. Даже пол предлагали мыть в храме, но я отказался, прибирались своими силами. Сам замполит иногда работал в храме. В этом смысле он был молодец, настоящий спецназовец,

Но главное - это понимание со стороны командующего необходимости присутствия священника в войсках. О важности этого он говорил, выступая перед отрядом примерно в таких словах: пока есть священник, жертв нет или они минимальны, уезжает священник - у нас жертвы, готовим гробы.

А вообще, это здорово, тто у нас есть храм. Отцы из других гастей заходили и восхищались этому. Не так уж много их там.

4 апреля. Подъем в 6.00. Все нормально. Помолились. В храме холодно. Повесили все иконы. Сделали лавку и панихидный стол. Приводили в порядок храм.

Интересное наблюдение: офицеры отень любят храм и, если кто-то не так в нем себя ведет, сокрушаются по-своему. Никто не разговаривает, но все наблюдают, что, где, как.

Спим по 6 часов. На стене висит распорядок, но все идет спокойно. Молько одно постоянно: вертолеты, они кружат весь день. Выматывает как-то такая жизнь, но привыкаем.

Приходили монахи из Мроице-Сергиевой лавры. Помолимся и поисповедуемся.

Велика милость Христа и нам. Просто гудо: помыслил, и тут же Тосподь ответил. Стали ходить люди, спрашивают иконы. Низнь идет своим гередом. Работает дизель. Ощущение, гто на пароходе. Читать не полугается. Парни играют в футбол. Интересно, как на улице уже темно. День пролетел стремглав.

<u>Дополнение.</u> Монахи без страха ходят по всей Чегне, даже забираются в горы. Не разговоргивы, без тени эгоизма.

Легко отлигить верующего геловека от не огень верующего. Первый спрашивает, где поставить свегку, а второй достает из кармана и нагинает показывать иконки, которые дала ему жена или мать. Прямо как фотографии детей.

Ризическая подготовка бойцов на уровне. Каждое воскресенье у них спортивные мероприятия, в которых участвуют все, включая командира. Особенно самозаввенно сражаются в футбол. Ребята тренированные, растянутые, поэтому футбол получался с элементами акробатики. А еще в воскресный день на полную мощность включали музыку, так что мы даже молиться не могли. Макая у них разрядка.

5 апреля. Подъем в 6.00. Звонили в колокол. Отслужили панихиду, после обеда освящение воды. Окропили храм и несколько палаток. Прибили иконы на входы. В 22.00 будет молиться с монахами. Прилетели журавли - много. Два огромных клина заняли потти все небо. Нагал гитать Брянганинова.

6 апреля. Встали в 8.00. позавтракали. Молились до 15.30. Первая литургия далась тяжело. Поисповедовался. Макое ощущение, гто со мной служат ангелы. Все тихо, спокойно. Съездил в 42 дивизию. Поймали на улице люди из гасти: женщина хогет окрестить ребенка. Заодно и освятил квартиру. Видел Трозный: все разрушено, куга сгоревшей техники. Дороги ужасные.

7 апреля. Сегодня Благовещение. Отслужили литургию. Послужили хорошо. Ходили к телябинцам, познакомились. Проходили мимо разбитых БМРов: взорванный боезапас, куга патронов разорванных, ленты от пулеметов.

Приходили танкисты, 5 теловек, дали им иконки "Неопалимая купина". Сегодня придут на крещение. Вегером молились. Молебен отслужили в 22.30. Ходили к парням в госпиталь, поговорили. Тосподи, спаси и сохрани.

<u>Donoлнение:</u> гелябинцы встретили огень хорошо. Подарили им икону Николая Чудотворца. Они были огень рады. Спросили сразу, куда повесить. Сказал им повесить в штабе, над картой. Потом заходил посмотреть: икона висит выше всех, даже флага. Угелябинцев это была первая командировка.

Отень хороший контакт с танкистами. Командир у них отень молодой, натуральный славянин, светловолосый, голубоглазый. Обещал помоть в любое время, в любом месте. Всегда давал бойцов.

Полезным было общение с солдатами в госпитале. Некоторые из них впервые видели так близко священника и общались с ним. Потом они будут приводить солдат из своих гастей.

8 апреля. Встали в 7.00. Пригастили больных. Позавтракали. До обеда особых дел не было.

В 18.00 встретились с телябинским спецназом. Товорили где-то минут 45 о кресте и крестном знамени. Челябинцы рады. Поужинали с офицерами. Офицеры - мои одногодки или младше

Не используется потенциал проповеди. Это плохо. Крестились из гасти двое и танкисты. Завтра пойдем освящать гасть танкистов. Интересный парень - сержант: уходит и просит влагословения. Здесь все по-иному: есть такая искренняя вера, гто далеко нам всем, особенно мне. Исповедь - прошла хорошо. Деды лютуют. Утешил, как смог. Замполит недопонимает меня. Я ему говорю: "Давай буду работать с лигным составом". А он к моему предложению отнесся с прохладцей.

Помолились вегером и спать.

<u>Дополнение</u>. Замполит огень хорошо помогал. Он хороший воевой офицер спецнаговец, но в нем не чувствовалось предрасположенности к воспитательной работе.

Другое дело замполит телябинцев. Послушал однажды мою проповедь и буквально потребовал, ттобы я к ним приходил каждый день с проповедью.

9 апреля. Встали в 5.50. Умылись и ушли к гелябинцам на благословение в патрулирование. Сотворили молитву, окропили святой водой.

Помолились в храме.

В 15.00 крестились гелябинцы.

В 18.00 беседовал с солдатами. Затем исповедь "Витязей". Сделали кропило из гильзы.

<u>Dononnenue.</u> Благословление выглядело так. Командир гасти строил лигный состав и ставил им боевую задагу на патрулирование. Потом говорил: "Батюшка! Вам слово". Я говорю: "Давайте, братья, помолимся и попросим благословения Божиего". Солдаты снимали шапки. Я гитал молитву, осенял их крестом, проходя вдоль строя кропил святой водой. Пока они садились на БМРы, я выходил к КММ и окроплял проезжавшие БМРы.

В этот же день была встрега с генерал-лейтенантом Абрашиным Е.Е., командующим группировкой внутренних войск МВД в Чегенской республике. Он встретил меня монашеским приветствием. Интересовался, как дела, какая нужна помощь. Ему мы подарили икону Божией Матери "Утопи моя пегали".

10 апреля. Подъем в 6.00. Сходили на молитву. Завтрак. Съездил в 42-ю дивизию. Пока ехал в городок, и проезжал мимо блокпостов. Приходили из штаба: хотят строить гасовню. Будем помогать.

Ходили к челябинцам проповедовать.

Ужин.

<u>Dополнение</u>. Из штаба внутренних войск приходил майор Пономарев. Он сказал, тто генерал Абрашин растрогался и решил строить гасовню. Для этого есть новая палатка, тто нужно для ее оснащения? Все отень тщательно, до мельтайших подробностей, записал.

11 апреля. 8.30-совершил молебен в "Витязе". Была вся гасть. Помолились, окропили всех солдат. Интересный отряд: головы бреют, а бороды носят. Сфотографировались. До обеда молились в храме.

Obeg & 15.00

Вегером вогослужение.

18.00-проповедь на тему: "Крест Христов"

Ужин, затем крещение. Было восемь геловек прихожан. Поговорили, помолились и отбой.

<u> Дополнение</u>. С "Витазем" сложились огень хорошие, дружеские отношения.

Отень религиозный народ. У них есть, семинарист Игорь. Парень угился в семинарии. Оставил ее, хогет заработать краповый берет, и снова вернутся, и стать священником.

12 апреля. 6.30 - литургия.

Позавтракали в келье. Потом отдохнули.

Обед. Поговорили с бойцами.

В 15.00-вегернее богослужение.

Поговорили с о. Зотиком. Рассказал о бойцах. Мяжко живут. Солдат в частях не хватает. Сменяются герез сутки в наряде.

Скоро ужин. Прогитаем вегернее правило и ко пригастию.

Все тегет обычно. Челябинцы сворагиваются.

Некоторые части выводат в горы.

13 апреля. Встали за тас до подъема в 6.00 и отправились молиться. Литургия прошла хорошо. "Было 15 причастников, в основном "Витязь". Молятся парни.

Позавтракали. Все в части отдыхают, играют в футбол влесте с командиром части.

Решили после обеда сходить на аэродром, что и сделали. Шли долго. Проходили мимо склада разбитой военной техники. Познакомились с группой вожатых собак - минеров. Дошли до аэродрома.

Странно: как бы война, военный аэродром, а мы без провлем везде прошли. Охрана посмотрит и дальше своими делами занимается. Мы к ним сами подошли спросить, как пройти к командирам.

Ребята рады. Подарили им иконы. Все, друзья. Пришли к командиру. Подарили икону, раскланялись, пошли. Видели сбитый вертолет МИ - 8 "Корова". Огромный парк вертолетов. Идем обратно. Выходит толпа пилотов, мужики 35 - 40 лет. Кригат: "Батюшка, помажь нас!". Обступили и ждут от нас гто-нибудь. Унас всегда иконы с собой. Разобрали быстро. Не встретишь такой веры на материке, как здесь. Поговорили. Потом фото на память. Поснимали вертолеты на посадке.

Стали приходить парни, которые пригащались. Боец пришел в тяжелой

стадии уныния. Поисповедовался, пригастился. Вегером светится: "Батюшка, у меня все хорошо, душа спокойна, в руках все горит, я снова живу".

Помолились, поговорили с Теоргием о Боге и спать.

<u>Дополнение.</u> Летгики - из гисла тех, кто не пропустит священника. Спрашивают: "Батюшка! Вы вертолеты пришли освящать?" Я им: "Нет, к вам придут монахи". Они: "А где мы будем?".

14 апреля. Подъем в 5.55. Умылись, и провожать гелябинцев домой. Отслужили молебен, окропили святой водой и в путь. Попрощались с командирами. Слава Богу.

Завтрак. Приборка в храме.

Были свидетелями утреннего развода. Сходили к собаководам, подарили иконы.

Ездили за водой. По дороге снимали колонны танков. Пытался снимать блокпост. Чуть не арестовали: нельзя снимать.

Вечером помолились. Пришли разведчики. Все помолились, поисповедовались и отбой.

15 апреля. Встали в 4.45. Пошли в храм.

5.00 - пригастили бойцов. Они сдавали на береты. Здесь огень сильная вера, на материке такого нет. Люди благословляются, целуют руку. Бились зеленые береты в кровь, одному сломали нос, но все рады.

Освящали центр спутниковой связи.

Командующий делает гасовню, полугается здорово. Здесь все по-другому.

Поисповедовался у монаха. Это то-то интересное: он молится, прося Бога от исповеди искренней и странно, из глубины поднимается все и исходит на свет Божий.

После обеда пойдем на молитву.

<u>Дополнение</u>. Молитвенное правило старались выгитать до ужина, гтобы вегер оставался для общения с солдатами.

16 апреля. Подъем как обычно. Приходили на крещение, но было перенесено. Весь день в ожидании. Это самое неприятное.

<u>Дополнение</u>. Ожидались поездки в Моздок за утварью для гасовни.

17 апреля. Весь день прошел в режиме ожидания.

18 апреля. Приходили из группировки. Строят гасовню. Делают быстро и качественно.

Вегером отслужили и все.

19 апреля. Подъем в 6.00

6.30 - литургия

Отдыхали

В 15.00-вегернее богослужение.

Скоро на ужин и вегернее правило.

Крещение.

B 21.30 - omboŭ.

Весь день за забором взрывали тротил. Спать было невозможно, все ходило ходуном от взрывов. Здесь постоянно то - то взрывают и стреляют.

20 апреля. Воскресная литургия. Пригастие.

Ндали до обеда, выдвинулись на аэродром. Погрузка и вылет на вертолете. Кружили долго. Фотографировать запрещено, можно только описать. В кабине два пулеметтика и автоматтик. Летели на низкой высоте. Взлетали только, ттобы перескогить провода, а затем снова вниз. Много маневров. Самое опасное здесь летать на вертолете. Как говорят "здесь "rexu" из шайтан-трубы стреляют". Подарил икону "Покрова" - солдат был рад. Остановка в Трозном в аэропорту "Северный". Картина удругающая: все разбито. Дозаправка и снова летим. Прикрытие постоянно с нами - военный вертолет.

Могдок. Встрегают. В гасть. Поужинали и отбой.

21 апреля. Встали, тто-то поели. Поехали в Моздокский храм. Насторожило, тто храм армянский. Потом узнали, тто он передан православным. Батюшка служит с 1979 года. Дал немного икон и три лампады. Немного походили по Осетии. Борта нет. Сидим до завтра. 22 апреля. Сходили на завтрак.

Думали все, вылетаем. Уже ехали на аэродром, нас заворагивают прямо у вертолета и сажают на бронепоезд. Нагинается мука в 9 гасов. Ехать 100 км, но мы едем целый день. Впереди идет разведка - саперы. Кругом все разбито: танки сгоревшие, поезда, дома исстрелянные - ну просто музей военных действий. Что могли, фотографировали. Вертолеты кружили постоянно. Война здесь, везде стреляют. "Чехи", дети "rexoв" - тоже боевики. Выбегают с гранатометом, стреляют и убегают. Все в бронежилетах, у всех автоматы.

Приехали в расположение - и как дома. Здесь быстро привыкаешь к военным действиям. Везде с тобой охрана - люди с оружием. Приехали в Осетию - мирная жизнь. Вышли и не хватает гего - то: охраны нет.

Отдыхаем сейгас в палатке.

Завтра займемся гасовней.

23 апреля. Ногь была ненормальной. Музыка, фильмы, жар в ноги от буржуйки. Смиряемся. Здесь хорошая школа смирения. Теоргий, как сфинкс, молгит и от этого становится еще веселей. Больше молгишь, гем говоришь. Сдругой стороны привыкаешь не обращать внимание на внешние раздражители. Стал заметать, гто в последнее время устал говорить впустую о вере и других осаживать буду. Устал от них, каждый норовит сказать витиеватей. Пока ехали на бронепоезде, замполит пытался говорить о божественном. Пришлось сказать, гто православие - это вера действий, а не угилище ораторов. Нагальник награданого отдела захотел церковных наград для отряда. Он не понимает, гто церковная награда дается за преданность Богу, а не за преданность себялюбию и гордыни.

24 апреля. Подъем в 6.30. Литургия.

Сегодня будем доделывать гасовню.

После обеда ездили в Трозный с ребятами из ФСБ. Они без знаков различия, неизвестно кто они и что. Выехали из расположения и поехали в Трозный. Проезжали множество блокпостов. Везде заградительные отряды. Подъезжаем к городу. Все разбито. Дома или наполовину, или совсем взорваны. Тород - руины. От храма остались одни стены. Колокол оплавился - в него попал кумулятивный заряд.

Познакомился с отцом Назарием. Он постоянно в Трозном, уже две кампании. Ходили в гасть ВДВ, познакомился с отцом Василием. Здесь уже второй раз. Крестили летгиков.

Дополнение. Отец Василий - выпускник МТУ, сам бывший десантник. Отень сильное впетатление произвел настоятель храма г. Трозного отец Назарий. Отень сильная у него вера. Отень хорошо молится. "Тосподи, сделай меня таким, каким хотешь видеть" - эту молитву он тасто повторяет. Меперь и я тоже. Нивет в простом щитовом домике, который легко можно прострелить из пистолета. Уезжать из Четни не собирается.

А вообще тетенские батюшки какие-то особенные. Иные будто у них порох вместо крови.

25 апреля. Подъём. Помолились, позавтракали. Отправились делать гасовню. До двенадцати всё сделали. Сегодня было освещение гасовни. Прошло слава Богу. Помолились, открыли. Народу было много.

Пришли в храм. Позвали посетить другой отряд. Когда возвращались, нас остановил подполковник и попросил помощи в устройстве гасовни.

Помогли, тем смогли.

Крещение.

Корейцы попросили отслужить панихиду.

Завтра в Трозный.

26 апреля. Позавтракали и герез два гаса выехали в Трозный. Ехал на спецмашине. Нас провожал командующий. С нами поехал о.Василий. Доехали хорошо, без проблем. Встретил нас о. Назарий. В 15.00 была служба. Служить нужно только днём: вегером снайперы стреляют. Нас охранял спецназ: это в храме. Снаружи - гегенские милиционеры, похоже, бывшие боевики. Пока они стояли, к ним подъезжали странные бородатые люди, обнимались, спрашивали о гём-то и уезжали.

Ходили крестным ходом. Вышли за ворота храма. По улице нужно было пройти 100 метров. Цепью расположились солдаты. Проезжающие машины с тегенами увидев нас, стали сигналить и орать на местном нарегии. Все отслужили и пошли домой. В комнате, где отдыхали, свет не вклюгали: в 500 метрах отлигная тогка для

снайпера. Помолились. Наступила ногь.

Сотцом Нагарием поговорили о многом. "Что-то не стреляют. Это плохо, - скагал о. Нагарий, - ну не могу уснуть, если нет стрельбы". После гаса ноги стали стрелять за воротами храма. Снагала стреляли из автоматов, потом из гранатомётов. Потом стали ломиться в храм. К утру вроде успокоились. С нами был майор - погти всю ногь у окна с автоматом просидел.

27 апреля. Пасха. Утром вычитали молитвы. Народу много, и это при условии, тто русских убивали, многие уехали. Но кто остался, им очень тяжело. Очень они бесправны. О. Назарий - последняя надежда у них. Пошёл на исповедь. Это что-то! Исповедуется молодой парень: "Избивают нас, убили знакомых, похоронили, а "чехи" заминировали кладбище". Бабушка: "Нас окружили чечены и стали стрелять в наш дом из автоматов, а затем стали забрасывать гранатами. Молько Тосподь спас". Приходит уже старик: "Батюшка, я был два раза в заложниках". Другие говорить не могут - плачут. Служба для них - гораздо большее, чем для нас, клирос поёт и плачет. И это всё под охраной. Солдаты смотрят во все глаза.

В квартале от нас подорвались трое ребят. Все ждут третью войну, самую

страшную.

Отслужили, поздравили, посидели - и в часть. Здесь всех поздравили и нас тоже поздравил командующий. Мне он вручил медаль "За отличие в воинской службе" 2 степени.

Были у "Витязей". Сними огень сильно подружились.

Описав все по дням, дерзну сделать общие выводы о командировке в Чегню.

- 1. Устня дает нам образцы искренней и глубокой веры, какую мне, грешному, раньше не приходилось видеть, разве то у монахов. У наших христолюбивых воинов она как бы детская, поэтому трогательная и искренняя. Урусских жителей Чегни вера выстраданная. Церковь для них - единственное прибежище, лишившись которого они утратят ядро геловегеской лигности. Униженные, исстрадавшиеся, только в вере они находят источник духовных сил. Поэтому так обыденно звучит у них на самом деле трагическая фраза, которую они произносят, расходясь после богослужения: "Нива буду, завтра приду". Сейгас в Чегне принята конституция, готовится договор о разграничении полномочий. Получит ли гарантии безопасности русское население, обеспечит ли местная милиция условия существования православных? Между тем, где имеется сколь бы то ни было компактное проживание русских, там должно обеспечить функционирование православного храма, или хотя бы присутствие православного священника. Уто удивительно, разного рода правозащитники везде, особенно на международном уровне, кригат о нарушении прав геловека в Чегне, имея в виду гегенцев. Но никто из них никогда и слова не замолвит о правах русских в Чегне. Поэтому этот вопрос должна ставить и держать на контроле Православная Церковь.
- 2. Укрепился в убеждении, то священник в армии крайне необходим. Необходим повседневно, и безоговорогно в горятих тогках. Во-первых, это в духе российских традиций, когда мать Церковь окормляет христолюбивое воинство. Вовторых, это улутшает состояние боевого духа и микроклимата в воинском коллективе, способствует нравственному оздоровлению, помогает солдату адекватно воспринимать действительность и осознавать свой воинский долг. Задата эта не посильна бывшим замполитам, заместителям командира по воспитательной работе. Низка эффективность и вводимых ныне в силовых структурах военных психологов. Единственная здесь альтернатива военный священник, который этой работой занимается профессионально и по призванию. Со скорбью должен признать, тто деятельность священника наездами малоэффективна. Сам, к сожалению, в этом убедился. Другое дело, если пастырь этому отдает себя без остатка. Хорошо в этой работе показывают себя батюшки, знакомые с армией, сами бывшие военные. Может в духовных семинарах и угилищах создавать группы военных священников.

26 марта. Идет погрузка гуманитарного груза для отправки в Чегню. Пожертвования собирали всем миром. Особенно много приходило от матерей, дети которых погибли за две компании на Северном Кавказе.

2 апреля, 13.00. Военный аэродром в Кольцово, за 40 минут до вылета в Моздок. Идет погрузка пожертвований Екатеринбургской епархии на ворт UЛ-76.

Командующий УРВО генерал-лейтенант Романов Владимир Ивановиг поздравляет с днем Внутренних войск в/г. 6748. Поблагодарив всех за верную службу, вспомнил и о погибших.

Слово было предоставлено мне. Состоялось первое знакомство с отрядом. Я передал слова матерей к солдатам и офицерам: они просили их вернуться живыми.

Командующий УРВО награждает бойцов боевыми орденами и медалями, именным холодным оружиём.

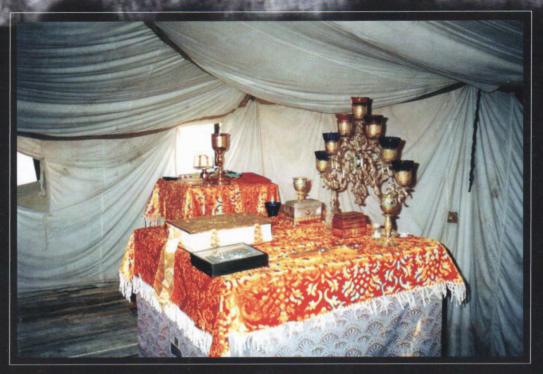
Приехавшие с нами артисты исполняли песни тегенской и афганских войн. Они сами - воевавшие офицеры. На снимке - восстановленный музыкальный инструмент казаков, побывавший во многих походах.

Ханкала, пригород Трозного. Палатогный храм в гесть Александра Невского в расположении 12-го отряда спецназа.

Иконостас храма Александра Невского.

Алтарь храма Александра Невского.

Работа с лигным составом, убранство храма лежит на плегах замполита подполковника Руденко В.А. - настоящий "краповик", за то бы ни взялся все полугается в лугшем виде. На фото слева направо: замполит Руденко,

Сразу после поздравления отряд заступил на боевое дежурство. Командующий УРВО и командир 12-го отряда.

Благословение на спецоперацию, окрапление святой водой войцов и вронетехники-это закон. На Кавказе не надо доказывать, то это пологает.

Колонна уходит в Трозный.

Крещенская купель и водосвятная гаша. Выходили из положения как могли. Все крещения проходили отень благодатно.

Крещения шли каждый день, порой не один раз в сутки, солдаты вместе с офицерами принимали святое таинство.

Нуждающихся было много, приходили из разных гастей.

Рота разведчиков. Первые исповедники и причастники.

Местные жители, кто желал, все могли прийти и принять православие.

T оспиталь. Работа с личным составом проводится везде.

Часто собирались в палатке и беседовали о самом сокровенном, тто отень блигко каждому.

На беседе о кресте господнем присутствовало 20 человек.

Спецнаг ФСБ г. Трозный. Крещение единственного некрещеного офицера из их группы в день его рождения. Они спустились с гор именно за этим и привезли меня в Трозный.

Спецназ Москвы "Витязи". Перед спецоперацией - молебен "Архистратигу Михайлу" и тение Евангелия. Присутствовало около 100 геловек. Потребность в священнике там большая, приглашали везде.

Отправка "Витязей" на спецоперацию.

Освящение станции космитеской связи в ставке командующего. Прежде тем мы попали туда, нас 30 минут проверяли на КИИ.

Группа материального обеспечения, парни работают очень много трудячи

6.00 - вся гасть бегает в бронежилетах. Днем - тактигеские угения. Ни на один день не прерываются тренировки нашего спецнага.

Солдатское братство - оно здесь везде. Обкатка бойцов в рукопашном бою. Инструктора обугают приемам ведения ближнего боя.

Угебное поле с образцами фугасов.

Знакомство с генерал-лейтенантом Абрашиным Е.Е. командующим ТВВ МВДРФ в СКР. Подаренная икона "Утоли моя пегали" 19го века от нашего отряда привела к решению об открытии гасовни в гесть

Аэропорт "Северный" г. Трозный. Для создания часовни потребовалось много утвари. И нас отправили в Моздок на поиски лампад и икон. Охрана и помощь была оказана майором Иономаревым (справа).

г. Моздок, православный храм, о. Василий и о. Борис пожертвовали лампады и иконы в гасовню. В центре-икона Божией матери "Моздокския".

Вокзал Могдока. Посадка на бронепоезд Могдок Ханкала.

Здесь война, и все этим дышит. Раньше только слышал о бронепоездах, а ныне сподобился быть на нем.

На каждом вагоне стоит множество антенн, глушащих радиогастоты фугасов.

В Чегне нет транспорта безопасного. В Тудермесе видели подорванный вагон от бронепоезда "Козьма Минин".

На протяжении всего пути следования поезда стоят заслоны из крупнокалиберных пулеметов.

В небе постоянно барражируют вертолеты прикрытия.

Охрана переправ.

Uz купе выходить не позволено, стреляют. В тамбуре всегда оружие и открыты два окна. Нас заставляли одевать бронежилеты.

Страстная пятница, 25 апреля, 13.00 г. Открытие гасовни в гесть Великомугеника Теоргия Победоносца. В центре генерал-лейтенант Абрашин Е.Е., о. Теоргий и пономарь.

Молебен на освящении. Присутствует весь штаб.

Внутренний вид гасовни. Эту гасовню строили наши ребята из 12-го отряда.

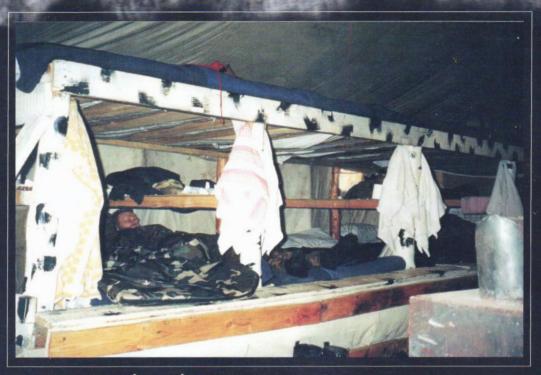
Благословение в дорогу домой гелябинского спецназа.

Вертолетчики. Военный аэродром Ханкала.

Ханкала. Военный аэродром.

Ноглег мы проводили вместе с солдатами, и это огень нас сроднило.

Справа на лево: генерал-лейтенант Абрашин Е.Е., о. Теоргий, семинарист Василий, о. Василий, полковник Скворцов Н. П. Отправка в Трозный на службу, передвижение на броне.

Грозный - город в руинах. Чегенская милиция.

Грозный. Все, то осталось от храма "Архистратиг Михаил".

Единственный оставшийся колокол. Его расплавило попаданием кумуля-тивного снаряда.

Алтарь и кресты с куполов, исковерканные отнем. Слева направо: о.Василий, о. Назарий, о. Теоргий.

Ханкала. Кладбище танков.

Охрана храма (его обстреляли за три дня до Пасхи).

Крестный ход на Масху. Дороги перекрыли, спецнаговцы в боевом порядке все оцепили. Нас хранил Тосподь.

Исповедь под лестницей сторевшего церковного здания. Везде разруха.

Великий вход в крестильном храме.

Пригастие. Тенерал-лейтенант Абрашин Е.Е.

Ирихожане храма, все они исповедники Христовы. Их лица и глаза... - таких я еще не встречал.

В канун Пасхи была обретена икона Трозненского храма "Неувядаемый цвет", украденная 20 лет назад. На фото генерал-лейтенант Абрашин Е.Е., о. Назарий, министр МВД Чегни, остальных не представили.

Фото на память, церковный причет, комендант Трозного и наша охрана.

Пасха и освящение кулитей у "Витязей".

Отправка домой о. Теоргий, замполит, пономарь Теоргий.

3. Следует поднять уровень духовного и патриотического воспитания подрастающего поколения, особенно мальчиков. Макой пример, увы, дает нам противная сторона - гетенцы. У них отень тетко обознатена воспитательная цель. Для мальчика - стать воином. "Мы - воин!" - говорят ему при каждом случае, - Это твоя земля, ты должен защищать ее". Он вырастает и становится воином для них, и воевиком - против нас. Имея такую цель, он не курит, не пьет, не употребляет наркотики.

Наши воспитательные цели размыты. Кого хотим воспитать? В теории всесторонне развитую, гармоничную личность. Как это выглядит на практике, все мы видим. Хорошего мало.

Под предлогом того, тто церковь отделена от государства, православные священники лишены возможности влиять на воспитательный процесс. Даже курс "Основы православной культуры" так и не введен в школах. Удивительно, но даже такой апологет православия, как дьякон А. Кураев говорит о добровольности этого изучения. Более тем странная позиция. Вот мы во всем копируем Америку, она для нас идеал для подражания. Давайте будем последовательны: там изучение религии-обязательный предмет. И это правильно. И у нас должно так быть. Нивешь в России-знай религию, которая сформировала душу русского народа. А поклоны бить тебя никто не заставляет. Не хотешь-не верь, но знай.

Чегня - это большое испытание для нашего народа. Это крест, который Тосподь взвалил на нас для нашего же вразумления. Чегня воцерковила армию. Инаге генералы в штабах, не бывшие на войне, тоже рассуждали бы об отделении церкви и государства.

Меперь необходимо воцерковить подрастающее поколение. Нужно формировать общественное мнение о необходимости изучения в школе основ православной культуры или основ православия. Необходимо добиваться изменение в законе об образовании, с тем чтобы хоты бы с согласия родителей эти предметы можно было в школе изучать.

Даст Бог, уврагуется язва на теле России, название которой - Чегня.

СИРИЯ

Максим ЗЯЗЕВ

В АРМИИ ВСЕ МАСКИ ОБНУЛЯЮТСЯ

Родился 17 ноября 1992 года в Качканаре. Окончил школу №6. После 11 класса пошёл учиться в горный университет – получать первое высшее образование. С 3-го курса пошёл на второе высшее образование: экономика управления предприятия. После окончания Горного университета и УрФУ добровольно пошёл в армию. Хотел сразу пойти после диплома, но там был уже июльский призыв, а я не захотел на последних порах идти. Мне тогда было 22 года. Решил летом отдохнуть, попутешествовать немножко, в сентябре поработаю и уже в октябре пойду в армию. Пошёл в наш местный военкомат, подал необходимые документы, и в октябре 2014 года мне дали повестку. Перспектива – в сухопутные войска. Меня это не устроило. Поговорил с сотрудниками, что хочу в Севастополь попасть. Получил «добро» на поездку туда.

После распределительного центра в Егоршино прилетели в Севастополь. По жизни больше я склоняюсь к интуиции, своему внутреннему ощущению, что душа подсказывает. Полагаясь на это, я стал читать. Морская пехота – интересные войска, где много можно что посмотреть, изучить интересного и любопытного. И я попросился в морскую пехоту. Там, чтобы куда-то пробиться, нужно на своём стоять. Когда попал в морскую пехоту, попросился в разведку.

Когда у нас был курс молодого бойца (две недели буквально), были бесконечные беседы с психологами: смотрели, кто куда годится. Слух ходил, что в разведку не набирают призывников – там одни контрактники. Но я принял решение: твёрдо буду стоять на своём. В воинской части был актовый зал, было много народа, и ходила женщина-психолог, смотрела в глаза, не знаю, каким методом выбирала. Подошла ко мне и спросила: кто, откуда, где хотел бы служить. Я сказал. Она: у тебя есть такая возможность. У неё муж оказался майор, командир этой самой роты (позднее он погиб, к сожалению) И он со мной проводил собеседование. Такой мужчина здоровый, крепкий, реально военный, военной закалки. Чечню прошёл. Он предложил служить у него в роте. Попробовать. Но предупредил, что от него и мастера спорта бегут.

Закончился курс молодого бойца, и нас перевели в роту разведки. И вот началась «веселуха». Часть была показательной, достаточно серьёзной. Это была 810-я отдельная бригада морской пехоты. Располагалась в Казачьей бухте. Во всей части не было дедовщины, у нас – была. Проявлялась она во многом. Рота состояла на 70% из контрактников, на 30 – из срочников. Старослужащие сказали: это ваш дом на год. Не будем тут ругаться из-за уборки туалетов, приборки. Мы прожили то же самое, попробуйте это вытерпеть, перенести все тяготы и лишения. Сам старослужащий взял тряпку и помыл туалет абсолютно спокойно. Сразу скажу, молодых нас перевели 12 человек, через две недели осталось 8. Пятеро не выдержали и написали рапорта об уходе в другую роту.

Распорядок дня. Подъём в 6 часов, заправляем кровати. За порядком очень сильно следили в этой роте. Одеваемся в спортивные костюмы (у нас были спортивные костюмы: футболки, шапочки) и бежим на улицу, начинается зарядка. У нас был «вожак» нашего коллектива – старослужащий, мастер спорта по боксу. Мы бежали в бешеном темпе вокруг части, потом делали всякие упражнения. Бежали 8-10 кругов. Со второго круга уже начинаешь терять сознание. У нас такой братский коллектив был, кто не тянет – того хватали и тащили. Я первое время вообще не тянул, но из зарядки в зарядку наращивал, потом полегче стало. Прибегаем с зарядки. Берем с парнями швабры, тряпки и полностью начинаем роту замывать. До построения на завтрак всё должны прибрать, умыться, погладиться – всё делалось в быстром темпе. Иногда не успевали, за что прилетало, но со временем стали укладываться.

Расположение выглядело так. Заходишь в казарму – влево-вправо метров по семь «взлётка» – у нас нельзя по ней ходить – только бегать. Слева стояли кровати – только одноярусные. Справа стояли ящики на каждого бойца. Там были разгрузки, каски, обмундирование. Справа же был мини-спортзал. Мы там занимались боксом. Ну, и впереди – телевизор, чтобы вечером новости смотреть. Туалет с двумя душевыми кабинками, раковины, умывальники. Недалеко от ленкомнаты гладилка и сушилка. Офицерская комната. Когда входишь в казарму – комната майора

Строились на завтрак. Впереди барабанщик. Пошли в столовую. Всё асфальтировано, всё здорово. Часть идеально чистая.

Под барабан идём в столовую, чётким шагом. Столовая – огромное помещение. Очередь – у нас шведский стол. У разведки были свои столы – подписанные. Стол – на 4 человека. Кормили отменно. На завтрак каша, яйцо, молоко, масло, сыр. Я слышал рассказы

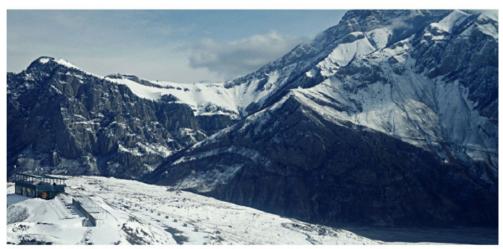
отца, чем они питались – большая разница. Выходили из столовой и шли в казарму – с песней. Песни у нас были серьёзные.

Нам трудные минуты выпадали, Но командир надеялся на нас, Особые задачи выполняли Разведчики десантники полка.

Во всё горло идёшь-орёшь, чтобы вся часть содрогалась, чтобы все слышали – разведка идёт. Потом все шли в ленинскую комнату и начинали учить. У нас в разведке постоянно что-то преподавалось. Постоянно изучалось оружие – оружие было закреплено за каждым. Занятие проводил командир роты, офицер или сержант. Доставал АК или АС, РПГ и рассказывал, что там, как, детально раз-

бирал до винтика – до болтика. Если убъют товарища, ты должен знать его вооружение. У каждого была своя должность: кто пулемётчик, кто стрелок, кто старший разведчик, кто радиотелефонист. Моя специальность – старший разведчик. У меня был РПГ, автомат специальный, автомат Калашникова, броня каска. Готовили нас очень хорошо. Я думал, что в армии после института тупеть начну, но, наоборот, очень многому научился.

У нас была горная подготовка. Практика – мы ходили либо на стадион в части – тактическое занятие, либо за частью. Брали оружие, разгрузку, бронежилет и шли на полигон, также отрабатывали тактику и стрельбу. Стреляли много – больше всех и из разного оружия. Насыщенная была служба. С парашютом только нам не дали попрыгать, потому что у нас не было, к сожалению, парашютной подготовки – из-за просроченных парашютов. В разведке очень суровая служба была, но она нас сильно поменяла – стержень дала. Внутреннюю стойкость. Сплотились. Стали таким коллективом, что друг за друга.

После нового года уехали в командировку на Кавказ, в учебный центр разведки. Этот лагерь расположен в Северной Осетии, в горной местности, в ущелье, в котловине. Там была основательная горная подготовка: альпинизм, ориентирование на горной местности, умение пользоваться картой, умение найти дорогу по звёздам, по солнцу, определить, сколько времени, с помощью одной палки; выживание, как вести себя если попал в засаду. Самое страшное, что может быть на войне, – это засада: из неё трудно выбраться. Учили всему: и стрелять, и ползать. Там самые суровые условия жизни были, которые я прошёл.

На Кавказе по стечению обстоятельств я попал в госпиталь. С Кавказа меня увезли в Севастополь. Внутричерепное давление, кровь постоянно хлестала из носа, голова раскалывалась.

Рота в учебном центре находилась два с половиной месяца, потом вернулась к месту постоянной дислокации. Где-то примерно через месяц из роты стали убирать срочников и комплектовать контрактниками: они должны были отправиться на границу с Украиной. А нас перевели в другую роту, огнемётную. Там был распределительный пункт. Нас уже не трогали, мы там отжимались, качались...

Полтора месяца мы находились в огнемётной роте, но очень хотели попасть в роту антитеррора в нашей же части. Рота антитеррора занималась охраной кораблей при их следовании в разные страны мира. Очень хотелось побывать ещё там. Изо дня в день мы

с парнями просились в эту роту. Потом я ходил договариваться с ротным, на уши ему наседал, чтобы взяли в эту роту. И всё – спустя полтора месяца нас взяли!

Мы пришли туда – нас было 7 человек, и теперь уже начали наседать на командира, чтобы он нас отправил на корабль. Тут такой нюанс: ребята срочники в этой роте ждут по полгода, чтобы на корабль попасть, а мы захотели сразу. Тем не менее через месяц мы туда уехали. Нам пришла командировка, что мы своим составом разведроты идём на Боевой десантный корабль «Николай Фильченков». Дислокация его в Новороссийске.

Изначально нам говорили, что мы в Йемен пойдём. Но это была дезориентация: чтобы мы там по телефону или другим каким-то образом не распространялись. И вот мы пришли на корабль своим составом. Нам сказали, что идём не в Йемен, а в Сирию. Мы удивились. Хотя про Сирию мы ничего особо не знали. Я был отдалён от событий глобальной и локальной политики и не интересовался, что там они воротят в этом мире. Но Сирия мне много о чём рассказала, какие реальные вещи в нашем мире происходят.

Итак, мы попали на корабль. Экипаж, если не ошибаюсь, 78 моряков. Мы такие радостные: думали, нам сейчас дадут каюту, будем там житьпоживать. Но реалии оказадругими. Представьте корабль: вверху палуба, внизу грузовой отсек. Под грузовым отсеком есть носовой десантный кубрик. Вот нас привели в носовой отсек этого кубрика. Когда мы туда зашли, мы просто охерели, у нас челюсти отвисли. Помещение на 80 человек, полумрак. Трёхэтажные железные шконки с железной сеткой. Пол полностью ржавый, в масле, солярке, туалета нет. А это было лето - 9 июня. Духота, запах соляры, и в углу лужа – носовой кубрик подтапливает. Но со временем бытность армейская обжила это место. Оно стало тёплым, уютным, и туда приятно стало зайти. Там мы жили своим коллективом, ничего нам страшного не было. С нами был ещё командир отделения – сначала офицер, потом офицера заменили на сержанта.

Мы пошли на обед. Потолки низкие, коридорчики узкие – всё так непривычно было. А палуба большая – впору футбол играть. Кран погрузочный, пушки. В столовой снова испытали шок. Мы все такие здоровые, под 90 кг, кто больше. И нам дают суп: вода и там плавает немного картошки и лука. Удивились, но съели: естьто хочется. На второй приём пищи была гречка – просто в воде, неразварившаяся, ей хрустеть можно. Как потом выяснилось, корабль загружается продуктами на определённый период времени. Начальник службы снабжения оставлял продукты только для офицерского состава, остальное увозил в Севастополь, там у него был свой магазин. Мы там голодали. Никогда бы не подумал: за копейки обделять солдата! Мы и так много чего не видим.

Нас ввели в курс дела, рассказали что мы, куда мы и зачем мы, своё оружие в камеру хранения оружия сдали – какое за кем закреплено было. Уже в роте я получил должность пулемётчика. У меня был пулемёт ПКМ – такая бандура.

И мы стартанули из порта Новороссийск, вышли в Чёрное, через пролив Босфор Мраморное море, потом Эгейское, и выходили в Средиземное море.

Изначально не очень вводили в курс дела, но когда мы прошли проливы, вышли в Средиземное море и до Сирии оставалась пара дней, у всех был мандраж: там же война, а нам никто ничего не говорит. Потом нас ФСБэшник вывел на палубу и провёл инструктаж «Парни, всё может быть. Нас могут подорвать, на нас могут напасть. Будьте готовы. Патроны в патроннике. Если увидели что-то, заподозрили, не задумывайтесь, применяйте свои умения».

Туда возили «гуманитарную помощь». Но на самом деле всё не так. В Сирии мы приходили в порт Тартус. Первый раз увидел Сирию, сирийцев. Мандраж, конечно, поначалу был. У всех оружие на взводе. Тартус – большой такой портовый комплекс, везде краны, контейнеры для перевозки разных грузов. Дома без окон, без стёкол. Нас разгружала, видимо, местная армия сирийская. Очень бедный народ, одеты, кто во что! Но что мне понравилось – это очень сплочённый народ. Они такие дружные, орали, обнимались. Это помогает им преодолеть напасть, на них свалившуюся, они все воодушевлены происходящим. «Россия, спасибо за помощь». Поначалу нам с ними нельзя было общаться, а потом стали общаться. Я

тогда курил – сигаретами обменивались, деньгами, нашивками – на память. Народ очень приветливый.

Когда приходили в Сирию, в порт, мы спускались на землю и патрулировали местность, пока всё это разгружается. Кто-то стоял на корабле – у кого на корабле позиция, кто патрулировал – так менялись. По 12 часов, бывало, мы ногах. Изнуряло жёстко. Да ещё в экипировке во всей. В Сирии каждый раз мы были два-три дня. На второй день после подъёма играли в футбол – была у нас такая забава. Недалеко было поле футбольное, и мы на нём играли: рота разведки, моряки и командный состав. Поиграем в футбол, искупаемся в море. Море там очень грязное – мусора много. Мы ходили подальше. Наступал вечер – а выгрузка по ночам осуществлялась, мы опять патрулировали.

Экстремальных моментов было два. Один раз были сильные взрывы в городе. Нас сразу на корабль – срочники не должны там быть. И один раз в море Средиземном. Не знаю, что происходило Над нашим кораблём и около прозвучало около семи взрывов. Хаотичные, приглушающие. Какой-то летательный объект был наверху. Тогда тоже «сжалось» немного.

Так 8 раз мы ходили в этот порт Тартус. Невероятные впечатления! Природа красивая. У Средиземного моря цвет потрясающий. Эти рассветы и закаты...

Как уже говорил, сначала мы голодали – первые три месяца. Рыба гниёт с головы. Сменился командир. Новый командир увидел, что едят матросы, вздрючил начальника службы снабжения, и мы стали питаться отменно.

Как у нас была организована служба на корабле? Мы были разделены на тройки. Первая тройка стоит сутки: четыре через четыре. Один человек стоит четыре часа, потом его сменяет другой, и так дальше. Две недели, пока мы ходим по морям, охраняли также командный пункт – главный пост корабля. Отстоял свою смену – следующий день у тебя свободный. В свободный день – читаешь, загораешь, спишь. Первые полгода мы пахали, чтобы получить такую службу.

А вот матросов мне было жалко. На них ездили реально. Они засыпали и просыпались с этими вениками и тряпками, щётками. Хотя пацаны нормальные, мы с ними общались.

Когда приходили из Сирии в Новороссийск – также у нас охрана корабля осуществлялась. Все те же самые обязанности: рота антитеррора подразумевает охрану корабля. Отрабатывали действия при нападении на корабль и др. Стрельбы были в море.

Все удивлялись, как я незнамо откуда попал сюда.

Поначалу всё было скрытно, секретно, но потом на 5-й поход где-то с одного из мостов наш корабль сфотографировали сверху. И какой-то турецкий журналист слил информацию. Невооружённым глазом было видно, что везём. И также у нас один матрос был, он сфоткал погрузку в Новороссийске и выложил в контакте и написал: «Снова в Сирию». Началась шумиха. И это стало отправной точкой признания, что мы ходим в Сирию не только с гуманитарным грузом. Начали ещё больше кораблей фоткать. Стало ясно, что мы принимаем участие в вооружённом конфликте.

В ноябре 2015 года пришёл домой.

Армия мне дала очень много, я не пожалел ни разу, что отслужил. В первую очередь, я понял, что такое настоящая мужская дружба и изнутри, и наизнанку. В армии все маски обнуляются, там ты ровно то, что представляешь собой на самом деле. Я в армию шёл с определёнными целями, мне хотелось всему этому научиться, изучить эту структуру. Пересмотрел свои ценности и жизнь.

СОЛДАТСКИЕ МАДОННЫ

Василий Верхотуров

СЛЕЗЫ НА ПОГОНАХ

Последний отпуск

Рвардии рядовому Константину Дмитриенко дали отпуск. Как раз перед 50-летним юбилеем отца. В марте 1995 года. В полный рост шла война в горных районах Северного Кавказа. В полный рост вставали и шли в бой 19-летние пацаны против сытых, хорошо обученных, оснащенных современнейшим оружием банд мятежников. Побывал в боях и Костя.

- Был у них командир. Строгий такой, никакой мелочи ни в учебных, ни в боевых действиях не допускал и не прощал, вздохнула Людмила Алексеевна, мама Кости.
 Везло тогда Костику с командиром.
- Это не игрушки в войнушку на полигоне, это настоящая война, ребята. А на войне мелочей нет. Без крови, конечно, не обойдется, только мне слезы ваших матерей на моих погонах не нужны. Мне

своих звездочек, пусть и маленьких, хватает, – не уставал внушать командир солдатам.

Как рассказывал рядовой Дмитриенко своей матери, в ночной темноте, продвигаясь на Грозный, головная машина их колонны свернула не на ту дорогу. Заблудились.

Ночевали под каким-то мостом. После долгого марша отдохнули, отъелись. Пока сориентировались, получили новый приказ, попали только на зачистку окраин города.

- Первым иду я, остальные меня прикрывают, командовал старший. И держать ухо востро! Чуть что бей на поражение.
- И знаешь, мама, все остались даже не ранеными, успокаивал Костя Вот, даже отпуск дали. Значит, утихомиривается все.

Вот эти слова Костиного командира: «слезы на погонах» так и застряли навечно у Людмилы Алексеевны в душе.

Отпуск этот выхлопотала мама. Сколько раз переступила через совестливость свою, к скольким людям пришлось обратиться, чтобы отправить в часть телеграмму о якобы тяжелой болезни, в надежде увидеть сына. Не везде встречала взаимопонимание, чаще натыкалась на черствость людей, от которых зависела заверенность телеграммы. И не очень-то надеялась на удачу. И вот однажды, за домашним чаепитием застает ее и любимую девушку солдата, пришедшую привычно в гости, звонок в дверь.

«Кто бы это, вечером-то?» – подумалось обеим. Открыли дверь – никого. Ну, пошутил кто-то или ошибся. И вдруг девушка рванулась на площадку, заверещала, закричала громко. Взлетела на верхний пролет, и уже вместе с любимым солдатом, смеясь и плача, свалились они к маме.

– Я стою и ни слова не могу сказать, ни рукой пошевелить, – переживает то свое состояние снова и снова Людмила Алексеевна. – Не верю сама себе, не верю в это чудо. Как будто душу свою в нем увидела, впрочем, так оно и есть до сих пор. Вся душа моя в нем.

Отпраздновали юбилей отца, закончился отпуск, и снова проводили солдата на службу, к месту дислокации дивизии, под Ленинград. Навсегда, казалось бы, проводили...

Но ведь нет! Живет он и сейчас, живет вместе с нами. Живет в памяти друзей, сокурсников, знакомых и соседей по дому. Живет таким, каким был с самого своего рождения в Качканаре.

Семья Дмитриенко

Приехавшей в Качканар, в этот молодежный уральский городок, технологу по производству керамической и фарфоровой посуды Людмиле Дмитриенко не нашлось работы по специальности. А вот для мастеровитого, добросовестного отца семейства Анатолия дело нашлось. Слесарь, токарь, фрезеровщик, он легко влился он в коллектив УРОКа Качканарского ГОКа.

Была в семье Дмитриенко уже дочь, малолетняя лепетунья Светлана. Устроить в детский сад ребенка тоже было непросто.

- А идите к нам на работу, нянечкой? Тогда и для ребенка место найдем, предложила заведующая одного из детских садов. Посуду мы еще не выпускаем в городе, а вот нужен работник, с детьми способный управляться. У вас глаза хорошие, так что сможете и накормить, и попу вытереть ребятишкам, улыбнулась заведующая. Соглашайтесь, и ребенок будет устроен, и работа есть.
- Ой, чего только не приходилось делать в своей служебной карьере! И нянечкой, потом завхозом, и кастеляншей по совместительству, от рубки мороженого мяса до штопки постельного белья, улыбается мама. Я детей всех, какими бы ни были, как-то душой принимала, как родных. Вот и пошли трудовые будни. Вечером уже поздним приводила полуспящую Светку домой. Раньше всех мы приходили, и уходили последними.

«Неженка»

А потом появился Костик. В самую январскую стужу за окном. Мама была этому рада даже больше, чем отец ребенка. Давно она этого желала. Вся жизнь ее сконцентрировалась в сыночке. Говорят, что от излишней опеки и нежности дети портятся характером. Неоднократно говорил это и отец, приверженец воспитания по-мужски сурового. Называл Костика неженкой, маминым хвостиком. Но не особо препятствовал этому факту, видя их искреннюю духовную неразрывность. Сам вечно пропадал на работе, не считаясь со временем. Жили они тогда не особо уютно, но дружно. Сама эмоциональная обстановка в городке была молодежно-оптимистичной, задорной и жизнерадостной. Какими-то улыбчивыми и солнечными были даже улицы от светящихся глаз прохожих.

В такой романтической социальной среде и рос Костик. Опровергая опасения отца, был парнишкой смышленым, не изнеженным, бойким на слово и на поступки. Все свободное время отдавал спорту. Особенно увлекся футболом. Кипел город. С учебой и поведением в школе, а после и в училище № 87, где директорствовал тогда Владимир Георгиев, проблем не было. Конкурс тогда был в училище большой. И директор после личного собеседования сказал переживающей мамаше: «Слабоват, конечно, парень в учебе, но, судя по характеру, судя по отзывам, усидчив и настойчив. Будет желание – будет хорошим специалистом. А мы вместе с вами будем этому содействовать. Так что зачисляем вашего сына в студенты».

Из любимчика — в изгои

Как-то так получалось, что своим он был в любой группе сверстников. Одни – выпивали, курили, дебоширили и хулиганили – и здесь он умел себя поставить. С другими занимался спортом, общественной работой, всегда готов был поучаствовать и помочь в любом деле.

Никогда ни в чем не мог отказать мастеру-куратору группы. Кто везет, того и припрягают. Порой это вызывало насмешки сокурсников: «Чего это ты так прогибаешься, шестеришь? Наверное, красный диплом заработать хочешь?».

– Да ну вас, пацаны, неудобно же отказать, – отвечал без обиды. – Ну, трудно мне, что ли? И обидеть жалко отказом.

Но однажды все-таки взъелся и Костя. Навешивали они в кабинете шторы. Стоял Костя под потолком на шатких столах и стульях. «Ребята, кому-то надо сходить за стендами», – попросила студентов кураторша. В ответ – молчок. Мнутся нехотя ребята. Кому охота мотаться до учительской и обратно? «Костя, сходи за плакатами», – уверена в безотказности его руководительница. И тут парня прорвало. Неумением организовать работу назвал он такие действия наставницы.

– Ой, каким он стал для педагога этого недисциплинированным, – вспоминает этот случай мама Кости. – То был примером для всех, а то вдруг чуть не изгоем. Огрызается-де, грубит.

Показала характер и Людмила Алексеевна. В беседе с педагогом изумилась: «Надо же, как переменился в одночасье парень! А как другие преподаватели, тоже жалуются? У кого можно узнать?». Вмиг изменила тон жалобщица. Поняла, что мама за своего ребенка душой болеет, что не поступится, пока до сути не дойдет.

Отношения мамы и сына были настоль доверительны и в то же время требовательны, что, убегая на работу, она писала ему записку: «Пропылесось, прибери все, купи хлеба. Будем с папой поздно. Целую, мама». В ответ, если сын задерживался на тренировках или на сцене в училище, лежал на столе отчет: «Маманька, хлеба нету в магазинах нигде, не успел пропылесосить, извини. Целую, мам, пап. Да, мамань, завтра в 6 час. родительское собрание, не забудь. Ваш Костик». Эти записки до сих пор хранятся в семье.

Однако в квартире всегда был порядок, парень был редким аккуратистом.

Дембельский альбом

Живет Костик и в дембельском альбоме, который сама создала, хранит и пересматривает его мама.

– Все эти фотографии он присылал нам в почтовых конвертах, – достает мама Кости буклеты. – Говорил, что приедет и сам все оформит. Красочно и с чеканкой, все, как положено. Не случилось.

По окончании училища работает недолго Костя помощником машиниста, и вот – повестка на службу в армии. Недолгие веселые проводы, гордится мама, что сын солдатом будет, настоящим мужиком станет! На следующий день – вокзал, поезд.

– Несколько наших ребят уезжали этим эшелоном, – вспоминает Людмила Алексеевн. – В том числе и друг Кости Саша Кочегаров, сокурсник Володя Гаранин. Трогается поезд, только набирает скорость, и вдруг стоп! Что такое? Никто не выходит, закрыты двери. Снова трогается – еще и перрон не проехали, и опять остановка. Три раза так было.

И только дома Дмитриенки осознали, что ужинать будут без Кости. Собирая на стол, заливалась слезами мама.

– Да чего ты ревешь? – сердился отец – Меня три года ждала, дождалась же! И сейчас не война.

Но не обманешь материнское сердце. Тем более, что все напряженнее были новости с Северного Кавказа.

А Костя слал ободряющие письма и фотографии: «Мам, фото сохрани. Приеду, дембельский альбом сам сделаю. Живем почти в Ленинграде. Служба не в тягость. Мы тут вместе все. А с Санькой, как сидели за одним столом в «гапухе», так и здесь не расстаемся. Володя тоже рядом».

1020-й в скорбном списке

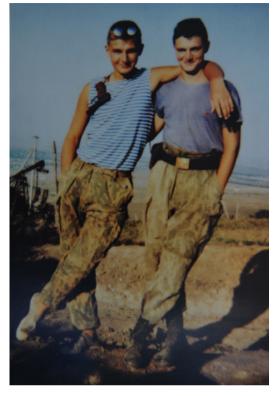
Потом стали реже письма приходить. Опять слезы и ночи бессонные. И вдруг телеграмма! Сын в Ленинграде, просит заказать переговоры с частью.

- Мам, нас отправляют в командировку.
- Куда? Туда же? замерло сердце матери.
- Да, туда, мама. Я сам написал рапорт... и прервалась связь.
- И чего ты опять ревешь, переживает и отец. Мало там ребят? И ничего. Был уже, не бойся раньше времени. Вот ты вечно на работе, Костька придет, я тебе даже не сообщу. Спрячу.

Было письмо из города Гудермес. Прислал и фотографию. Стоят в горах, обстановка спокойная. А по телевизору – новости, одна другой тревожней. Муж и телевизор при жене не включает. Она же, видя кадры с убитыми солдатами, ревет в голос.

– Пусть не Костик это, так все равно чей-то сын! Как вы не понимаете? – отвечает на уговоры родных и соседей. Молилась неустанно, всех ангелов-хранителей просила: «Только уберегите, только бы жив»!

В то утро муж рано уходил на смену. Она закрыла за ним дверь, улеглась рядом с

внуком. А в голове одно – Костя. Мутится почти рассудок. И как-то ни одной молитвы в памяти. И забылась сном тревожным. Вдруг – грохот. Смотрит, а в коридоре как будто насыпь земляная, и три неясных фигуры в густом то ли тумане, то ли в дыму. И одна из них, крайняя, падает. Проснулась. За окном солнце, ясный день. А внутри – будто воздух выпустили – пустота. 13 декабря это было. А на следующее уже утро включает телевизор, а на экране носилки, полностью укрытые.

– Кровавая бойня в Гудермесе. 14 декабря 1995 года при попытке разблокировать комендатуру, железнодорожный вокзал и больницу в захваченном боевиками Гудермесе, колонна 33-й Отдельной Бригады Оперативного Назначения попала в засаду, – комментирует корреспондент.

Паника, истеричное метание по комнатам. Места себе не находит мать солдата. Всячески пытаются ее отвлечь родственники. Затеяли ремонт в квартире сестры, собираются всей родней. Клеят-красят.

Пришел зять:

- Вы чего тут? Быстро к нам домой!

«С чего бы это? – догадки скачут в голове. – Ой, Костик пришел!!!» И вперед мужиков, через сугробы, дороги не разбирая, к дому дочери.

Муж сидит в кресле, свесив голову, судорожно сжав кулаки на коленях. Радостная мать туда сунулась, сюда – нет никого!

– Что случилось-то? – спрашивает всех.

А отец только промычал в ответ хрипло:

- Нету у нас больше сына.
- Как нету? не доходит до сознания матери.

Поняла – и все закаменело внутри холодной глыбой. Равнодушно, не вникая в смысл, прочла телеграмму-похоронку. Там приписка была о Владимире Гаранине.

Домой к себе, в пустую квартиру, шли молча. Вдвоем. У подъезда – толпа ребят, учителей, соседей:

– Теть Люда, не верьте, ошибка это. Не может быть такого. Успокойтесь, мало ли неразберихи кругом!

Да и сама себе твердила с надеждой: «Не верь, не правда, не верь».

– Костя, в тебе вся моя жизнь, в тебе! Дочь люблю, внуков, мужа. Но только живи, родной! – сдерживая рвущуюся душу шептали ее губы. И только тогда поняла свое недавнее видение: она видела смерть сына.

Визжит, как собачонка на удавке, давится воплями. Вызвали «скорую». Поставили ей укол. Чуть успокоившись, просит уколоть и мужа. Тот сидит не шевелясь, кажется, не дышит даже. Фельдшеры, чуть помявшись: только одна доза на вызов, дескать. И все же расщедрились на вторую инъекцию.

И все, казалось бы, закончилась, остановилась жизнь. Потускнело все вокруг... Нету самого дорогого человека. Нету... Нет! Он и сейчас живет рядом с ней. Так же, как и тогда, делится своими жизненными проблемами, так же успокаивающе гладит ее ладонь, как бы говоря: «Ничего, мама, прорвемся, не переживай».

Груз 200

Встречали Костю Дмитриенко и Володю Гаранина на вертолетной площадке. Упала мать на гроб, а он холодный, как лед. И такое желание было – сердцем растопить этот холод! Влезть прямо внутрь домовины и согреть, оживить это родное, каждой клеточкой ощущаемое тело. Каждую его рану физически на себе ощущала.

Володю Гаранина хоронили первым. Скорбная процессия остановилась напротив окон Дмитриенко. И глаза Людмилы Алексе-

евны метались от окна к своему гробу. В глазах – густые сумерки. После похорон зашли Гаранины. И слезами двух матерей омыли останки и память погибших ребят.

– Похороны Кости, троекратный салют воинской почести. Все это как бы мимо меня пролетело, – старается быть спокойной Людмила Дмитриенко. – Сознание как бы отключилось. Жила я тогда, нет ли, не могу сказать. Горько до сих пор то, что первым в эту качканарскую землю из всей родни лег Костик. Потом мама моя, потом муж... Девятый, сороковой день со времени смерти – все как в забытьи. Ни сна, ни еды. Ничего не надо.

Сомнамбулическое состояние. Психоневрология. Открывает глаза – темнота, капельница. Больничная койка в одиночной палате. Жутко. Потом дома – горсти таблеток.

Как-то мама Людмилы Алексеевны сказала:

- Хватит, дочка, плакать, возьми себя в руки! Нельзя так убивать себя, не по-христиански это».
- Как это «хватит»? возмутилось все существо ее. Этого никогда не хва-а-атит! Что мне, забыть, что ли, все? Забыть?
- Дома начну выть, так Толя, муж, прикрикнет еще. А с собачкой пойду вечером погулять, упаду на колени в снег, в слякоть ли, и кричу, вою. Люди подходят: «Что с вами?» «Да ничего, извините».

Память сильнее смерти

В одну из таких истерик подошла к ней женщина, подняла, проводила до дома. Оказалась матерью бывшей подруги Кости. Столько хорошего о сыне рассказала, что начинала понимать Людмила Алексеевна: память – сильнее смерти. Намного сильнее!

А потом пошла к Гараниным, разделить горе. Смотрели фотографии. И там Костя с Володей Гараниным и Сашей Кочегаровым стоят.

– Я снова в рев, – с улыбкой скорбной повествует мать. – Но Анна Петровна четко и резко прикрикнула: «Хватит! Хватит себя требушить! Горько, больно, но жить же надо! Ты не одна, вспомни, как после войны бабы поднимались! Не кисни! Черкашиным легче? Нуриевым? Ладейщиковым?» И я ведь собралась. А после стала нас собирать Людмила Близнецова в сообщество солдатских матерей. Стали мы ездить и в Свердловск, и в Лесной. И увидела я: сколько же нас! Это сколько горя, слез матерей и отцов, сколько крови сыновей наших ради амбиций политиков, ради наживы олигархов, по вине бездарных трусливых «полководцев» пролито!

Задумаешься – и действительно, во имя чего? За что? За кого шли в бой и гибли эти солдаты и офицеры? Одна мысль утешает: «За честь свою, за добрую память о себе и ради почета родителям своим. Не струсили, не отступили. Воспитаны были своими матерями и отцами так, что, если дал присягу Родине, выполняй приказ, служи честно». А слезы матерей и вдов пусть лягут вечным позором на погоны тех, кто пацанов наших пушечным мясом считает. Не золотые, а черные их большие звезды на плечах и на груди.

– Я сдувала с тебя пылинки когда-то, а вот сейчас вытираю пыль с твоего портрета, – приговаривает Людмила Алексеевна, привычно обмахивая платочком домашний свой скорбный музей. И рассказывает о сыне как о человеке, который на минуту только вышел, и сейчас хлопнет дверь, и он вернется.

Да, собственно, он каким-то образом действительно присутствовал при нашей невеселой беседе. Может быть, это чувство от попугайчика в просторной клетке, подаренного Людмиле Алексеевне дочерью.

- Очень привязалась я к этому существу.

Как будто почувствовав, что говорят именно о нем, птаха пронзительно кричит и покусывает проволоку клетки, привлекая внимание смешными своими ужимками. Живая душа в доме.

ФАМИЛЬНАЯ ЧЕСТЬ НУРИЕВЫХ

Вдекабре 1977 года началась крупномасштабная операция по вводу войск на территорию Афганистана. 10-летняя эта война конца 80-х – начала 90-х была объявлена агрессивно-захватнической, даже постыдной.

Однако в народе участники тех событий всегда пользовались всемерным уважением. Особенно свято хранится память о погибших героях в их семьях. Чтут их память и сослуживцы-ветераны Афганистана.

И сколько бы лет ни прошло, сколько бы ни поменялось правительств и режимов в стране, неизбывно горе матери, получившей черное извещение о гибели своего сына-солдата.

Старший сын

Веселая, подвижная восемнадцатилетняя девушка Язиля вышла замуж за соседского парня Габделхая Нуриева. Жених к тому времени уже отслужил в армии, а работящую, общительную соседку давно уже всей родней прочили ему в жены.

Шел 1958 год. Нелегко приходилось жить в сельскохозяйственном районе юга Кировской области.

– Голодными не сидели, работали на земле, но и особого достатка не было, – рассказывает свою историю Язиля Фартовна. – Вот и переехали в Пермскую область. Благо, не было уже жесткого закрепления людей за колхозами, на руки стали получать паспорта.

Там муж устроился на угольную шахту. А молодая жена, только когда старший сын пошел в школу, а второго, Рината, удалось-таки отдать в детсад, стала железнодорожницей на станции Усьва. Там же родился и третий сын, Равиль.

В поселке Шумихинский, где проживала семья (родители и трое пацанов), была только восьмилетняя школа. Старшего, Гаптельбара, пришло время учить дальше, да и 12 лет шахтерского труда сказывались на здоровье отца семейства. Так вятичи, а потом пермяки Нуриевы стали качканарцами.

– Это по-татарски старшего сына назвали Гаптельбар, – чуть дрогнул голос матери, – а все его всегда Юрой звали. А татарским именем назвали потому, что у родственницы одной сын умер, а по нашим поверьям – имя не должно быть в земле похоронено. Имя человека, оно жить и жить должно.

Юра-Гаптельбар как-то сразу стал своим среди качканарских сверстников. По характеру в маму – веселый и общительный заводила, а по отцу – отличался ответственностью и серьезностью к порученному делу, в уходе за младшими братьями. Особенно опекался младший – Равиль. Разница в возрасте братьев: 4 года и 14 лет – никак не влияла на отношения ребят. Дружно жили.

– Как хотели девочку родить! А родился опять сын, – смеется мать. – На этом и остановились.

Старший сын – за всё в ответе

Успевал Гаптельбар и братишек обиходить, и на улице с пацанами пообщаться. Не всегда были безобидными для соседей их действия. И налеты на сады и огороды были, и стычки с пацанами соседних улиц. Всякое бывало, но без какой-либо подлости. И всегда умел честно признать свою вину Юрка Нуриев. А то и чужую на себя взять. Вот тут принимался за воспитание отец. Не особо многословно воспитывал. Для пущего запоминания провинности иногда брался и за ремень.

– Вспылит, бывало, отец, заругается, схватит Рината за ухо, достать Гаптельбарку не может, так тот сам приблизится, чтобы младшему поменьше досталось гнева родительского, – смеется мать озорников, – а потом еще и отправит пацанов извиняться пе-

ред соседями. Ну, я иногда не выдерживала, вставала на их защиту. Остывал отец тоже быстро. «Трудовую домашнюю повинность» увеличит, да сам потом и помогает пацанам. На том и мирились. Сам-то отец воспитывался строго. У них семья была – только детей восемь душ! Так их отец, мой свекор, очень сурово к ним относился. Да и как было справиться с таким детсадом? Только строгостью, наверное.

Габделхай Файзрахманович, отец трех сыновей, тоже крутоват бывал. Однако поставил

дело воспитания так, что за все отвечал Гаптельбар. И отец строго спрашивал со старшего за все проделки, проказы и исполнения домашних обязанностей младших. Тут поневоле начнешь заботиться о братишках. И научить, где надо, а где надо – и пристрожить.

– Если случались жалобы на ребятишек из школы, на улице ли что натворят пацаны, так отец переживал очень, стыдился, – мама сорванцов вдруг задорно улыбнулась. – Я как дипломат везде ходила. Там покраснею, тут перед соседями извинюсь. А потом вместе с ребятами говорим, обсуждаем поведение каждого.

Отец был немногословен:

– Вы же меня позорите! Мать позорите! Нечестно это. Вы хулиганите, а плохо думают обо всех нас, – говорил устало, и замолкал надолго.

Сыновья свою вину осознавали, чувствовали искреннее огорчение старейшины. И, как могли, заглаживали свою провинность. Тихо становилось в доме. Но, опять же, ненадолго. О чести семейной много говорила и мать, внушая сыновьям ценность этого понятия – честь семьи.

– Когда в армию уходил Гаптельбар, то Ринату строго-настрого наказывал заботиться о Равильке, – уходит памятью в прошлое хозяйка. – Береги, говорит, до меня, пока вернусь... И вернулся, только уже в гробу.

Помолчала мать солдата и продолжила свой скорбный рассказ. Учился Гаптельбар в 87-м училище. Был не то, чтобы отличником, но и последним не был.

– И поведением примерным не отличался, но как-то беззлобно все, без подличанья. Татьяна Дмитриевна, мастер их группы, хорошо о нем всегда отзывалась, другие учителя тоже не особо жаловались, – улыбается мать. – И в спорте успевал, и музыкальным был от природы: татарин же! Я сама тоже петь любила. Что бы ни делала, всегда с припевочкой да шуткой. Вот ребята мои, наверное,

с живота и наслушались моих песен. А уж на что в хозяйстве были старательны! Во всем помогали. И полы помоют, и огород обиходят. И на озере накупаются. Прибегут под вечер – голодные, поджарые, черные от солнца. Перекусят, и тут же старший каждому задание даст. Управятся – и снова на улицу, к пацанам. Мне всегда спокойно за них было. Да и все тогда за ребятами не особо приглядывали.

Три брата всегда были в кругу своих друзей. Какие футбольные баталии между уличными командами происходили!

– Гаптельбарка был эмоциональный такой, азартный, все за справедливость боролся, – как бы даже сама удивляется Язиля Фартовна. – Если уж считал, что прав, то тут не своротишь. Не боялся и подраться, если надо. И с отцом поспорит, бывало.

Уважали его за это даже взрослые соседи. И в армию провожали всей улицей.

От призывной медкомиссии скрыл, что был у него не так давно перелом лодыжки.

– Да все ребята тогда служить хотели, а наш и подавно. Всего год после училища и поработал на аглофабрике. Вот так и жили – небогато, от зарплаты до зарплаты, бывало, перебивались, но какая была у нас дружная и счастливая семья! Соседи завидовали, – лицо матери светлеет, молодеет даже, и вдруг снова становится печальным от тех воспоминаний. – До войны это было, до той войны, будь она проклята.

Служил честно

Служить пришлось в 345-м Ферганском Гвардейском отдельном парашютно-десантном полку. 17 апреля 1979 года был призван, а в декабре уже их полк высадился на авиабазе Баграм в Афганистане.

«Десантный батальон 345-го парашютно-десантного полка был направлен в Афганистан по просьбе афганского правительства под видом технического обслуживания авиации на аэродром Баграм, где размещались советские самолеты и вертолеты», – пишет в своих воспоминаниях бывший рядовой ВДВ, профессор, историк, участник той войны Дмитрий Самородов.

С 25 декабря 1979-го «ферганцы» участвовали в самых первых боевых операциях по захвату важнейших стратегических объектов на территории ДРА. 345-й полк под командованием гвардии подполковника Николая Сердюкова (не путать с опозорившимся министром) участвовал в захвате комплекса объектов и зданий, которые находились в ведении афганской военной администра-

ции ДРА Хафизуллы Амина. Благодаря четкому оперативному планированию и умелым действиям десантников операция прошла без потерь с нашей стороны.

Далее совместно со спецподразделениями КГБ солдатам-срочникам предстояло захватить важнейшие военные, государственные объекты, отстранить от власти Амина, парализовать верные ему вооруженные силы. Место Амина предстояло занять Бабраку Кармалю, который был креатурой советского руководства.

В одной из этих операций участвовал рядовой Гаптельбар Нуриев. И весь период службы провел в Афганистане. Погиб за месяц до демобилизации.

Вот что пишет однополчанин Гаптельбара:

«Да, я служил вместе с Вашим сыном и братом. Я на полгода младше призывом. Мы с ним сразу попали в один экипаж на БМД 248. Потом попали во взвод управления ротой. Он был в звании младшего сержанта. Был очень добрым и отзывчивым. Помогал нам, молодым, во всем. Обладал очень большим мужеством. Спасибо передайте Маме за воспитание такого сына. Очень жаль, что папы вашего уже нет.

Я помню тот день, когда Гаптельбар погиб. Он мог не examь в сопровождение колонны, но он был необычный дембель, сам напрашивался. Их БМД подбили. Погибли он и парень из Новосибирска – лейте-

нант Литвиненко. Мы от него нашли полсапога с торчащей из него ногой, больше ничего. Остались в живых с этого экипажа мой земляк из Барнаула Олег Туманов (у него сейчас 2-я группа инвалидности) и механик Костя Скловец. он откуда-то с Украины. Фото у меня тоже мало, тогда не разрешали.

Я очень часто вспоминаю Гаптельбара. Как-то Саша Бицуков выставлял фото его могилки, я его помянул. Он очень много рассказывал про семью, про ваш город. Крепитесь и гордитесь: в вашей семье был достойный сын и брат. Мы Гаптельбара и здесь тоже звали Юрой.

С уважением, Юрий Колягин»

Груз 200

Весна в тот год не спешила порадовать Качканар теплом. Солнечным, ярким, но морозным было начало марта 1981 года. В семье Нуриевых все возрастало предчувствие радостного события: заканчивался срок службы сына и брата Гаптельбара.

К тому времени уже устойчиво ходили слухи о том, что всё не так гладко, как это было скупо озвучено в СМИ. Продолжалась операция ограниченного контингента войск в Афганистане. Слухи эти все чаще подтверждались фактами. Нельзя уже было скрыть все увеличивающийся поток скорбных «Грузов 200». во все регионы страны.

Слышала разговоры об этом и мама дембеля, сержанта Нуриева. А письма, что приходили через московскую почту, были оптимистически-успокаивающими: «Сидим тут, в горах, незнамо что караулим. Спим, сколько захотим, едим в отвал. Ребята хорошие рядом. Начальство не беспокоит. Прямо курорт», – примерно так писал домой солдат.

- Я как-то сердцем чувствовала все его трудности там, делится мама Гаптельбара. Отец понимал, конечно, что там происходит. Все больше как-то замыкался в себе, угрюмым был. Хоть и тоже надеялся на скорую встречу с сыном. Готовился к ней, меня успокаивал. А как посмотрю на койку сына, так слезами заливаюсь. Не то, что дни часы и минуты считаю. Ночью не сплю, затихну, а муж рядом спящим притворяется. Потом на работу с утра бежит, за сердце держится.
- «Мама, в первый раз с парашютом прыгал с большой высоты. Было страшно. А сейчас как в детстве со стола на пол», на память цитирует дорогие письма от сына мать. Фотографию при-

слал. Худой, лицо как у кощея. Ну, думаю, допрыгался, оголодал совсем. Ничего, вот вернется, откормлю.

Готовилась семья к праздничному сабантую. Закупали продукты, чистили-мыли дом. Все более возрастало нетерпение в ожидании встречи.

– Иду как-то из магазина, тропка узкая в сугробах пробита вдоль заборчика, вдвоем не разойдешься, – навсегда врезался в память матери тот страшный день. – Смотрю, а навстречу муж идет. Бледный, как снег. Взял у меня сумки. Руки дрожат. – «Гаптельбара убили», – шепчет хрипло. Почернело у меня все в глазах. Померк вдруг свет. Снег то черным, то красным становится. Упала на штакетник, да и заревела, завыла в голос. – Знаешь, вот трое их было у меня, а такое горе! А у кого один? Когда один – и убили? Вот тем матерям совсем тяжело, – сочувственно говорит потерявшая в войне сына мать. – В мирное время, за что? Да будьте вы прокляты, все эти войны!

Привезли цинковый гроб. В сопровождении был паренек такой, тоже оттуда, из-за речки прибыл. Кажется матери теперь, что сутками бессменно стоял он в карауле у гроба.

- Хотели вскрыть железный ящик, посмотреть напоследок в лицо погибшего. А Саша, так звали сопровождающего солдата, все же не дал это сделать. Как мы ни настаивали, до ругани дело доходило, а не дал Саша открыть, с материнской теплотой сейчас вспоминает этого солдата Сашу.
- Там такое можно увидеть, что родительское сердце не выдержит. Это же с поля боя останки, убеждал он родственников устало, но твердо, потому и стекло окошечка закрашивается. Бывает, что и без головы, а то и головешки обгорелые хоронят.
- Так и схоронили, не увидев. Может, и к лучшему, перебирает старые фотографии погибшего сына мать. Пусть останется таким, каким был. Веселым и красивым. А тогда, не помню уж, как всё и происходило. В каком-то черном дыму, сквозь слезы жила. Или не жила? День и ночь не различала. Потом, конечно, притихла боль, но ноет до сих пор.

Достоин памяти

– И вот всё живу, всё живу с этой памятью. Да не одна я. Сколько с той войны пришло к матерям и отцам цинковых ящиков! Сколько ребят с искалеченными телами и душами? – заключила свой рассказ мать героя. – Возьми племянника моего, в Кировской области

живет. Так и не оправился после Афганистана. Пьет, семью третирует, дерется. Тоже хорошего мало. Что тяжелее, сейчас и не скажешь. То злость на него берет, а то жалко, как больного ребенка.

– А меня еще вот письма и отзывы ребят-сослуживцев Гаптельбара поддерживают, – наливает в чашки чай хозяйка. – До сих пор с благодарной памятью вспоминают его те, кто был с ним там, в чужих горах. Хорошо отзываются. Честно служил и достойно погиб мой сын. Не стыдно нам. Он, когда в бой ходил, хоть и страшно было, а думал, наверное, о чести нашей семьи в первую очередь. Мог бы ведь и не ходить в бой, как старослужащий, а он шёл. Ребята пишут, что молодых солдат опекал, помогал, чем мог и когда мог. Габделхай, отец, до смерти своей тоже так думал, я точно знаю. Гордился сыном. Ведь честь семьи, честь фамилии для него была превыше всего. Это и сыновьям внушал.

Язиля Фартовна, и мы гордимся. Помним и гордимся своим земляком.

РАКЕТНЫЙ ЩИТ

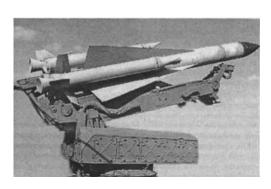
Дмитрий ИВАНОВ

ПЕРЕПОДГОТОВКА

Сегодняшняя молодежь мало знакома с таким явлением, как прохождение учебных сборов после увольнения в запас из армии. А в советские времена это было обычным делом, многие тогда проходили переподготовку, или, как это называлось в народе, «партизанили». Мне тоже пришлось побывать в «партизанах» весной 1989 года в течение 25 дней.

Когда в назначенное время мы явились к военкомату, который в ту пору еще располагался в старом здании, в Клубном переулке, то поначалу гадали, куда же нас направят. Вскоре это выяснилось, когда нас разделили на две группы. Одну повезли на «Семерку». Мы им еще, помнится, позавидовали. Дескать, пивка тамошнего попьют. Дело-то было в самый разгар горбачевской «трезвости». А нашу группу автобус повез на зенитно-ракетную «точку», которая располагалась за поселком Сигнальный, в живописном месте среди леса.

В/часть 31662 была в ту пору одним из узлов противовоздушной обороны, прикрывающим «Семерку» и другие стратегически важные предприятия от атаки с воздуха. Там стояли стартовые установки зенитных ракет, а дальше к северу на горках виднелись антенны РЛС обнаружения и подсветки цели. Но в той стороне мы

не были. Нашей задачей было научиться выводить ракеты из консервации, а также производить их сборку. Специальность, по которой я проходил обучение, называется «Механик приборов систем управления, проверочно-пускового оборудования и силовых агрегатов зенитных ракет

большой дальности». Постижение всей этой премудрости было довольно-таки интересным делом. Детали хранились на складах. Был небольшой сборочный цех, где мы практиковались. Корпус ракеты выкатывался из контейнера, к нему присоединялись носовая часть, стартовые ускорители и стабилизаторы. И только потом готовые ракеты вывозились тягачами на стартовые позиции. Там мы тоже побывали.

Капитан, который вел у нас занятия, был грамотным специалистом, умеющим популярно объяснять, и слушать его было интересно. Однажды его спросили: производились ли с этих стартовых установок реальные запуски? Он ответил, что ни разу. Для учебных

стрельб личный состав выезжал на полигон Сары-Шаган в Казахстане, который в ту пору еще не был суверенным. А старты зенитных ракет с этой точки допускались лишь в случае войны или при полете таких нарушителей, как Пауэрс. Конечно, о Пауэрсе он тоже рассказывал. Этот пилот остался жив лишь потому, что ракета С-75 настигла его на границе зоны уверенного поражения, как бы на излете, двигаясь вдогонку за ним. А если бы расстояние от точки старта было меньше, то разведывательный самолет разнесло бы в клочья.

Конечно, по сравнению с C-75 зенитные ракеты C-200 «Ангара» были более совершенными. Но уже в те времена, в середине 80-х, они заменялись на C- 200В (Вега) и C-200Д (Дубна).

Управление всей этой системой осуществлялось с подземного командного пункта. Когда мы там побывали, один остряк спросил капитана:

- А где тут находится КНОПКА?

Тот хмыкнул и показал на ряд из шести кнопок по краю одного из многочисленных пультов. По одной на каждую пусковую установку. И пояснил, что если даже их нажать, ничего не произойдет. Тут необходимы еще кое-какие мероприятия, чтобы они сработали.

Еще один курьез связан с визитом генерала. Дело в том, что нас поселили в казарме, но в отдельном помещении. Дабы предотвратить падение дисциплины среди личного состава. Чего греха таить, в «партизаны» брали солидных ушлых мужиков, которые и спиртное доставали даже в трудные горбачевские времена, и

бражку ставили на зубной пасте «Поморин». Вот однажды в это помещение вбегает запыхавшийся капитан и командует:

- Бегом в столярку!

Оказалось, что в часть с инспекцией неожиданно нагрянул генерал. Вот и решил «партизанский сброд» спрятать подальше от его глаз. Прибежали мы в стоявшую на отшибе столярку, а там вольнонаемный столяр запер нас в дальней комнате на втором этаже, да еще замок висячий снаружи на дверь повесил. Но «партизаны» не скучали, достали картишки, и пошла игра. Вдруг смотрим в окошко: толпа идет, и генерала издали видно по лампасам. Чем-то он сильно недоволен был, метал гром и молнии направо и налево. Но вскоре гроза миновала, и нас выпустили из «заточения».

А потом настали выходные, и на субботу и воскресенье нас отпустили домой. Но автобус сломался, и пришлось идти пешком. Недалеко от КПП была развилка, и один бывалый человек сказал, что надо идти по левой дороге, она выведет к Глубокой. Я присоединился к нему, и это было правильным решением. Вскоре мы вышли по лесной дороге между Маломальским и Глубокой. Там нам очень кстати подвернулся рейсовый автобус до Иса, а оттуда в Качканар уехали. Но основной группе повезло меньше. Когда они вышли из леса, то за вспаханным полем увидели Сигнальный. Группа снова разделилась, одни пошли вокруг по дороге, а другие – напрямую по пашне. В середине поля в грязи завязли, каждый шаг с трудом давался, перепачкались и пришли позже всех. Да ещё автобуса в Сигнальном долго ждали. Так что не всегда самый прямой путь является самым коротким.

И все же, несмотря на такое веселое раздолбайство, к самому обучению мы относились ответственно. Да и просто интересно было осваивать подобную военную технику. Поэтому мне грустно было в середине 90-х услышать новость, что эта точка ликвидирована.

Сейчас там одни развалины, которые медленно зарастают лесом. Это видно и на спутниковом снимке, который я привожу ниже. Конечно, изменилась стратегия, изменилось оружие, став более совершенным. Но все-таки, сколько народных денег было вбухано в эту и в другие точки!

поэзия

Людмила Андреева

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

Отцветала весна черемухой, И пьянила в садах сирень, А на небе играли сполохи, И кружился счастливый день. Школьный бал отгремел прощальный, Звезды детство манили вдаль. Для влюбленных июнь венчальный Белых вишен дарил вуаль. Заводские гудки проснулись, День рабочий звенел в цехах. Репродуктор с вечерних улиц Завершал репортаж в стихах. Расцветала Москва огнями, Вальс кружил у Кремлевских стен. Украина в садах соловьями Песню слушала первых сирен. Мирный день двадцать первым июня Завершала помпезно страна. И вдруг взрыв оборвал жизни струны – И назавтра случилась война.

ПОБЕДНОЕ ТАНГО

Победное танго, Салюты орудий. Победное танго Никогда не забудем. Всю войну прошагали – Не измерить и болью. Мы Победу встречали У рейхстага весною.

Надрывалась гармошка То слезами, то смехом, Из чужого окошка Танго вырвалось эхом.

А на старой пластинке Май пел девятый – Смеялись и плакали Счастьем солдаты.

Давно ушли деды, Поредел строй отцов. День Великой Победы – Это Родины зов.

ПАМЯТЬ

Время было надеждой тревожною, Но с огромною верой в душе. Мы задачи решали несложные, А вот жизни учились уже. Шла война к завершенью победному, Мы отцов ждали с фронта домой. Детство было голодное, бедное – Только как мы гордились страной!

Часто в доме горели лучины, Ели жмых, заглушая озноб, И для слез не искали причины – От потерь мы рыдали взахлёб. Вместе с мамами в поле трудились, Как мы боль понимали страны! И с достоинством в школе учились, И в мечты были все влюблены.

Сколько боли и бед было с нами! Были алыми в битвах снега. Вы сошлись у победного знамени В мертвой схватке с рейхстагом врага. День настал. И солдат эшелоны Принимали вокзалы, гремя. Не вернулись домой миллионы: Стала вечным покоем земля.

Золотилась от солнца пшеница, Воспевали кантаты гудки, И таежных красавиц ресницы Открывали просторы свои. Ждали трепетно майских парадов, Загоралась земля от знамен, И героев звенели награды, И фашизм был навек погребен.

Вот уж минуло больше полвека – До земли всем солдатам поклон! Выше звания нет Человека, Подарившего счастье времен. В двадцать первый шагнула Победа, Но все так же она молода. Мы, великих героев полпреды, Подвиг их сохраним на века!

Алексей Башкиров

ДЕТИ ВОЙНЫ

Мы дети войны той жестокой, Где детство угасло в беде, Увязло в работе до срока И кроется в раннем труде. Пришлось нам и видеть, и слушать, Как фронта гремела гроза, От жути той плакали души, Но слез не казали глаза. Всё ближе той силы военной Смертельный накатывал вал, И спутник ее неизменный -Нам голод житья не давал. Весною, чуть солнце в окошко, Мы в поле идем со двора И мерзлую роем картошку -Все так же опять, как вчера. Лежал еще снег у дороги, Земелька, как лед, холодна -И стыли промокшие ноги... А рядом гремела война. В опасности быстро взрослела Голодная детская рать, И вскоре она подоспела, Чтоб фронту в делах помогать. Связали нас грозные беды, И был наш ответный размах: Под лозунгом «Всё – для победы!» Точили снаряды в цехах. В селе овладели сноровкой, Хоть боли пришлось испытать, Но мы на любимой коровке Умели уж землю пахать. О, если б не чудо Бурёнка, Пропали б в голодной тоске. Ей надо бы памятник звонкий Поставить в столице Москве. Такая нам доля досталась. Подросток уже замечал Победы великую радость И горькую нашу печаль. А следом – войны обелиски, И жутко от мысли самой: Как много их, милых и близких, Уже не вернутся домой.. Но помним с той песней солдата (Пусть в это поверит апрель), А «помирать нам рановато» Мы так же поем и теперь!

СОСНОВЫЙ БОР

Заря пурпуром наливалась, Над лесом крылья развела. Коров н6а выгон провожая, Толпились люди у села. Наш бор светился из тумана. Народ мой горестно смотрел, Как немцы конюха Ивана Вели в те сосны на расстрел. Он рядом жил, в поселке ближнем, Любил и землю, и людей. Еще в своей колхозной жизни Ценил он также лошадей. И вот теперь за все расплата -И без суда, без адвоката Его зачислен в бездну путь: Врага, пришельца-супостата С дороги смерти не свернуть. Такая жуть, и нет просвета. Сжигая веру и любовь, С войной влетело утро лета И холодило в жилах кровь... Мой милый край многострадальный, Теперь ты весь как наш Иван: Несет палач твой час прощальный С крамольным словом «партизан»... Исчез туман, янтарны сосны, И берег луга на виду -А грудь полна беды несносной, И люди с ней домой идут. Теперь уж, солнцем освещенный, Не осенит улыбкой взор В погост врагами обреченный Вчерашний наш сосновый бор.

ДОРОГА СОЛДАТА

Терпели наши пораженье; Беды не ведая исток, Они рвались из окруженья И отступали на восток. Солдат еще совсем был молод, Но стрелян с разных батарей, Шагал один в ноябрьский холод, Спешил найти своих скорей. Он шел неведомой дорогой, Простор у Родины широк. Наверно, струны сердца трогал Ее глубинный уголок: Река и мельница с плотиной, Поселок, поле и леса, И луг с домашнею скотиной, Детей крестьянских голоса. Теперь та мельница у плеса Стоит в печали, как вдова, Ее не вертятся колеса И онемели жернова. Лишь местный мельник одиноко, Пока в своей сторожке жил, И день, и ночь дозорным оком Свою обитель сторожил. С тяжелым грузом отступленья Солдат шагает вдоль реки, И смотрят люди с сожаленьем, Вздыхают тяжко старики... Вдруг слышит: улица с пригорка Не нашим голосом орет. И видит: немцы на задворках Поспешно ставят пулемет. Какой-то миг – и быть сраженным. Он - в речку с темною водой, И в ней, по шею погруженный, Стоит наш воин молодой. И в камышах да в нитях тины Ему стоять и коченеть: Широк разлив был у плотины, И вплавь его не одолеть.

Ему казался бесконечным Короткий тот предзимний день. Он застывал, но ждал тот вечер -Его спасительную тень. А за рекой темнеет ельник И одиноко дом стоит. Оттуда уж хозяин мельник За ним все пристальней следит. Вот сумрак вечера спустился, Упали звезды в темный плес -И он солдату тут явился, Одежду теплую принес. Хозяин с доблестью приметной Согрел, одел и накормил И в час холодный, предрассветный Солдата в путь благословил. Дорога лесом удалялась, Дремали в соснах глухари, С востока кровью наливалась Полоска утренней зари.

Татьяна Желтышева

жить в мире

Давайте, люди, будем в мире жить И воспитаем душу в духе мирном, Давайте Божьим духом дорожить И с ближними своими ладить смирно. Давайте же помолимся о том, Чтобы любовь средь нас всегда царила. Хранить себя молитвой и постом – Так нас Святая Церковь научила. Давайте будем каяться в грехах Пред Богом. У друзей просить прощенья. И чтоб ушел из сердца липкий страх И не терзали душеньку сомненья. Давайте будем, люди, в мире жить!

Ада Кокшарова

ПОХОРОНКА

Шел сорок четвертый, был солнечный день, Мы с мамой на речке белье полоскали. Над нами нависла зловещая тень, Когда похоронку маме подали. Из тазика выпало наше белье. И слезы ручьем полились на него. Но мама шептала: «Неправда! Живой! Он скоро, он скоро вернется домой!» Но лишь гимнастерка вернулась назад Как память о том, что отец мой - солдат. Знать, не зря собака выла долго Как предвестник роковой беды. С ног свалила маму похоронка, Эхо распроклятой той войны. Тяжело! И мама в круговерти Прожила, вновь замуж не пошла. С самого начала и до смерти Нам и папе преданной была.

НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Забыть о войне? Нет, невозможно, Как невозможно возродить Того, кто в пламени безбожном Погиб: его не воскресить. Безвинных мальчиков с Урала, От нас ушедших далеко, Там полегло в войне немало: Сражаться было нелегко. Еще от слез не высыхали Глаза отцов и матерей. На памятниках высекая Боль в именах своих детей. Идем мы за высокой новью, Но помним: смотрят всякий час На нас с надеждой и любовью Те, что отдали жизнь за нас.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Дети войны! Вы давно поседели. Раны войны на душе затвердели. Детство прошло под градом картечи, Горе свалилось на детские плечи. Дети взрослых везде заменяли: Картошку грузили мешками, Вагоны раненых разгружали, Голодные – о себе забывали, Думая, будто они из стали. На фронте мы не были в годы войны, Но не забыть нам о тех годах: Всё тревожат тяжелые сны Да мамины слезы в грустных глазах.

Анатолий Кузнецов-Маянский

ВОЕННАЯ БАЛЛАДА

Дорога пишет вензеля, Льнет к гимнастерке кислый порох. Еще все полно бытия: Как прежде кружится земля, И вертит голову подсолнух.

Но покосились небеса, И зашатались в дымке горы, Когда забухала «кирза», Упала каска на глаза, И в танках рявкнули моторы.

В лесах холмистых из былин Над подорожником и кашкой Сквозь невозможно черный дым Вдруг даже солнце стало злым, Как наваждение от жажды.

И ухватив землицы пядь, Где луг обильно кровью вышит, Хоть наступать, хоть отступать: Вполне легко быть перестать, И очень трудно - взять и выжить.

Сны на ходу и боль от ран Несет прореженная рота. И здесь – горит, и жарко – там, И понимаешь нынче сам, Что нет в огне пути и брода.

Так нескончаемо длинна, В свои затягивая сети, Как провода оголена Искрит Великая Война Вовсю на целом белом свете

ПЕСНЯ О ПУЛЕ

Я ползу в маскхалате близ опасных вершин. Не рыдай мене, мати, я, мне кажется, жив. Около перевала просвистев, прозвеня, Пуля в крестик попала и достала меня. Тонким острым ожогом, вот какая напасть, – Вдруг такого большого опрокинула в грязь. Как в пристанище злачном – эх, была-не была, На ходу, на удачу, а смотри-ка – нашла. Взвизгнув вскользь по латуни, ипостаси Творца, В грудь сумела, вогнула наконечник свинца. Губы липки от соли. Может статься – и бред, – Что не очень и больно, только застится свет... Доктор выдернет споро – пуля мне на хрена? Говорил же Суворов, То, что дура – она.

Борис Кусов

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Вдоль наших границ ползут черные тени, Не просят, а требуют встать на колени. Только усилия вражьи напрасны: Мы непокорны и неподвластны. Земля наша славная, древняя, гордая, Рвами изрытая, кровью политая, Вновь возрожденная, непокоренная, Снова и снова славой умытая. Гордость народная – наши парады. Не забываем мы горечь утраты. Мир, труд, свобода – вот наше кредо. Реет над нами знамя Победы.

Устинья Мотузова

О СЕБЕ

Особый подвиг я не совершила В геройские военные года: Ведь мне всего семнадцать было, Когда в дорогу позвала война.

В тот далекий год сорок второй Едва-едва мне минуло семнадцать, Нас привезли туда, где под Москвой Солдатам за неё пришлось сражаться.

Что увидела я в первый миг? Не скрою: очень страшно стало. Из труб одних деревня состоит, А жителей как будто не бывало. Я ко всему привыкла, как и все:
К обстрелам и бомбежкам каждодневным.
Не вправе была думать о себе,
Когда страну опутал дым военный.
Лишь к одному привыкнуть не смогла –
Когда друзей убитых хоронили,
И каждый раз катилася слеза,
Падая на холмик их могилы.

Конечно, подвиг я не совершала, Я просто отдала гражданский долг. Но повидать и пережить пришлось немало На пепелище фронтовых дорог.

Не раз вопрос мне задавали:
«А страшно ль было на войне?»
Был страх. Особенно вначале,
Но я свой страх старательно скрывала.
Чтобы его бойцы не замечали.
И, думаю, так поступали все.

Давно конец пришел войне... Нас называют – ветераны. Уж заросли тропинки те, Где проходили партизаны. Но в нашем сердце навсегда Военные остались раны.

Несем с собой мы боль войны, И горе вдов, и боль сирот. Не все дожили до весны В победный сорок пятый год...

Вячеслав Огибенин

ПЕРЕД АТАКОЙ

Я сижу на дне окопа, Время медленно идет. Неприветлива Европа, Высота, немецкий дот. – А в апреле, ближе к маю, – Мне сказал солдат один, -Это точно, я-то знаю: Будем штурмовать Берлин. Сверху слышен гул и рокот: В бой идут штурмовики. Ждем сигнала. Мы - пехота: Автоматы и штыки. Вон сорока-вертихвостка Всё бочком да всё бочком. Мне махорочки бы горстку, Эх, разжиться б табачком. И опять перед атакой Заурчало в животе. Да! В конце войны, однако, Нервы что-то уж не те. Фляга – вот она, с собою, Выпить спирту я могу. Но не надо перед боем, Ни граммульки, ни гу-гу! А курить-то как охота, И газетки есть клочок. Помогите мне, пехота! У кого есть табачок? Дома новые штиблеты Уж разнашивать пора... Всё! Пошла, пошла ракета. Ну, за Родину! Ура!

Галина Пинаева

ДЕД ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ

Я кланяюсь отважным ветеранам, Скорблю о тех, кто смертью храбрых пал И радуюсь, что дед домой вернулся – Весь в ранах, без ноги герой-солдат.

Он День Победы праздновал с размахом, Слал телеграммы фронтовым друзьям. Он днем свои рассматривал награды, А ночью, ночью дед мой воевал. Кричал: «Ура! Вперед, в атаку!» Проснувшись, грустно говорил: «Простите, внуки! Я же старый, Желаю без войны вам жить!»

Всё в той войне: друзья-однополчане, И в той войне цветение весны. Всё в той войне: с надеждою дороги И дед, мой дед, вернувшийся с войны.

А я протеза деревянного боялась, Который деду ногу заменял. А дед просил: «Подай мне, внучка, ногу: Пойду, пройдусь: ведь я устал лежать!» А из его спины осколки выходили, И очень сильно дедушка болел, Скрипел зубами, что ломило ногу, Но мы же видели: ноги у деда нет.

Всё в той войне: снег, кровь и слезы, И в той войне цветение весны. Всё в той войне: с надеждою дороги И дед, мой дед, вернувшийся с войны.

Степан Питателев

СЛУЖУ ПЕХОТЕ

Я пехоте служил, Выполнял долг свято, Я махру не курил – Отдавал солдатам.

А в строю мастерство Показать стремился, Но курить табака Я не научился.

Так в строю сапоги Изодрал до пяток, Но зато, старики, Десятый мне десяток.

Я здоровье сберег, Сохраняя тело – Девяносто годков Прожил уж я смело.

А судьбина со мной Шутки шутит просто И сказала: «Родной, Так живи лет до ста!»

Сколько жить довелось, Пехоту помнить буду; С кем мне в бой идти пришлось, Тех не позабуду.

Я ЗНАЮ БОЙ

Я знаю бой не понаслышке И не забуду землю, где Слетали с танков башуи, крыши В те дни на огненной земле.

Не только шорох листьев первых Едва поднявшихся дубков – В степи могилы самых верных Товарищей моих годков.

Горят над ними, словно вехи, Звезд пятикрылые лучи, И с памятью о них навеки Живущих нас не разлучить.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

Мы жили в землянках, Спасались в траншеях, Дрожала в засадах В глубоком снегу, В болота вмерзали, Но в землю вгрызались И насмерть стояли, И мстили врагу.

Катились дни, ночи – Стал путь наш короче, Но снятся в окопе Тревожные сны. Им как бы остаться Живым среди ночи, И как бы дожить До победной поры.

С солдатом в обнимку Шел год сорок пятый, Солдаты дрались На немецкой земле. От стен Сталинграда Дошли до рейхстага Мы знамя Победы В Берлин принесли.

Людмила Рейзе

БЕЗЫМЯННЫЙ СОЛДАТ

Тихий шелест берез над забытой могилой С обветшалым крестом, позаросшим травой. Вдалеке от родной, от сторонушки милой Безымянный солдат здесь нашел свой покой. Уж давно тишина над просторами пашен, Но военных дорог незабытый маршрут. И щемящая боль от невинных ромашек, Что беспечной гурьбой на могиле растут. Не лила слезы мать, не шептала: «родимый» И шершавой рукой не лелеяла крест. И лишь ветер гулял над безвестной могилой Да сгонял воронье с их насиженных мест. И Победы салют, и гранит обелисков Не венчают покой безымянных солдат, Не ложатся цветы от любимых и близких -Их последний приют лишь ветра сторожат.

Клавдия Рублева

помнить

Памяти отца Попова Петра Ивановича

Пылал в нужде блокадный Ленинград, Изнемогал под бомбами, обстрелом. Фашист мечтал стереть творение Петра, Народ советский истребить хотел он.

Но просчитался враг в который раз: Народ наш крепок духом, силой воли; Всё мужество в кулак большой собрав, Он разрывал петлю фашистской своры.

И девятьсот блокадных дней на грани сил, Почти без пищи, без воды, в худых жилищах, Трудом свой вклад в Победу он вносил И верил: Родина не бросит без защиты. Кормили матери младенцам свою кровь, Но смерть косила изможденный город. А на фронтах кипел неравный бой, Стояли насмерть Родины герои.

На Невском пятачке, под Петергофом, Под Нарвою солдат громил врага. И ты, отец, с расчетом пулеметным Фашистов бил, разведке помогал.

От корабельной артиллерии вскипал Финский залив, кромсая супостата; И цепи ненавистные сорвал Победный залп защитников Кронштадта.

«Дорога жизни» выжить помогала – Но сколько барж, машин погребено... И сотни душ, что жить, любить мечтали, Смела война на ладожское дно.

Гордимся вами, Родины сыны! Теперь уж внуки, правнуки – на страже. Немало лет с той минуло войны, Но помнить, мир храня, обязан каждый.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк прошел по миру, Как полноводная река; На снимках, временем хранимых, От юного - до старика. В веках забытыми не будут Их подвиги за мир детей, За сон спокойный милых внуков -Ценой немыслимых потерь. И души павших смотрят с неба И умиляются слезой; Достался им ужасный жребий, Чтоб не страдал наш мир от войн. Людской поток не убывает, В единстве духа все равны! Пусть в реках слезных утопают Все подстрекатели войны. Бессмертный полк - святая память Потомкам многим - многих стран. Сливаются полки ручьями, Как крестный ход под сень икон.

ОДУМАЙТЕСЬ!

Сколько жестокости на земле, Сколько в сердцах цинизма У тех, кто молнии мечет извне, Разжигая огонь фашизма. Семьдесят пять - с той треклятой войны; Еще не затянуты раны. Всё громче взрывы злобы слышны -Рикошетом в сердца ветеранов. Равенсбрюк, Бухенвальд, Дахау... Еще живы свидетели геноцида. Кровь погибших сочится в травах, На безымянных проросших могилах. Одумайтесь, люди, пока не поздно: Бумерангом к вам зло вернется. Пусть шумят лишь весенние грозы И светит лишь мирное солнце. Пусть рождаются светлые души Без страхов, упреков и мести. Любовь пусть царит над водой и сушей И сеет лишь добрые вести.

Нина Савельева

ПУЛЯ

Попала в сердце снайперская пуля - Упал солдатик утренней порой. Легли ромашки белые июля На свежий холмик в стороне чужой.

Но та же пуля, дела не закончив, И в сердце материнское вошла... Статистика военная неточна... Занижена. Такие вот дела...

НЕТ КОНЦА У ВОЙНЫ

У войны есть начало. Нет конца у войны. Хоть Победы мы праздник встречаем -До сих пор перед павшими долг у страны: Мы героев не всех еще знаем. До сих пор еще косточки чьи-то лежат В непролазных лесах и болотах. Как же много погибло их, наших солдат: Батальоны ложились и роты. До сих пор еще дети своих ждут отцов; И упрек той войне – нерожденные дети: В деревушке не стало совсем мужиков. А невесты невестами век свой отметят. До сих пор еще страшная длится война, Если память ночами изводит. «В бой! В атаку!» - кричит все во сне старшина, А нога, хоть и нет, все тревожит. До сих пор еще кожа хранит номера Злой судьбы, что на левом предплечье. Малолетние узники, жуткие концлагеря -Это всё будет с ними навечно. И сейчас (только вслушайтесь!) стонет земля, И война вновь врывается в судьбы и сны... У войны есть начало. Оно есть всегда. У войны нет конца. Нет конца у войны!

22 ИЮНЯ 2014 ГОДА

Воскресенье. Как в том, сорок первом, Я проснулась от грома. Гроза! В том июне их много, наверно, Что подумали так же... Глаза Не открыв, не успев испугаться, Вмиг ушли. Забрала их война, Когда начали бомбы взрываться И былым стала вдруг тишина. Испытаний закончилось бремя.

В День Победы скорбим и поём...
Только вышло так, что не время
Песни петь. И мы снова живем
На войне. Когда брат на брата –
Нет страшнее войны такой!
Снова горе, и снова утраты
Вновь и жизнь кувырком, и покой!
Я теперь потерялась в датах:
День начала, разгар ли войны?
Снова гибнут в кровавых закатах
Чуть начавшие жить сыны.
Как мечтаю я, чтобы люди
Только добрые видели сны!
Только грозы пускай их будят
Средь полночной святой тишины!

Я ПО ЖИЗНИ – ЛИРИК

Я по жизни – лирик. Лирик я, конечно! Если бы не этот жуткий, смутный год – Я б светло писала, больше и беспечней, Да война проклятая только не дает!

Ах, закат малинов! И шуршит, как мышка, Ночью под окошком белая метель... А в глазах всё он, донецкий тот парнишка, В десять лет безногий... скорбная постель.

Я бы, может, даже о любви писала, Только всё не спится под снарядов вой... Если от далекой бойни я устала – Что творится с теми, кто теперь с войной

Рядом ходят? Видят, чуют... слышат Звуки не метели – смерти зов. И в сырых подвалах гарью дышат, Собственных боятся хриплых голосов.

Я бы написала, как смычок скрипачки Извлекает звуков чудный фейерверк! Только под мелодии сердце нынче плачет, Скорбь над всеми чувствами занимает верх!

Я по жизни – лирик, чувствами живу я. Войн братоубийственных век мне не понять. И к покою тропку (что пытаться всуе), К истине тропинку мне не отыскать!

МЕЖДУ СТРОК

Пишу о природе: рябинах, березах, закатах, Капризах природы в уральской моей стороне... Но чувствую часто себя виноватой! Такой виноватой! Давно нет ни строчки в тетради моей о войне.

Пишу о природе. Но вы между строк прочитайте, Как плачет душа и как сердце сжимают в ночи Страданья людские... Но знайте же, знайте же, знайте: Расплата придет и найдет вас, найдет, палачи!

Я так проклинаю явившихся нелюдей этих, Чей бог жаждет крови, мучений, разрухи и слез! В краях, и далеких, и близких (живем на одной мы планете!) О жертвах страдаю, гуляя средь белых берез.

И, глядя на небо, багровое пламя заката, Я будто бы чувствую жаркое пламя войны. Я слышу звук взрывов, снарядов и звуки набата. Так часто теперь они ночью врываются в сны.

И гроздья рябин (а их нынче особенно много!) Мне кажутся каплями крови горячей людской. И я призываю ко мщению нашего Бога! Прошу я вернуть людям счастье, и мир, и покой!

Татьяна Семакина

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Военных писем листопад Кружил над нашею страною. Ведь встреч с родною стороною Ждал воин больше, чем наград. Для писем не было границ, И день, и ночь они летели. Хранили серые шинели Скупую радость тех страниц.

Нет срока давности у писем, Что продиктованы войной. Мы все от памяти зависим, Она все время за спиной. Диктует нам свои законы, Листами ветхими шурша. На самодельные иконы Молилась русская душа! Молились люди на портреты, Взор обратив к глухой стене, И были письмами согреты. Летевшими по всей стране. Писал домой вчерашний школьник После сраженья за село. Хранит солдатский треугольник Его сердечное тепло. Надежду вкладывая в строчки, Писал молоденький курсант. Хранят тетрадные листочки Войною заданный диктант. Летит послание солдата, В нем думы горькие видны. Давайте, люди, помнить свято, Что страшен лик любой войны.

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕДАЛЬ

БУТОРИНЫМ: Анне Николаевне и Александру

Медали за участие в войне Торжественно вручали ветеранам. А этот случай показался мне Особенно мучительным и странным. Старушка принесла медаль домой, Но не смогла порадовать награда: Невыносимо было ей самой Под тяжестью пронзительного взгляда. Стоит с наградой рядышком портрет, Невидимая боль сквозит из кадра. Участница войны уж много лет Оплакивает внука Александра. Ее война помиловать смогла, Зато теперь не пощадила внука. Еще одна морщинка пролегла, Свою черту оставила разлука. Наполнены растерянностью дни, Нет веры в справедливость у бабули: Молитвы многочисленной родни Не защитили Сашеньку от пули. Смерть воина, безликая мораль Готова оправдать любой ценою... Сверкает юбилейная медаль, Но горько сердцу праздничной весною.

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

Светлой памяти Нины Федоровны Литвиненко – ветерана Великой Отечественной войны, коменданта палаточного городка.

Для Нины Плашкиной война Сумела стать суровой школой. В минуты отдыха она Бывала грустной и веселой.

Бывала резкой и прямой, Несправедливость обнаружив. Хотелось девушке домой, Где царство вышивок и кружев.

Могла в палатах песни петь, Бойцов поддерживая шуткой. Старались воины терпеть, Оцепенев от боли жуткой.

Крепились даже старики, Когда их девушка просила. Как много могут две руки, Какая в них таится сила!

Стирала грязные бинты, Тайком слезу смахнув с ресницы. Бинты белели, как банты У довоенной выпускницы.

Пленили раненых солдат Ее целебные беседы. Держал девчонку медсанбат В своих объятьях до Победы.

Шептал ей госпиталь: «Вернись!». Он был привязан к медсестричке. Но ждал певунью верный Ис, Ждал каждый вечер по привычке.

Вернулась в госпиталь она, Когда уж стала нездоровой... Для Нины Плашкиной война Служила школою суровой.

Надежда Трушкова

ДВА ДОМА

Берлин сдавался. На какой-то штрассе Дом сдался: окна в белых простынях... А четырьмя годами раньше От немцев защищался Сталинград. И были крепостью тогда дома, подвалы, Дом Павлова в четыре этажа. Но ни в одном окне не развевался Капитулирующий белый флаг!.. Два разных дома на одной планете. Разбиты оба. Но один – герой! Об этом надо помнить всем на свете, Чтобы не прятаться за белой простынёй.

АНИШИТ

Тишина бывает очень разной. Одинокие не любят тишины, Тишина приходит, словно праздник, В дни грохочущей, пылающей войны. Вдруг стихает всё - и лёгкий ветер Шелестит колосьями, травой, И в короткие минуты эти Все солдаты наслаждались тишиной. Кто на землю падал измождённый, Кто кисет с махоркой доставал, Кто к берёзке прислонялся сонный, Кто письмо домой скорей писал Тишина! Солдат в ней видел пашню, Летний вечер, песню над рекой, Тишина бывает очень разной, И у каждой есть оттенок свой. Тишина! И головы склоняют У могилы с красною звездой, Лишь покой салюты нарушают, Вдовы тишину несут домой...

НЕБО ПЛАЧЕТ

В День Победы над Уралом тучи, Плачет дождь, холодный и густой. В этот день, наверно, было б лучше, Если б солнце встало над землей. Но не надо небу «указивок»: Там – Господь, и ведомо Ему, Что Урал, богатый и красивый, Лучших отправлял на ту войну. Это ведь уральский конь железный Бился в Курске, словно лютый зверь, А в цехах холодных мерзли дети, Стоя у станков и ночь, и день. Для Победы, только для Победы Всё готов Урал на фронт отдать. Потому-то в этот День победный Принято о павших вспоминать. На Урале нынче непогода, Но «Бессмертный полк» опять в строю, Он по площадям шагает гордо, Вспоминая молодость свою... Мы сегодня слез своих не прячем: Впереди немало светлых дней. Только небо что-то часто плачет -За отцов, за братьев, за друзей!

ВЕТЕРАНЫ

Вот опять дожили до весны, Да не просто до весны – до юбилея! Семьдесят пять минуло с войны. Только память наша не стареет. Шквал войны разрушил сотни жизней, Словно смерч, унес сердца людей, Оборвал талантливые мысли. И, казалось, нет его сильней.

Но сильней его была «Катюша», Воля миллионная людей... Сядем, друг, и песню будем слушать Про печаль и белых журавлей... Мы с тобой залечиваем раны, Но сегодня выпьем по одной. Мы с тобой сегодня ветераны. За Победу, друг, за нас с тобой!

ГОРОДСКОЙ ФОНТАН

Мальчишки плещутся в фонтане, А на дворе победный май. Наверно б, мамы их ругали, Когда бы знали, где искать. На небе солнце полыхает И жарит – аж невмоготу, И я мальчишек понимаю И брызги хладные ловлю. Я рада, что смеются дети. Пусть небогато мы живем, А где-то войны на планете. «Фонтаны» пыхают огнем. Вот если бы затихли пушки И воцарилась тишина, То мир, конечно бы, услышал, Как радуется детвора, И это майское купанье, И смех в фонтане городском... Пусть взрослый мир нас не обманет, Покой и мир мы сбережем!

Евгения Туманова

СПЯЩИЕ СОЛДАТЫ

Фотография в газете - спят солдаты... Выполнил задание отряд. Как устали! Как покою рады! Спать... спать... спать... Тесно в ряд лежат они, прижавшись, Руки спрятав и уткнув носы. Спят, как мертвые, безволию отдавшись, Мамины и папины сыны. Все забыть, упав, как есть, в одежде. Страшное осталось в двух шагах... Спят ребята, как не спали прежде -В грязных и тяжелых сапогах. Все потом... Обречены по жизни Вы на сны-мученья на года. Будет боль. Прозренье тайной мысли. Вечно рядом – страшная война.

МАЛЬЧИШКИ

Война была совсем недолгой -Пяти всего хватило дней, Чтобы полить обильно кровью Дома, дороги и людей. Вдруг, образумясь, замолчала. И наступила тишина. Земля вновь к жизни возвращалась. В проклятьях корчилась душа. И зарубцовывались раны, Стучали бодро молотки... Однажды, как-то, утром ранним Сошлись мальчишки у реки. Обыкновенные мальчишки... Рыбалка – радость для ребят, Так вышло, люди, так уж вышло – Война подсунула снаряд. След той войны - снаряд готовый. Мальчишки - это тот народ -И любопытный и бедовый, И приключений вечно ждет.

Они... они его... - Рвануло!!! Бежит народ. Вот самолет... И все, что было, раньше было, Все страшное еще придет. Мальчишки личико прелестно. Но раны рваные, ожог... И слепота... и бесконечно Страданье, что их дальше ждет... Я сердцем вижу, сердцем слышу – Кому такого не понять? Я открываю правды нишу – Хочу понять: кто виноват? Тот, кто ковал орудье смерти? Кто развязал эту войну? Тот разгильдяй, что не проверил?... Я знаю истину одну: Не нам искать здесь виноватых. Все спишет внешний интерес, Но нам спасать мальчишек наших Вот в этот день. Сейчас и здесь...

Наталья Чикинова

НЕ ДАНО МНЕ ЗНАТЬ...

Как хорошо, что не дано мне знать, Как быстро могут люди погибать, Как каждую минуту смерти ждут Солдаты, что за Родину идут. Как хорошо, что знать мне не дано, Как страшно ждать, когда придет оно, Короткое, жестокое: «За мной!» - И побегут тогда солдаты в бой, Не зная, кто останется живой. И только мысль одна горит в мозгу: «Я выживу! Я выживу в бою!» Как хорошо, что не дано мне знать, Как трудно вам, солдаты, воевать.

ВОЙНА

Утро летнее - яркое, теплое -Словно молния рассекла: Ровный голос советского диктора: - Товарищи, началась война. И идет она, не кончается, Семь десятков сегодня ей срок. Неизвестностью откликается Средь затертых архивных строк. Треугольными старыми письмами И осколками в ранах бойцов. Просыпается сила фашистская Через толщу времен и веков. Прорывается стоном безвременным Из кошмарных дедовых снов, Перерывами в печах мартеновских Между сменами у станков. Не забыть, не стереть из истории И не выбросить из сердец Пронесенную боль народную! Кто, когда ей напишет конец?

Галина Шамина

ЭХО ВОЙНЫ

Мы родились в пятидесятых. С фронтов не встречали отцов. Не помним войны беспощадной Такое, представьте, лицо.

Уральский поселок районный, Где в каждой квартире, дворе Мужчина, любимый и верный, Не к каждой вернулся семье.

Письмо треугольное гладит Соседка, кричит на детей: «Отец-то, он с вами бы сладил, А вот без отца-то трудней!

А вот победитель безногий. Он часто на людях бывал: Руками толкнув тротуары, Себя на тележке катал. Вернулся он полчеловеком. Никто его не обижал. Он бил себя в грудь и при этом Рассказывал, как воевал.

А те, кому выпало счастье Вернуться с руками, ногами, Войну вспоминали и часто Во сне воевали с врагами. За кружкою свеженькой браги Приисковские мужики Совсем не кичились отвагой, А лишь вспоминали деньки.

«Был я в плену, из плена бежал, Вышел к своим – сразу к стенке. Вот так в штрафную роту попал Без звания, без документов. Идем в наступленье, пули свистят. Путь пули-дуры неведом. Справа, слева упал солдат. А я вот дошел до Победы».

Вздохнул он с такою печалью: Комок будто в горле застрял. Смахнул он слезу нечаянную, Меня к себе крепче прижал. В то время не принято было Победное брать интервью. Эхо войны так бурлило, Бомбило любую семью.

И были понятны все фильмы, Которые про войну. Фронтовиков уважали И мирную ценили тишину.

Анатолий Шаренко

ЭТОТ ДЕНЬ

Не грохочут больше танки, Самолеты не гудят. И зловещие останки Над рейхстагом лишь дымят. Заливается гармошка, Слёзы по щеке дождём. Ну, теперь совсем немножко Нам до дому - подождём! Знамя реет над Берлином. Непривычна тишина. А солдатам будто снится, Что закончилась война. Рукавом размазав слезы, Улыбаясь невпопад, Вдруг про русские березы Песню затянул солдат... А в далекой деревеньке Мать, собравшись за водой, Вдруг упала на коленки: «Ой, сыночек мой... живой!» Вся страна ликует... плача. Скорбь заходит в каждый дом. Редко где прошла удача: Все вернулись за отцом. Помним всех, не забываем. И у Вечного огня Каждый год стою я в мае -Гордость, слезы у меня...

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сорок лет я с Днём Победы поздравлял отца.

И, казалось, праздник этот будет без конца.

Но уже судьба-злодейка шла наперерез:

Праздник навсегда остался, но ушёл отец.

Вот медали «За отвагу!», рядом ордена.

Юность, чиркнув рикошетом, унесла война.

А когда вернулся с фронта, – старшим в доме стал:

Всех сестёр и младших братьев на ноги поднял.

A свою мечту благую не осуществил:

Две контузии и раны врач определил...

Так, не доучась, – работал, не стонал, не ныл.

Ничего на этом свете он не попросил.

При последней нашей встрече я ему сказал:

- Что же ты не пьёшь лекарства? врач же прописал!
- Не вернут таблетки эти молодость мою,

Лучше я пойду в беседке молча покурю...

И ушёл, не попрощавшись, и унёс мечту.

Годы, молнией промчавшись, канули в Лету.

Повторит всё муза Клио, как с Бородино:

Для Истории лишь даты, им же – ничего... Сорок лет я с Днём Победы поздравлял отца.
И, казалось, праздник этот будет без конца...
Так хочу вернуться снова в дворик детства свой, Где бы мать была здорова и отец – живой.

Николай ШЕПЕЛЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Над гранитной плитой Огонь скорби горит «Здесь Солдат Неизвестный», -Надпись людям гласит... Почему неизвестный? Ведь родители есть, И Героем он стал, Защищая их честь. Его мать – вся Россия, А отец – весь народ. И они его помнят. Каждый день он их ждет. Вы всплакните, родные: Не могу вас обнять, Но я в огненном смерче Сумел вас отстоять. И мой дух, дух нетленный Обращается к вам: Берегите единство Назло нашим врагам. А огонь, огонь вечный Пусть вам силы дает -И тогда, очень верю, Недруг вас не возьмет.

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ

Ровесники Победы постарели, А что уж говорить об их отцах, Которые средь огненной метели Вошли в Берлин и взяли сам Рейхстаг.

Четыре года шли герои к цели: Ведь свастика кружила вороньем. Ряды солдат заметно поредели, Но зверь фашистский был сражен мечом.

И мир увидел русского солдата, Который флаг Победы водрузил Над куполом зловещего Рейхстага -И третий Рейх в конвульсиях застыл.

Пришла Победа майскою порою. Прошло немало, семьдесят пять лет. Вы наслаждайтесь, люди, тишиною, Провозгласите: войны – под запрет!

Константин Ярославцев

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Кто вам скажет: «Убиты в бою» --Это эка опять не про вас. После смерти в надежном строю, Словно слыша комбата приказ,

Вы с живыми идете вперед, Натыкаясь на холод земли. «Слышишь, эй, подмоги, старичок, Что-то колет осколок в груди». Шаг ваш грозен, и вымотан враг: Русский дух не заколешь ножом. Шли на пули колонны ребят, Непокорным бессмертным полком.

Из-под снега дышала земля, Коротило гирлянды ночей. «Это наши родные не спят, Нам бросая сигналы терпеть».

И как только услышат призыв, Память вздрогнет, как тонкий листок: Вместе с теми, кто слышит, кто жив, Говорит несгибаемый полк.

литературно-художественный альманах **КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ**

Выпуск 9

Редактор – Титовец М.И.
Ответственный за выпуск – Краснопевцева Г.П.
Дизайн и верстка – Худяков А.С.
Фото на обложке – Шохов В.В.
© 2020, Администрация Качканарского городского округа
© 2020, МКУ «Качканарский городской архив»
© 2020, ООО «Издательство «Раритет»

Подписано к печати 20.01.2019
Бумага ВХИ 80 г/м². Печать офсетная
Гарнитура Cambria. Формат 70х100/16.
Усл. печ. листов 22
Тираж 1000 экз.
000 «Издательство «Раритет»
620078, г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4-51
Директор С.С. Погорелов +7 922 211 75 59
e-mail: raritetizdat@mail.ru